

Жили люди у Оки

28 августа 1911 г.

Коломенский уезд Московской губернии

село Речки, другие села и деревни по берегам Оки

Евстафий Кузьмич, несмотря на субботний день, по давно выработанной привычке проснулся рано. Из-за занавески проникал яркий солнечный луч, который по утрам падал на кровать. По субботам в Озерах был базарный день, и Евстафий Кузьмич хотел съездить, прицениться, что и почем там торгуют.

Он, хотя и числился в мужиках, но всем было известно, что того и гляди будет принят в гильдию купцов. Еще его батюшку уже давно многие знали как деревенского богатея. Его отец не был бедным человеком и денежек оставил не мало. Но Евстафий Кузьмич считал, что если самому не крутиться, то эти деньги скоро кончатся, но кто задумывался, как ему все доставалось. Евстафий Кузьмич, несмотря на богатого отца, смолоду на зиму уходил на заработки в Москву, где получал хорошие деньги, а весной возвращался. Одним из первых он понял, что их суглинок, если и способен накормить семью, но особого достатка от него не жди. К тому же деревенская голытьба так привыкла к общинной дармовщине, что откровенно ничего не желала

Жили люди у Оки

делать, а только и знали пить водку с утра до вечера, с зимы до лета, да глотки драть на общинных сходах. Поэтому Евстафий Кузьмич первым в своей деревне Речки, когда пришли реформы, выделил свою землю в отруб, да еще прихватил брошенные участки давно ушедших в города и невернувшихся соседей. Будучи человеком осторожным, из общины выходить он не спешил, хотя давно мечтал о гильдии купцов.

До поры Кузьмич предпочитал помалкивать об этом, но весь вид выдавал в нем не подлое мужицкое сословие, а крутого хозяина.

Торговал он давно и успешно сельхозпродукцией, в основном сеном, соломой, овсом и картошкой, а приторговывал всем, что попадало под руку. Однажды, уже в августе, он договорился с каким-то военным интендантом-прощельгой и впарил ему прошлогодней квашеной капусты в бочках, которую он за бесценно специально для этого скупил по деревням. К августу капуста уже переквасилась и, если на что годилась, так это быть зарытой в землю за овином. Крестьяне с радостью по дешевке сбывали товар и дивились чудачеству покупателя. Барыш был поделен между Кузьмичом и интендантом, которому, как рассказывали потом досталось, когда территория

вокруг солдатских лагерей, расположившихся на лето в березовом перелеске на берегу Оки, в одночасье оказалась загаженной, а лазарет окружила толпа солдат с сильным желудочным расстройством. Евстафий Кузьмич вел себя так, будто во всей этой истории он вроде как и не причем.

Овсы у Кузьмича выстаивались в любой год, как ни у кого – густые и жирные, на диво крупные колосья клонились к земле под тяжестью их зерен, пугая хозяина упасть на пашню, не дождавшись жатвы, при первом же дожде.

Евстафий Кузьмич вскакивал, порой, ни свет ни заря от кошмарных снов, бежал на конюшню и, не седлая только накинув уздечку на морду лошади, гнал ее во весь опор в поле. Там он долго ходил вдоль и поперек, ласково гладил колосья, что-то бормотал себе под нос и тревожно рассматривал небо во все стороны. Усердно крестился и, убедившись, что все его богатство на месте и никто не посягает на него, пешим образом возвращался домой, расстегнув удила и держа лошадь за поводок.

Завидев Евстафия Кузьмича, бабы у колодца заводили свои суды-персуды в его сторону.

– Смотри-ка-ся, Евстафий, как заведенный опять гонял на поля. Ночами не спит, не доверяет даже собственным обходчикам, – завистливым голосом, заговорщески начинала сисястая, рано овдовевшая и всем своим нутром тянущаяся к Кузьмичу Полина.

– О, тож. Доверяй – не доверяй, а проверять самому надо. Они, эти обходчики, сами охочи до чужого добра. Того и гляди снесут угол поля и той же ночью продадут какому шаромыжнику. Потом ищи–свищи, концов не

Жили люди у Оки

найдешь. А так, Евстафия Кузьмича как не поворачивай, всегда с овсом да при барыше, – уважительно парировала уже немолодая, но еще свежая Стешка, разбитная жена Афанасия – бывшего работника Евстафия Кузьмича, тайно, как ей казалось, от своих подруг глядя вслед Кузьмичу.

– Куда там, – наигранно вздыхала Полина, – как бы не проторговался. Говорят, кому как, а кому-то уступает и по дешевке. С чего бы это?

– Что ты хочешь этим сказать, – вспыхивала Стешка, – язык твой поганый. Жаб, собачье мясо, а то ведро тебе на голову надену.

– Чево? Смотрите-ка, ведро она мне наоденет. Это кто «собачье мясо»? – С угрозой поднимая коромысло, не уступала Полина. – Чево я такого сказала? А кто не знает, что Кузьмич нет-нет, да и задержится неизвестно где до обеда. Люди-то они все видят. Вот, третьего дня...

Договорить она не успела. С криком: «Да я тебя, ехидна болотная» – в ее волосы вцепилась Стешка.

Описывать дальше все, что происходило у колодца – значит повторить хорошо всем известное, то, что всегда происходит в таких случаях: ближайшие полчаса люди, жившие неподалеку от колодца, слушали истошные крики схватившихся женщин, грохот ведер и подбадривающее:

– Дай ей, дай, чтоб не лезла не в свои дела.

– Коромыслом ей по языку, ишь взялася людей поганить, а сама совести не знает...

Постепенно страсти затихли. Уставшие бабенки как бы пришли в себя, вспомнили, что дома их заждались, да и утренние дела стоят, того гляди печки упустят.

Мужики, вышедшие повеселиться бабьей сварой, к этому времени уже выкурили по «козьей ножке» махры и с веселыми улыбками на свой манер обсуждали бабьи страсти. Кто запаздывал выйти со двора, интересовались:

– Чего это бабы опять крик подняли? Нейметса им.

– Известное дело, опять Полина со Степанидой Кузьмича не поделили.

– Вот профурсетки неумные. Как сойдутся, так без скандала не могут, – бормотал крупный мужик, аккуратно причесанный, с окладистой бородой.

– Кузьмич тоже хорош, замужнюю привещает, а здесь вдовую да видную собой, к тому же молодую уважить не может. Кому такое дело понравится? – Деловито протараторил чисто бритый в косоворотке навывпуск, без ремня и в идеально начищенных сапогах, сразу видно из артельщиков.

Дед в валенках, с видом, казалось, безучастным к происходящему у колодца и к разговору мужиков, густо прокашлялся от ядерного самосада, в промежутках между кашлем несколько раз умудрился чихнуть так, что по всему его телу прошла дрожь.

Мужики обалдело и смеясь смотрели на деда.

Жили люди у Оки

– Проняло сердешного. Кабы в штаны не навалил.

Дед высморкался в траву, вытер слезящиеся глаза, пожевал беззубым ртом и уперся в мужиков мутными, плохо видящими глазами.

– Евстафий Кузьмич – мужик обстоятельный, – наконец заговорил он, – это вам не какой-нибудь ветряк. Он знает, что делает. Полина – баба молодая, да справная. Без мужика таким туго приходится. Попадешь к такой – не отпустит, заграбастает и каюк – дороги домой потом не сыщешь. А у Кузьмича жена, семья, свое хозяйство. На кого он все это бросит? Здесь захочешь и то перехочешь.

Дед еще чего-то там пожевал, сплюнул и продолжал:

– Стешка-то дело другое. Она при муже давно уже. Ей что? Подолом помахала, проветрилась и – домой под крыло к мужу. Афанасий, он тоже не дурак, деловой и с понятием. Небось догадывается о них, но молчит. Подумаешь, прижмет ее Кузьмич иной раз, так что? Не протрется. Его Кузьмич за это и держит при себе, не обращает внимания на то, что тот приворовывает. А как же иначе проживешь? Сейчас без этого нельзя никак. Зато смотри-ка-ся, хозяйство у него растет как на дрожжах. Видал, уже и работников какой год нанимает. Один с хозяйством не управляется.

– Я и говорю, – хихикнул рыжеватый коротышка, оттянул штаны за резинку и повернулся к старой ветле, – окрепнет Афанасий, он Кузьмичу ногти-то переломает.

– А ты, Ерощка, только и ждешь, кто кому что переломает. Вот ты с молоду такой. И чего ты злобствуешь? А Афанасий не посмеет, – вставил свое слово здоровый мужик с окладистой бородой. – Он сколько лет у Евстафия Кузьмича кормился, тот и работу ему давал хорошую, доверял. Нет, стерпит. Да и не известно, что у них там, это все бабы болтают. Може ничего и нет, у баб ведь язык, как помело, им верить, сам в дураках окажешься, да и не нашего ума это дело.

– Посмотрим, ведь Афоня если разойдется, тогда только держись. Говорят, он свое дело хочет открыть. Болтают, будто ельник барский у Хахалевского оврага присмотрел. Хочет, говорят, прикупить его. Барин-то наш, слышать, совсем спился, родительские деньги прогулял. Теперь имущества распродает, – по деловому со знанием дела тараторил крепыш, как будто рассказывал о своих планах.

Степан, так звали крепыша, обладал дурной манерой после каждой сказанной им фразы хихикать. Есть такие люди. Но ощущение было, что смеяться от души он не умел или боялся, что смех резко выплеснется изо рта и может случиться неловкость, поэтому он сжимал горло, и получалась полная ерунда, вроде сдавленного кхы...кхы...кхы. Во-первых, смех был некстати. Во-вторых, это был не смех, а какое-то рыкание вперемежку с

Жили люди у Оки

хыканьем, как предсмертное удушье. При этом на окружающих он обильно брызгал слюной. Но это было не главное, главное – по любому вопросу он спешил высказать свое суждение, хотя часто не разбирался в них. Он постоянно всех перебивал со словами: «Что ты нам здесь рассказываешь? Ты лучше послушай, что я тебе скажу». За эту манеру он был несколько раз по пьяному делу бит, но от привычки своей не смог отучиться. Видно, дурные манеры очень въедливы.

Хотя у кого их нет? Только у всех они разные.

– Ба-а! Зачем же Афоньке ельник? Только что маслята в нем собирать, – удивлялся рыжеватый Ерошка.

У Ерошки были свои манеры: был он отъявленный бездельник, а потому семья его жила бедно. В силу своей бедности он был завистливый и зловредный, поганый на язык. Этого били постоянно. Порой просто от скуки. Характер у его жены был не мед, поэтому каждый раз, когда он побитый приходил домой, она приговаривала: «Мало тебе, окаянному, досталось. Хоть бы вообще тебя убили». Била и она его, только не за зловредный язык, а из-за бедности и беспробудного пьянства Ерошки.

– Это тебе не «маслята». Ничего-то ты не понимаешь, потому что есть шишголоть, так и свекуешься, – не унимался Степан. – А ельник – это, братец, не елки на Новый год. Много ли у нас в округе ельников? Да еще рядом с дорогой? То-то же! Че-то Афоня не договаривает. Ельник, сдается мне, здесь сбоку припеку. А ты говоришь «маслята». Ссуду, говорит Афанасий, возьму в банке, артель найму. Вишь как шагает? Не то, что некоторые. Ты вот против ветра встал, так смотри все штаны обрызгал, на землю меньше упало. Я ему и говорю: «А чего же тебе, Афанасий, бригаду искать? Я со своими молодцами справлю чего надо».

– Откуда у людей только деньги берутся? – задумчиво вздохнул рыжий Ерошка. – Степан, а что Афанасий сам тебе об этом говорил?

– Сам, сам... Тебе-то какое дело? Кому надо, тому и говорил, – нервно ответил Степан. – Иди лучше домой. Штаны свои ссанные и сраные постирай. Небось с веку мыла и золы не знают.

– Меньше надо вздыхать, больше работать. Ты вот зиму самогон жрешь, а порядочные мужики по городам заработки ищут. Им тоже ведь охота на печке с бабой попариться, ан нет, о доме, семье думают, – добавил масла в огонь бородатый здоровяк Гаврилыч, как его все называли.

– Мне врачи не велели на фабрике работать по здоровью, – еще раз выдохнул Ерошка.

– На фабрику тебя никто и не посылает, – в ответ на зловредный вопрос рыжего начал горячиться Степан. – Кому она нужна-то кабала такая? Так и вольной работы в городе хоть отбавляй. Ну, а летом-то пахать тебе кто не

Жили люди у Оки

велел? На твою полосу противно смотреть: борозды кривые, как бык пописал, и не пропахано. Летом одни сорняки. Картошку лишней раз не окучишь. Зимой лишнего куска хлеба дома, небось, не сыщешь? То-то втихомолку свою бабу гоняешь в чужие деревни, да в Озеры с сумой. А на сходе первым орешь: то земля у тебя не та, то общинной работы на тебя взваливают много.

– Нечего тебе, Степан, заглядывать на чужие дворы. Живем, как можем. Уж как-нибудь проживем. Мы люди простые, много нам не надо, поэтому за деньгами не гоняемся. Не это в жизни главное. Я ведь не дурак, как ты думаешь, я тоже кое-чего в жизни понимаю. Вот вы все мечетесь, где бы побольше сшибить, а мы тихо, без суеты ткем полотно и никуда нам бегать не надо: пряжу привезут с фабрики, за полотном приедут и деньги с собой привезут. Вот они денежки и капают. А вам все мало. Землю всю жизнь пашем и урожай с Божьей милостей убираем. Нет, мало вам, подавай всякие там новшества. Теперь многополье придумали.

– Подумаешь, удивил: баба его полотно ткет, – хмыкнул Гаврилыч и огладил ладонью свою окладистую бороду. – Кто ж его не ткет? Испокон веков зимой ткали, чего еще делать. Да проку сегодня от этого не много. Вот считай: кусок полотна у нас идет по шестьдесят одному метру, скупщики за кусок платят тридцать пять-сорок копеек, а ткать его неделю часов по шестнадцать. Ну и что? В месяц, дай Бог соткешь, четыре куска, а то и того не будя – кто за тебя хозяйство домашнее будет вести, скотину и птицу кормить, корову доить, харчи на семью готовить? Вот и выходит: рубль шестьдесят в месяц самое большое, а то и рубль двадцать. В городе за день больше заработаешь.

– Ты что, Гаврилыч, не лез бы, – почти взвизгнул разозлившийся рыжий. – Если ты такой деловой, чего ж избу-то не ремонтируешь? Пора бы, уж крыша поди капает?

– Я те двину шас по носу твоему рыжему, у тебя вперед закапает. Я, между прочим, пожалуй, тоже на отруба подамся, – с этими словами Гаврилыч поднес свой пудовый кулак к носу рыжего, но бить не стал: лень, да и грех с утра не хотелось на себя принимать. – Все порядочные хозяева уже выделились. Того гляди в общине одна беспомощная пьянь останется. Я вот тоже думаю на хутор податься, – мечтательно и как бы оправдываясь за старую избу, не глядя на рыжего, произнес Гаврилыч, – все порядочные хозяева уже выделились. Того гляди в общине одни безлошадные и больные останутся, корми их тогда дармоедов. Вот тогда и построюсь.

Гаврилыч не входил в число деревенских богачей. Но деньжата у него водились, и все знали, уж чего он задумает, то не отступит. Из кожи вылезет, а своего добьется, поэтому к словам его прислушивались и уважали.

Жили люди у Оки

– И я давно уже решил, – поспешил встрять в разговор Степан, – еще годик подзаработаю на отходе и поставлю свой хутор. Благо ссуду теперь в банке дают на много лет. Глядишь, и мы встанем на ноги? Ведь и Кузьмич, и Афоня до срока были как все.

– Ладно, хватит прохлаждаться попусту, пошли. Всех дел сразу не переговоришь. Хотя отруба и хутора – занятие стоящее. И главное, господа тогда бы жили сами по себе, а мы сами по себе.

– Дед, – хлопнул по плечу задремавшего на солнечном припеке деда. – Дед, пошли домой. Тебя там уж заждались, наверное. Еще подумают, что к молодой сбежал.

Дед сонно встал и по своей привычке густо высморкался в траву.

– Вот вы все судите да рядите, о хуторах мечтаете, – хрипло сказал он. – Люди вы, конечно, умные, но дураки – главного не понимаете. Ероху все шпыняете, а таких, как он, считай, более половины на деревне будет. Обозлите их: они объединятся и разорят все ваши амбары, а вас в избах живьем спалят. Раньше господ жгли и разоряли, теперь за вас примутся. Когда жрать охота, какая разница кого жечь? Вот ты, Гаврилыч, кулак ему к носу приставлял, а раньше барин на конюшне сек. Чем же ты от него отличаешься? Вот и думайте, как вам жить? А я так скажу, таких, как Ероха, вам жалеть надо и помогать им. Они хоть и убогие, а люди.

При словах деда Ерошка вприпрыжку кинулся домой.

– Ишь ты, дед, сам спит, а сам все слышит, – хмыкнул Гаврилыч.

– Тогда, дед, тебя на помощь позовем, – затараторил Степан.

– Зови – не зови, меня тогда, Бог даст, уже не будя.

– Молодец, дед – старый, а умный.

– Не приведи Господи, – Думая о чем-то своем, Гаврилыч печально перекрестился и не спеша отправился домой.

Деревня в то время переживала сложное время перемен. Старые порядки постепенно уходили в прошлое, и это пугало многих, а новые – робко заявляли о себе, настораживая непривычных к переменам крестьян. Как бы то ни было их значительная масса заколачивала двери и окна старых изб и снималась с насиженных мест. Они связывали свои судьбы с дальними неизведанными просторами свободной земли в Сибири.

Так уж повелось, что человек в своей безысходности охотно верит в манящие сказки о заморских странах с молочными реками и кисельными берегами за лесами и горами в тридевятом царстве в тридесятом государстве.

Еще большая часть крестьян оставалась на местах. Беднота надеялась, что как-нибудь дотянет свой век на родительской земле, но успехи богатых соседей не давали им покоя. Все понимали, что старая община в новых условиях не может обеспечить всех, как хочется каждому, а местные

Жили люди у Оки

хуторяне и отрубники часто получали то, к чему они стремились. Что характерно, в большей мере, чем богатые, толпы бедных крестьян переселялись на хутора и брали отруба, но они не понимали, что воля сама по себе еще не дает благоденствия, она материализуется в результате тяжелого труда и упорства, превосходящих часто условия жизни в общине. Община, если ты беден и немощен, способна прокормить тебя, чтобы ты не помер с голоду и остался без крыши над головой. Иное дело хутор, здесь ты хоть и хозяин, но случись чего, тебе самому одному придется выживать.

Те и другие ненавидели друг друга, поэтому случалось, что беднота жгла дома и постройки богатых соседей, калечила их скотину и уничтожала урожай.

Становилось очевидным, что деревня втягивается в единый процесс, переживаемый Россией и мучительную переоценку всего своего прошлого опыта.

* * *

Евстафий Кузьмич еще какое-то время понежился в постели, наслаждаясь пышностью перин и подушек, благо жена давно уже встала и хлопотала по кухне. Солнечный луч постепенно набирал силу и все больше припекал щеку. Комната давно уже была охвачена его светом. Чистые, накрахмаленные кружевные занавески на окнах были раздвинуты, и стоявшая на подоконниках герань купалась в лучах света и тепла. Вымытые полы сверкали свежей краской из-под домотканых разноцветных половинок. В углу комнаты чинно стоял фикус, каждый листочек которого был заботливо протерт. Он как бы охранял лики святых на триптихе, установленном над его макушкой, внимательно и неусыпно наблюдавших за порядком в избе. Вся эта Божья благодать и уют отражались в огромном зеркале, висевшем над резным комодом ручной работы.

Здоровый кот сибирской породы нахально забрался на диван, откуда его постоянно гоняли, но он упорно и, зная в какое время его некому будет тронуть, задрав заднюю лапу вверх, тщательно вылизывал все, что мог достать своим языком, и получал от этого такое удовольствие, что его урчание было отчетливо и даже громко слышно в тиши избы за перегородками и за печкой.

Евстафий Кузьмич наконец-то спустил ноги с кровати на пол; уже сидя на ней, с удовольствием до хруста в костях, потянулся, широко распахнув рот, зевнул, перекрестился, подтянул исподние штаны и вышел в первую избу.

Жили люди у Оки

– Евстафьюшка наш проснулся! – обрадовалась жена, увидев мужа. Она всегда называла его не иначе, как Евстафьюшка, или по имени и отчеству. – Как спали Евстафий Кузьмич?

– Спасибо, матушка, твоими молитвами, даже не слышал, как ты встала.

– Господи! Да какая тебе забота, когда я встала? У меня свои дела, а тебе можно и поспать. Маешься с утра до ночи без передыху. А ведь сам виноват: куда хозяйство-то такое разогнал? Вот господа при таком хозяйстве сами ничего не делают, только кофеи распивают и танцы танцуют.

– То-то у них наш брат мужик по крупичам скоро все их хозяйство растащит, а будут сопротивляться, либо самих порешат, либо усадьбы пожгут. Прости Господи!

– А я спроворила картофельных оладушек с жареным лучком на нутренум жиру да со шкварками.

– Со шкварками – это хорошо. То-то я чувствую дух стоит по всей избе. Чувствую знакомый, а спросонья вспомнить сразу не могу. Ну, я быстренько, только на двор слетаю и назад. Скотина-то кормлена? – спросил он уже в дверях

– О-то ж! Мы с Марфуткой еще сранья всех накормили, питья дали, коров подоили. Она отпросилась за грибами. Говорит, в бору у Хахлевского оврага маслят гибель, полный аброт. Обещала к вечеру кастрюльку отварных принести.

– Маслята – это завсегда хорошо, – пробормотал Кузьмич уже в сенях, поспешая во двор, – особенно с постным маслом да с луком, со сметаной, пожалуй, то же не плохо.

Евстафий Кузьмич вышел во двор оглянул его хозяйским глазом и остался доволен. В обширном дворе, было множество построек и, хотя днем здесь кипела работа, как и в избе во всем присутствовал порядок и чистота.

Кузьмич с утренней поспешностью сходил в туалет, который располагался во дворе и придя к внутреннему равновесию, не спеша прошелся по двору, глянул за забор.

Деревня, в которой жил Евстафий, располагалась на крутом берегу Оки рядом со Смедовской долиной. А дом его стоял на ближайшем к переправе через реку конце деревни, поэтому со двора на много верст была видна панорама реки и прилегающих к ней берегов. С полкилометра от деревни к Оке спускалась дорога

Обитатели дома имели редкую возможность любоваться такими красотами, какие, по словам настоятеля местного прихода отца Евлампия, Ока соединяет грешную Землю и плоть человеческую с духовным миром Царства небесного. Мужики не все понимали глубокомыслие отца Евлампия, но объяснять им было не надо – им посчастливилось быть свидетелями этого

Жили люди у Оки

необыкновенного пространства, и поэтому не требующего для них каких-то объяснений. Любые описания, пусть даже самые подробные, всегда могли оставить недосказанным какой-то фрагмент, какую-то черточку этой красоты, да и вообще крестьянской душе трудно было высказать словами все то, что открывалось их взору. Люди часто как замороженные просто молчали и подолгу всматривались в окские просторы, как в первый раз разглядывали остров посередь реки, как бы ожидая, что вот-вот выйдет из зарослей ивняка на нем чудо-чудесное или увидят они то, чего ждали всю свою жизнь, а когда настанет момент, чудо и свершится, нужно только очень внимательно взглядеться в ту даль, которая уносила их со дворов и из изб, от грешной земной жизни, и не пропустить его мимо своего взора.

Так и Евстафий Кузьмич, замер у забора босой в исподнем с расстегнутым воротом и развязанными тесемками у лодыжек ног. Стоял и так смотрел вдаль, что мысли его при этом притихли и старались не мешать наслаждению земным Раем.

– Евстафьюшка, – донесся с крыльца голос Василисы, – ты где, родненький, пропадаешь, оладушки который раз ставлю на плиту, не ровен час пересохнут, тогда их только и останется, что курам скормить.

Евстафий очнулся как от глубокого сна, оглянулся, ощутил себя на дворе.

– Иду, иду – отозвался он и направился к крыльцу.

Дверь в избу из сеней была, как водится, ниже обычного человеческого роста. Это для того, чтобы входящие не забывали кланяться хозяевам и склонять головы перед ликами Святых угодников, взиравших на них из правого угла избы. Кузьмич, входя в избу, трижды перекрестился и, в чем был сел на лавку в угол длинного стола как раз под образами.

– Василиса, – позвал он, – где там твои оладьи?

Василиса моментально выскочила из-за занавески, отделяющей избу от кухни. В руках держала огромную жаровню, наполненную картофельными оладьями, которую поставила перед мужем. В жаровне еще сипел раскаленный внутренний жир, как бы сопротивляясь жару русской печки, из которой жаровня только была вынута. Попадавшие в нее капельки остывшего в воздухе пара взрывались в жиру фонтанчиками, предвещая вкусный завтрак. По избе пополз нестерпимо манящий запах картошки, жареного лука и поджарок, которые плавали в растопленном жиру в томительном ожидании быть съеденными.

Василиса хлопотала изо всех сил. И это не было ее осознанным стремлением. То было обычное и естественное дело. Ее любовь и уважение к мужу исходили откуда-то изнутри ее сущности. Человек она была набожный и чаще всего ей не приходилось долго думать, как поступить, что сделать, как

Жили люди у Оки

сделать так, чтобы муж был доволен. Все получалось как бы само собой, по-христиански.

Евстафий отвечал ей взаимностью. Не обижал. Хотя он и погуливал от жены, но семью почитал на первом месте. Знал, что дом есть дом и чувствам волю на стороне не давал. Василиса, казалось, все это понимала, но никогда не задавала лишних вопросов, боясь, что есть вопросы, которые окажутся хуже ответов.

– А где дети? – спросил Евстафий Кузьмич.

– Так где им быть? Анюта спит в светлице, ребята на сеновале легли. Опять пришли ни свет, ни заря. Ты уж не ругайся, дело их молодое, а на неделе и времени нет погулять. Ты ребят совсем загнал делами да работой, и Анюта у меня не прохлаждается. На этой неделе все зерно в амбаре еще раз переверорошила. Зерно в этом годе заложили отменное – сухое, твердое. Ой, да что же это я огурчиков-то забыла подать. Подожди.

– Василиса, ты вот что: сегодня суббота пусть спят, а вообще-то непорядок, завтракать вся семья должна вместе. Собери-ка мне их как-нибудь всех вместе. Пора бы поговорить с ними о жизни. Старшему скоро в солдаты идти, надо готовиться. И Анюте, лет то ей сколько? Не вековать же в девках, пора о замужестве думать.

Василиса еще раз сбегала на кухню и принесла миску малосольных огурцов.

– Соберу, соберу, Евстафий Кузьмич, хоть завтра с утра. А огурчики-то только утром достала из погреба, пахнут укропчиком и листочком с чесноком. Скоро совсем усолятся, а пока еще малосольные.

Кузьмич положил в миску пару оладий, размером чуть меньше его ладони, покрывшихся поджаристой корочкой. Василиса полила их уже переставшим сипеть салом, а запаха исходившего от них, казалось, было достаточно, чтобы насладиться утренней трапезой.

– Может, лафитничек, Евстафий Кузьмич, перед завтраком желаешь – для аппетита?

– Пустое, в такую рань только господа да баламуты разные себе позволяют и то какой-нибудь газовый сидор или всякое там шампанское. А потом ходят весь день – ни толку от них, ни проку и света белого не видят.

– Сама-то што сидишь, не накладываешь. Небось с утра маковой росинки во рту не было? – Кузьмич взял увесистый огурец, с силой кусанул его и с чувством захрустел.

У него был такой вид, будто он хотел разжевать каждый кусочек огурца, чтобы тот понапрасну, впустую не пролетел в желудок и как можно дольше оставлял на языке вкус чеснока, сохранил свежий запах укропа и листа.

Жили люди у Оки

– С утра я молочка парного, утряшнего поела со свежим черным хлебом. Только вчера вечером достала его с паду. Ну, пожалуй, одну оладушку покушаю на пробу, да за компанию, чтоб тебе не скучно было.

Не забыв перекреститься и воздать хвалу Господу Богу, Кузьмич с Василисой позавтракали, еще раз поблагодарили Создателя за хлеб насущный. Василиса смела хлебные крошки со стола и отправила их в рот.

– Евстафьюшка, што делать будешь сегодня? День-то субботний? Может в церковь сходим?

– Мне Бога хватает в мыслях моих. А потому, как человек я грешный, то поеду в Озеры, там сегодня базарный день. Началась уборка овса, надо посмотреть, чем народ приторговывает да почему; что говорят об урожае. Вдруг мыслишка какая образуется. Сено опять же еще не сторгованное осталось. Дожди пойдут, сопреет, а жалко. Чего ж лишние деньги терять, какие никакие, а все-таки дай сюда. Да и время сейчас такое, что хозяйство надо бы укреплять. Не ровен час шижголь какая обскочит, а потом еще и помыкать тобой будет. А ты сходи, сходи в церковь и за меня, за нас с тобой, за детей наших поставь свечи, помолись. Стариков наших не забудь, за них тоже помолись. Нищим подай, только не балуй их особо-то.

– Господи, ты што такое говоришь? Уж не пугал бы. Какая шижголь, почему обскочет, почему кто-то тобой помыкать должен? Все наши работники тебе руки целовать должны. А ты – помыкать.

– Ладно тебе, не бойсь. Это я так к слову. Вон Афонька наш ишо кожей не оброс, а уже, говорят, дело свое хочет заводить. Только мы еще посмотрим, кто на деревне первый хозяин? Он думает, что на маслятах из барского бора меня обставит? Дай срок, вступлю в гильдию купцов, я и ельничек тот к рукам приберу. Он думает, один такой умный. Я там еще в прошлом годе все елки пересчитал и посчитал, сколько на них барыша можно наварить.

У Афоньки, конечно, хоть кишка еще тонка со мной тягаться, чего говорить, но малый вырос деловой, хозяйственный, такой настроение может подпортить. Замечаю за ним последнее время: нет, нет, а то глазом, как зыркнет, того и гляди, обухом огреет по голове.

– Будет тебе, Евстафий Кузьмич! – весело проговорила Василиса, – Афанасий нам как родной. Сколько лет жил при нас! Из солдат вернулся, куда в первую очередь пришел? Опять же к нам. Я в него верю. А что до своего хозяйства, так и хорошо, пускай обзаводится. Жить-то всем надо, он и Степанида люди хоть и не молодые уже, но еще и не старые. Им еще жить и жить. Пущай живут себе с Богом.

Жили люди у Оки

– Я здесь, матушка, предприятие одно задумал. Только ты молчи до поры. Никому ни полслова, особенно Афоньке. Ручеек наш за деревней в буераках представляешь? Так вот хочу его к рукам прибрать.

– Господи, да зачем же тебе это надо? Земля вокруг ручья не плодородная, одни камни, ямы да бугры?!

– Вот все так и думают. Земля тамошняя мне не нужна, а вот ручей... Он падает с бугров вниз, а если в этом месте сварганить запруду и под ней поставить мельницу, то подумай, что может получиться? У нас ближайшая мельница где?

В Борхино на Осетре, а где оно это Борхино? Считай, десять верст отсюда. Не наездишься. А тут, все зерно вокруг будет моим. Вот они, где денежки-то. И ельничек этот пригодится – свой стройматериал для мельницы. Ну, как? Матушка моя? А ты говоришь то яма, то канава. Мы на этих ямах и канавах, Бог даст, аккурат в гильдию купцов въедем. В Озерах я и место присмотрел, где дом поставим. Двухэтажный со своим выездом. Все как положено. Наши купчишки меня уже ждут, обещали поддержать. А как же? Ну, и я с уважением к ним, кому чего: кому деньжат одолжу, кому с подарочком, кого угощу лишний раз.

В общем к барину надо ехать сговариваться пока не поздно. С ним, с чертом, не все так просто, щас как барыш почувствует, начнет деньги тянуть. Уже подкатывался. «Проигрался, – говорит, – дай, Кузьмич, карточный долг вернуть. Отыграюсь – отдам». Видали мы, как он отдаст, так и пропьет все. Не дал, а он обиделся. Мда... непросто все, некстати отказал, и Афонька под ногами путается. Что же он задумал? Если бы знать. Мужики болтают спьяну всякое да разное, и понять их невозможно. Многие просто врут от зависти.

– Это ты хорошо придумал, Евстафьюшка, – радостно воскликнула Василиса. – Но ты пожалел бы себя. Не молодой уже. Не живется тебе спокойно, – захохла она, – чего еще надо? Все есть. Даже приданное Анюте уже справили. Дом – лучший в деревне, все только завидуют. Скотина, поле, луга немерены.

– То-то и оно, что завидуют.

* * *

Евстафий открыл окно, крикнул: «Митрофан, лошадиная твоя душа, ты где, покажись?»

Откуда-то из-за угла конюшни выскочил заспанный конюх Митрофан.

– Я здесь, Евстафий Кузьмич, – стараясь казаться бодрым, доложил он.

– Митрофан, закладывай двуколку, в Озера поеду.

Жили люди у Оки

– Чуть не забыла: загляни в Озерах в промтоварную лавку, что рядом с базаром. Там продавались туфли из шагреновой кожи по рубль восемьдесят. Анюте надо бы прикупить, да ребятам посмотри брюки шерстяные по четыре рубля пятьдесят копеек. Не дороже. Если не будет, закажи, а я соберусь как-нибудь съезжу. Надо детям обновки справить, а то на люди в старом появляться как-то неудобно. Может, братцу своему сапоги кожаные им закажешь под брюки. Они уж женихи, почитай, хватит им ходить в размахаях. А я им по рубахе новой справлю.

– Зайду. Может, что еще посмотреть?

– Ладно, пока соберем урожай – там посмотрим.

* * *

Евстафий Кузьмич быстро миновал деревню, и его двуколка выскочила за околицу, а там – ручей с омутами.

– Вот он мой заветный ручеек, без имени, без названия. Тем и хорош, внимания на него никто не обращает. И община будет только рада отдать мне его бесплатно. Запруду поставлю, ближайшим домам вода будет огороды поливать, а к тому времени, когда урожай созреет – полив уже будет не нужен, вода опять поднимется, деревенское стадо поить – опять тебе, пожалуйста, за так, ребятишкам да гусям купание, опять чем плохо? В общем, думаю, стоворимся. А барина на счет его ельника только бы подловить в подпитии и с карточным проигрышем. Он мне его в полцены в аренду бы отдал года на два, а на большее он и не нужен. Строевого леса только-только на два года хватило бы. Бракованные остатки ему же на дрова в счет аренды сплавлю. Запруду наши же мужики за угощение да за копеек 30–40 в день да еще с моей кормежкой с удовольствием сварганят, а польза всем большая. Еще и спасибо скажут. Глядишь, и с меленкой что придумаю, не надо будет брать ссуду в банке.

От этих мыслей настроение у Евстафия Кузьмича сделалось превосходным, и на устах его завертелась веселая песенка:

Ехал на ярмарку
Ухарь купец,
Ухарь купец,
Удалой молодец...

Вскоре дорога стала спускаться к переправе на Оке. Кузьмичу предстоял недолгий путь в Озеры, они хорошо были видны уже с деревенского бугра – с Клишенской горы. Однако, основное время тратилось на переправе, где

Жили люди у Оки

скопились повозки с товарами и урожаем, следовавшие на базар. Большинство повозок, конечно, прошло еще ранним утром, но и тех, которые не успели проскочить поутру, хватало.

Повозка Кузьмича легонько спускалась по булыжнику к нижней дороге вдоль Оки, достигла переправы и затормозила возле группы своих, деревенских, ожидавших переправы. Понтонный мост был разведен. Он пропускал вереницу барж и других более мелких суденышек. Поэтому собравшимся на берегу предстояло дожидаться, когда эта вереница закончится, и понтоны вновь сведут в единый мост. Кузьмич поздоровался со своими селянами и прислушался к разговору. Одна из баб, привычно щелкая семечки, бойко рассказывала, как недалеко от того места, где располагался раньше старинный город Ростиславль, мальчишки нашли провал в подземный ход, который, как считалось, проходил под рекой в сторону села Горы и о котором людская молва рассказывала разные легенды. Они влезли в ход, там их и завалило. Еле нашли дыру эту в кустах и откопали. Но все, сердечные, к тому времени уже померли.

Бабы повздыхали, поохали.

– Эти не первые, уж скольких засыпало и все лезут, неугомонные, матерям-то каково теперь.

– Одна, говорят, аж очумела, потеряла дар речи, даже орать-причитать не может, сидит, как истукан, онемевшая, глаза вылупила.

– Бяда...

Кузьмичу эти разговоры были неинтересны. Такие истории, к сожалению, случались. Ходили легенды, что татары, в свое время где-то здесь закопали огромный клад – серебряную лодку, набитую камнями и золотом. С тех пор охочие люди, а таких всегда хватало, не перестают – копают с обеих берегов Оки. Ребятя что? Для них это игра, а вот люди взрослые, одержимые идеей разбогатеть за так просто, не знают покоя. И смех, и грех. Один местный умелец изобрел какое-то приспособление для поиска и излазил с ручным буром и лопатой все ростиславские окрестности, а каждому, кто спрашивал, по секрету сообщал, что «уже напал на след, и скоро этот след приведет его к самой заветной лодке». Да, вот в прошлом году случилось печальное событие: мужик взял и преставился, а с ним ушла и «тайна» места захоронения клада.

Кузьмич поговорил какое-то время с мужиками, каждый не преминул похвастать размерами своего урожая, а так же ловкостью, с какой он торгует на базаре. Многие уважительно замечали:

– До тебя-то, Евстафий Кузьмич, нам рукой не достать.

– Куда там, но и я не дурак, – решил и себя показать с виду обстоятельный мужик, – не ленюсь и прощальгам надуть себя не даю.

Жили люди у Оки

Евстафий выслушивал похвалы со сдержанным удовольствием:

– Ладно уж тебе прибудняться, Михалыч. Видал, какой хутор себе отстроил, живешь как кум королю.

– Хутор хутором, да вот мужикам в деревне нейдется. Орут на сходе, что я лучшую землю у них увел, поэтому и урожай собираю. А я ушел на брошенные земли. Дернину пришлось по-первости пахать. Поди-ка, подними ее, целину-то. А они с бывшей моей паханной да унавоженной землей справиться не могут, и все потому, что хозяйствуют по старинке, не хотят на новый лад переходить. А виноваты оказались хуторяне. Смех да и только.

– А я, – решил похвастать мужик доселе молча куривший на подводе, – в этом годе, как отсеялся, дай, думаю, рыбку половлю с артельщиками. И что ж вы думаете, и денжат удалось срубить, и на холод в зиму положил. Некоторые, если брали богатый улов, успевали живьем рыбку аж до Москвы довести, а некоторые вначале морозили.

– Почем же рыбка-то пошла в этом годе? – спросил кто-то из толпы.

– Это смотря какая. Те же судак, сом, жерех шли подороже.

– А щука, лещ почем?

– Эти шли дешевле. Если сторгуешься, немного сбрасывали оптовикам, а цены везде разные.

– Евстафий, ты сено-то все сгреб? – деловито поинтересовались из толпы.

– О-то ж, давно и подборку произвел. Все поле вылизал, стоит чистое, как новая щетка. Второй покос оказался не хуже первого. Овес начал убирать.

– Не рано?

– Аккурат, а то перестоит – тогда греха не оберешься.

Евстафий Кузьмич посмотрел на небо, пробормотал как бы про себя: «Время, поди, уж к полудню, а мы все на переправе». Снял картуз, отер лоб большим расшитым платком.

– Жарко, пойду водицы хлебну из родничка.

Рядом с переправой крутой берег когда-то осел и обнажил свой белый известковый бок, из которого пробился родничок–ручеек. Со временем под ним образовалась промоина с песчаным дном. Родничок и лужица обросли зеленью, создалась тень, в которой путники завсегда в жаркую погоду могли привести себя в порядок. Добрые люди забрали родничок в трубу, прикрепили к ней на цепочку оловянную кружку, а рядом с промоиной смастерили длинное деревянное корыто, из которого завсегда можно было напоить лошадей.

Кузьмич с удовольствием напился из родничка такой ледяной воды, что заломило во лбу. Напоил лошадь. Смочил платок и освежил им лицо, шею. По промытому руслу вода, переполнявшая родниковую промоину, с легким

Жили люди у Оки

журчанием бежала вниз к реке, беззаботно впадала в нее и растворялась в густых зарослях прибрежной осоки. Теперь она становилась частью большой реки, а Ока, наполненная дарами таких же маленьких ручейков и речек покрупнее, полная сил, вальяжно текла дальше, благодатно принимая в свое лоно все новые и новые притоки. В древности Оку называли «Янтарной дорогой», так как она была частью пути из Балтики в Хорезм и далее в Китай.

Глядя на ручеек, Евстафий Кузьмич мысленно заметил: «Наш-то ручей поболее и посильнее будет в сравнении с этим». Эта мысль приятно взволновала его, всколыхнула в нем томительное ожидание предстоящих свершений.

Радуюсь свежести ручья, Евстафий Кузьмич услышал за спиной женский голос:

– Смотри-ка-ся, и этот старый черт туда же: клады ищет и ему нейдет. Каждый Божий день ходит куда-то за реку с лопатой, да вот еще и приживалку таскает с собой.

Евстафий Кузьмич обернулся – к переправе спускался уже пожилой человек, но походка его была легкой и все в нем выдавало когда-то сильного мужчину. На плече он нес лопату, а сбоку висела холщевая сума, которую крестьяне берут с собой, отправляясь в дальний путь. Рядом с ним семенила женщина, похоже, что убогая.

Николая Васильевича, так звали путника, все в округе считали колдуном. Да и сам он не скрывал, что после того, как в последнюю русско-турецкую войну его контузило под Плевной, в нем открылись способности, которых раньше даже он в себе не замечал. Он всем охотно рассказывал, что научился отличать простые камни от метеоритных. «Метеоритами» у него был завален весь двор, и с их помощью он мог проникать во вселенную и общаться не только с жителями других планет, а с самим Иисусом Христом. В комнате, где происходили его таинства, на стене висела карта солнечной системы, которую он сам составил и открыл новую планету, невидимую простым людям, которую и указал на карте.

Чтобы там не говорили, но каких-то плохих дел за Николаем Васильевичем не водилось. Разные люди из губернии приезжали к нему лечиться и рассказывали, что многим из них он действительно помогал.

Николай Васильевич поздоровался. Все уважительно ему ответили. Посмотрел на родничок и направился к нему напиться.

– Здорово живешь, Евстафий Кузьмич? – приветливо поздоровался он, приблизившись к Кузьмичу.

– Спасибо, не жалуюсь, чего и тебе желаю, Николай Васильевич. Давно тебя не видно, – Евстафий посмотрел на лопату и продолжил, – говорят, что

Жили люди у Оки

последнее время ты часто в отлучке бываешь. Уже не в шалтаи¹⁾ ли ты на старости лет заделался, или клады тоже ищешь?

– Поздно мне за золотом ноги околачивать. В моем возрасте пора и о душе подумать, а думать о душе – значит стремиться к делам праведным.

* * *

Прошлое озерского края, как и история всей русской земли, уходит своими корнями в такую даль времен, что современному простому человеку трудно представить себе смысл многих ее явлений. Известно, что здесь в древности проживали племена полудиких угро-финских и балтских народов, а потом пришли славянские племена вятичей не как захватчики-поработители, они занимали свободные земли и ассимилировали с местным населением. Славяне научили аборигенов выращивать скот и пахать землю, вместо подсечно-мотыжного способа ее обработки. Вятичи всегда стремились к обособленной жизни, но время брало свое. Начиная с 964 года киевские князья стали посещать земли вятичей, завоевывать их и налагать дань. Со временем вятичам удавалось «выскалывать» от противной их духу зависимости. Однако подоспели рязанские князья, и вятичи постепенно утратили свое имя, попав в зависимость от рязанского княжества.

XI век стал тем временем, когда все воевали против всех и шел непрерывный дележ земли между княжествами. Рязанское княжество, становясь более самостоятельными все чаще стало ощущать необходимость строительства вокруг себя городов-крепостей, одним из которых стал город Ростиславль. В лето 1153 года летописец записал: «... князь Ростислав Ярославович Рязанский создал во имя свое град Ростиславль у Оки реки».

С тех пор новый город на Оке повидал многое и не только отчаянные схватки русских князей. Не давали покоя булгары, половцы, нашествия монголо-татар Хана Батые. Частыми «гостями» были польско-литовские феодалы, шведы. В 1520 году правый берег Оки с Ростиславлем отошел в Московское княжество, которое строило свои укрепления. По правому берегу они были созданы в Ростиславльском стане от реки Осетр до реки Большая Смедова, а по левому берегу от Коломны к Кашире и далее до Серпухова. Нынешние Озёры, а в то время они назывались Озерок, занимали место напротив Ростиславля и не должны были пускать врагов через броды Оки.

С древности остались по берегам Оки немые свидетели прошлых баталий: селища, городища, курганы, могильники. Нашествия врагов разорили весь край, но его жители пережили эти несчастья и, когда полчища

¹⁾ Отсутствующий на земле член общины, отходник.

Жили люди у Оки

завоевателей уходили жители возвращались на пепелища и восстанавливали берег постепенно переставал быть центром торговли и ремесла, к тому же он занимал невыгодное от торговли Москвы место, люди потянулись на левый берег, где селились и укоренялись новым хозяйством. Так и Ростиславль захирел в XVI в.

Недалеко от него располагался небольшой, но, судя по всему, красивый торгово-ремесленный городок Люблин. Торговля, некогда обширная, давала ему жизненные силы, а по мере ее отката за Оку город стал селом, село – деревней, деревня – погостом с несколькими домишками и церковью Успения Пречистой Богородицы, к которой примыкало старое кладбище, укрытое перелеском березок, рябин и тополей. Многие кресты на могилах давно подгнили и покровились, а какие-то и вовсе упали. На могилах богатых крестьян возвышались в рост человека, а то и выше, надгробные камни черного мрамора, некоторые могилы укрывали гранитные плиты.

Но пока на погосте сохранялось хоть несколько домов, место продолжало жить, а церковь дала пристанище нищим, которые питались от ее небогатого провианта, как говорится: что Бог послал. Долгое время сохранялся на люблинском погосте торжок, где раз в неделю торговали по субботам солью, хлебом и всякой мелочью. В 1852–1854 гг. на месте старой деревянной церкви иждевением братьев Михаила, Александра, Ивана, сыновей купца Гаврилы Ивановича Корякина, по его завещанию построена была кирпичная церковь.

На погосте жизнь особая, самобытная, непонятная жителям больших городов. На погосте – жили впроголодь. Поэтому говорят: «И на погосте живут, да колокольне молятся, звону много, а хлеба мало». Те несколько семей, которые отважились жить на погосте, не могли создать общину, которая поддерживала бы их в трудную минуту, а уйти в другое село – сил не было, прикипели к этому месту и молили Господа дать им силы дожить свой век на родной земле и упокоиться рядом с предками. Погост – это память о прошлом и забота о предках, покоящихся на кладбище, а храм Божий – святилище, где сходятся нити прошлого и настоящего и значит указывают пути будущего.

Село Озёры входило в состав большой волости Коломенского уезда, тянувшейся по левому берегу Оки. Центром волости было село Горы. Старая часть села строилась по Немерзлому оврагу, в котором били сильные ключи, ставшие источником уютного пруда, разлившегося посреди села, полного карасей и раков. Из него вода вытекала прозрачной и холодной речушкой, весело бегущей через луг в Оку. Новая их часть тянулась по крутому берегу вдоль Оки. На бугре почти на краю обрыва высилась Сергиевская церковь, числившаяся со времен ее постройки в 1760 г., как домовая графская, а с 1788г.

Жили люди у Оки

учинена приходской. В 1828 г. группа крестьян во главе с Антипом Моргуновым, будущим крупным фабрикантом, на свои деньги перестроили ее и расширили. Сразу за церковью располагалась усадьба П.И. Багратиона, которая вместе с волостью досталась ему в приданное.

С горского бугра открывалась широкая панорама заливных лугов и заокских сел. Между Окой и Горами по старице возникли озера и самое большое – Долгое – расположилось аккурат напротив Гор.

Одним из живописных мест в Горах было пространство между барской усадьбой и спуском в овраг. Здесь располагались яблоневые сады с яблоками местного сорта – «горской зеленкой». Со временем сады пришли в запущение и сорт был утрачен. Это – место называлось «шатрами», как считается, в память о редком пребывании Багратиона в своем имении. Рассказывают, что отряд, его сопровождавший, ставил в этом месте свои палатки (шатры), отсюда и название.

Вверх по Оке через несколько верст за сосновым бором, посаженным по инициативе и на деньги местных фабрикантов, дымили своими фабричными трубами Озёры.

* * *

Село Озеры сформировалось фактически в рабочий поселок. Исторически здесь процветали ткацкие промыслы, которые переросли в мощную ткацкую промышленность. На смену кустарям пришли мануфактуры, которые выросли в современные фабрики со своим прядильным и красильным производством. История деревни Озерки, как потом стал называться Озерок, как и многих других деревень и сел уходит корнями еще в шестнадцатый век. В отличие от своих земляков с правого берега Оки, они расположились не на вольном просторе лугов и полей лесостепи, а как боровики забрались в лесные чащобы, прятались от пришлых людей и чужого глаза трудно проходимыми дорогами, стежками и летниками. Со временем лес под топором крестьянина отступал от реки, обнажая жилища человека, хотя до сих пор многие из них остались лесными деревьями, такими как Бабурино, а то и более глухими, с той лишь разницей, что все они окружили себя полями и лугами и озерами, коих насчитывали до сорока пяти. Крупнейшие из них тянулись по пойме Оки.

Мужик окский привык к самостоятельности и не любил, когда кто-то вмешивался в его жизнь. Он почитал своих господ, но не любил, когда его возили за шкуру лицом по навозу или хотели содрать последнюю шкуру, вырвать изо рта последний кусок хлеба. Тогда топором, вилами и факелом

Жили люди у Оки

вступал в действие его извечный аргумент. Законов он не признавал, предпочитая жить по понятиям.

В 1689 г. Горская волость, к которой относился и Озерок Коломенского уезда отошла боярину А.С. Шеину. Алексей Семенович Шеин – правнук Михаила Борисовича Шеина, неудачно командовавшего армией в русско-польской войне, за что после капитуляции армии был казнен. Алексей Семенович смыл позор прадеда в Крымских походах 1687 и 1689 гг., а главное – на Азове. Любимчик Петра I. Вручая ему дарственную на окские земли и крестьян, Петр Алексеевич, как рассказывают, обнимал и целовал Шеина: «Владей, боярин, да подкормись, а то исхудал-то как на Азове. Шея скоро голову держать не будет!» Все присутствовавшие, изрядно уже подвыпившее окружение Петра I, грохнуло от хохота. Дело в том, что здоровье боярина Александра было как у быка, а его шея – предмет постоянных шуток генералитета, а главное – его фамилия Шеин означала не что иное, как самую крупную часть шеи (шеина).

Александр Семенович был мужик крутой. «Посмейтесь, посмейтесь, – подумал он про себя, – повеселюсь и я с вами. Отчего же не повеселиться. Получить такую волость от Петра Алексеевича. Что ж теперь? Плакать?» И боярин зашелся в хохоте вместе со всеми. Боярин Шеин был воином и понимал, что война поит его и кормит, и когда Петр I направил его в 1696 г. воевать в Азов, он только и сказал: «Не посрамлю, Петр Алексеевич!» В азовской компании следующего года он грамотно воевал уже как командующий сухопутными войсками, за что было ему первому в России жаловано звание генералиссимуса.

В 1719 г. Озерки в составе Горской волости были взяты во дворцовое ведомство, а в 1727 г. оно пожаловано графу Карлу Самуиловичу Скавронскому – брату Екатерины I.

Скавронские владели этими землями сто лет, до тех пор пока вдовствующая графиня Екатерина Павловна Скавронская-Багратион в 1824 г. не заложила их в Санкт-Петербургский Опекунский совет по займу на 26 лет, и они перешли в государственное управление.

Окским мужикам мало было дела до того, кому они принадлежат и на кого горбят спину. Все господа для них делились на две части: добрый барин и недобрый. Но когда подоспело время, дух воли в них не заставил себя ждать, они завалили графиню прошениями об увольнении их в свободные хлебопашцы.

Екатерине Павловне в сущности было безразлично, что происходит в ее владениях. Россию она предпочитала Европе, а жизнь «в Европах» требовала денег, притом каждый день. Поэтому в 1832 г. она отпустила окских крестьян в вольные хлебопашцы с выкупом по 600 рублей серебром за каждую душу.

Жили люди у Оки

Деньги для крестьян немалые, но, как выяснилось, наш мужик оказался не таким зачуменным лаптем. Деньги нашлись у деревенских богатеев не только на себя, они заплатили выкуп за соседей – людей бедных, с завистью смотревших на обретавших волю.

– А вы говорите, – не переставала восхищаться графиня, – что русский мужик, если на что и способен, так это на то, что «лаптями ши хлебать». Князь Петр Иванович, светлой памяти, помнится любил повторять: «Вы не знаете русского мужика, он себя еще проявит. Дайте ему только солдатскую рубаху снять, да отскоблиться от пороховой гари. Это вам не баран, которого можно пинать "в хвост и в гриву"».

Богатеи раскошеливались не просто по доброте душевной. За поддержку соседей они оттяпали от общинных земель большую часть освобождающихся. «Вы хотели свободы, – говорили они, – получите, а земля, извините, теперь наша, мы за нее заплатили свои, кровные денежки». На левом берегу отличились Антип Моргунов и Козьма Щербаков. Вскоре большая часть жителей Горской волости стала работать на их фабриках. За рекой хватало своих мужиков–мануфактурщиков. Там Хвастливые, Карякины и другие разворачивались не только на своих землях, всеми правдами и неправдами они вырывали у соседей спорные земли.

Озерки располагались вдоль реки, а вся более или менее заметная в них жизнь протекала вокруг главной и, пожалуй, единственной Большой улицы, а все остальное – проулки да тупики. Дорога с реки проходила между двумя из пяти озер, протянувшихся по их пойме, пересекала город и летела дальше на Коломну. Это был путь еще с времен Дмитрия Донского и тех князей, которые ходили с Коломны на татар. От реки она вела напрямик на Тулу, потом раздваивалась и левой своей лентой, сворачивала в Рязань. Местные заокские жители шутили говорили, что их петухи кукарекают на три губернии.

Ока в этих местах имела много бродов. Древний Озерок возник, как считают некоторые, как поселение, которое присматривало (озерало) за бродами.

Место, где коломенская дорога пересекала главную улицу города, образовывало площадь, в центре которой находилась церковь, а по краям различные нужные и полезные места. Здесь же располагался и базар. С 1851 г. озерский базар стал ярмарочным местом для окружных сел. До тех пор окружная ярмарка находилась в Люблино, но этот город хирел год от года, а Озёры на хлопчатобумажной промышленности росли как на дрожжах. На базаре по субботам собиралась значительная часть озерчан: кто продать, кто купить, кто просто поболтаться на людях, кто развлечься базарным гомоном, а кто и найти друзей-собутыльников, чтобы выпить за их счет на

Жили люди у Оки

дармовщину. Озёры в ту пору имели как правило двухэтажные постройки. По Большой улице тянулись дома с мощным кирпичным первым этажом и деревянным верхом жилого хозяйского помещения. Казалось, что жители Большой улицы только и заняты поиском каких-то дел в производстве и торговле. Чего здесь только не было: чайные, обувные, мануфактурные, скобяные и другие лавки; пекарни, колбасные, рыбные производства со своими лавками; продажа ружей и охотничьего снаряжения; булочные, мясные, мучные, крупяные лавки; трактиры и винные погреба, а посреди них парикмахерская. Были в Озерах и своя типография, и электротheater. На Озёрской скотобойне не останавливался забой скотины, мясо которой сразу шло в продажу. Рога быков продавали на изготовление гребешков и других изделий.

Справа от базара в подвале углового дома, выходящего фасадом на Большую улицу, с давних времен располагался кабаk, приносивший множество хлопот окружающим. Так получилось, что выход из церкви приходился аккурат напротив кабацкого подземелья, и батюшка постоянно жаловался городскому голове, что такое соседство можно назвать не иначе как форменным безобразием и непристойностью. Кабак не раз закрывали, но когда страсти спадали, он вновь открывался. Уж больно прибыльное это было место и кормились от него, видимо, не только хозяин, но и те, от кого зависело закрыть или открыть это пристанище пьяниц, всякого рода городского сброда и бездельников.

Прямо за базарной площадью на Большой улице в добротном доме находилось трактирное заведение, основанное И. И. Калединовым. Иван Иванович был личностью неординарной. Да и сам его внешний вид со строгим прямым взглядом внушал к нему почтение и уважение. Трактир для него был делом десятым, числился он в купеческом сословии и был самым богатым купцом не только в Озёрах. Торговал на нежегородской ярмарке, финансировал озёрских фабрикантов, знали «Торговый дом И.И. Калединов и К^е» и на бирже в Москве. А для души завел он конезавод скаковых недалеко от Ростиславля и при нем построил дачу, которую окружал парк, подстать барскому, с ценными породами деревьев, разбитый на тенистые аллеи, с газонами и клумбами. Не жалел Иван Иванович денег и на благотворительность. Трактир его называли «Калединовский» располагался на первом этаже, а на втором жила его семья.

Если кабаk был просто местом для выпивки, про которое говорили: «Озорника ищи в тюрьме, а пьяницу – в кабаке», то калединовский трактир в Озёрах – это и постоянный двор для приезжих с коновязью. В трактире приезжие могли столоваться, на постоялом дворе ночевать. Вместе с этим – это было место, где к трапезе подавали выпивку, что было вполне

Жили люди у Оки

естественно. А как же без этого? Без этого никак нельзя. Без нее и еда не еда, и отдых не отдых. Поскольку управляющий обустроил все как надо, то многие горожане и господа офицеры не брезговали проводить вечера в компании за столом калединовского трактира. Этот трактир в Озёрах был не единственным, но расположен был удобнее других – в самом центре, да и хозяин строго следил за порядком. Другие трактиры были попроще и подешевле, поэтому они и публику собирали соответствующую.

* * *

Евстафий Кузьмич слез с двуколки, привязал лошадь к коновязи, трижды перекрестился на Храм Божий. Когда он привязывал лошадь, его взгляд невольно скользнул на вывеску напротив – «Кабак». «Зайти что ли? – Подумал он, но вспомнил поговорку: «Кабак прупасть, там и пропбсть». Нет, вначале дело надо сделать, потом и водочкой можно побаловаться, но не в этой вонючке. Уж если выпить, так в трактире, хотя там подороже, но и обстановка позволяет приличному человеку после ярмарки на дорожку оприходовать граммов двести-триста».

Базар встретил Кузьмича обстановкой деловой суетливости и душевной приподнятости. У входа как всегда инвалид-шарманщик выжимал из шарманки жалостливую музыку – другой не было. Он потерял в Японскую войну ногу, а за свое геройство – это знали все озерчане – удостоился Георгия, которого как и тельняшку он никогда не снимал. Кузьмич подал ему в картуз и двинулся дальше.

Чуть в стороне от входа на базар толпа людей шумно и весело окружила какое-то действие, происходившее внутри нее. Он отправился взглянуть, что там такое и, протиснувшись сквозь толпу, обнаружил бой петухов. «Конечно, – обрадованно подумал Кузьмич, – какая же ярмарка без петушиных боев?» Он с давних пор был их страстным болельщиком. Время от времени устраивал их у себя в деревне на долинке у колодца, но какие там бои – петухи не те. Им бы только кур топтать, да суп из них варить. Особенно понравился Евстафию один петух. Он был на голову выше остальных, шпоры чуть в кольцо не закручиваются, а какой окрас! Перья разноцветные и переливаются на солнце, как россыпь дорогих камней. Петух не просто насккивал на противника, а как бы налетал на него сверху и бил своим огромным клювом не как-нибудь – как молот, не сгибая шеи. Он крушил противника так, что от того перья летели выше голов зевак. При каждом таком ударе толпа ревела в едином порыве восторга, а петух отбегал в сторону, выпрямлялся в свой полный петушиный рост, поправлял крылья и совершал круг почета, давая толпе в полной мере почувствовать ощущение

Жили люди у Оки

восторга. Хорош, нечего сказать! «Эх, мне бы такого петуха. Он бы на деревне всю эту петушиную армию так отмолотил, что они забыли бы как подходить к нашим воротам. При таком петухе и собаку во дворе можно не держать. Его чуть поднатаскать, он и человека чужого на порог не пустит», – ухмыльнулся Кузьмич.

А в это время петух начал готовиться к новой атаке. Он широко расставил лапы, чтобы шпоры не зацепили друг друга, вытянул шею вперед, похлопал крыльями. Было видно, как он напрягся, да так звонко щелкнул клювом, что его противник, уже изрядно побитый и пощипанный, не выдержал такого зрелища и пытался позорно бежать с места битвы. Он несколько раз подскочил, пытаясь перемахнуть через натянутую сетку, но каждый раз руки толпы толкали его назад. Наш петух не стал дожидаться окончания этого позора и, еще больше взбодрившись от трусости противника, с разгону поймал его в воздухе при очередной попытке перелететь барьер, оседлал его как курицу и прижал к земле. После этого на одно мгновение наступила пауза. Толпа замерла в страстном ожидании финала битвы. Петух гордо выпрямил шею, прицелился и так долбанул своим «молотом» в затылок бедной жертве, что тот упал замертво, его глаза затянула белесая пленка, а на затылке ярко обозначилось кровавое пятно. На прощание он судорожно дернул лапой и затих навеки.

Наваристый супчик на петухе с домашней лапшой был гарантирован его хозяину. А толпа так взревела и заплодировала, что дремавшие лошади у коновязи испуганно шарахнулись, напугав в свою очередь воробьев, усердно выклевывавших из навоза не переварившиеся зерна овса. Воробьи дружно взлетели в воздух и серой стаей улетели прочь.

У Евстафия Кузьмича перехватило дух от такого зрелища. Он подошел к мужику, подсчитывавшему выигрыш. Петух со связанными лапами отдыхал рядом, он еще не остыл от боя. Иногда дергал мощными лапищами и похлопывал крылом, вспоминая недавний бой и победу.

– Мужик, продай петуха.

– Не продается! Купи курицу. Хошь несушку, хошь суповую, – не отрываясь от подсчетов, погруженный в свои мысли, ответил тот и отвернулся от посетителя.

– Мужик, ну уступи петуха, – не отставал Евстафий Кузьмич.

– Сказано – не продается. Вот куры, – уперся хозяин петуха. – Я на нем ишь сколько заработал, – он показал ладонь с деньгами. – На одном таком петухе можно сытно жить.

– У тебя еще, небось, такие есть?

– Мало ли, чево у меня есть, чево нету! Тебе какая забота? Давай другого такого же тебе продам.

Жили люди у Оки

– Будь ты человеком, – с мольбой в голосе продолжал Кузьмич.

– Купи курицу, – мужики тупо уставились друг на друга. Хозяин петуха задумался, потом решился. – Ладно, покупай петуха и курицу в придачу.

– Сколько просишь?

– За петуха три рубля и курица 45 копеек, – выпалил продавец.

– Да ты что, мужик, опупел? Где же ты видел такие цены? В рядах куры и петух идут не дороже пятидесяти копеек.

– То в рядах, и то суповая птица, а ты торгуешь бойцовского петуха. А не хочешь, покупай курицу. Уступлю по дешевке за сорок копеек.

– Да, что ты все со своей курицей заладил? Своих мне мало? Тебя как человека просят. Ну, можно накинуть, конечно, но не барана же я у тебя покупаю. Вон они овцы идут в базарный день по пяти рублей, а ты петуха?! Да за три рубля я три пуда масла коровьего куплю.

– Ну, и покупай! А чего ко мне пристал? Баран, ни баран, а меньше чем за два рубля не уступлю, плюс 96 копеек за двух кур: несушку и суповую.

– Да что ты мне своих кур сватаешь? У меня ими курятник забит, счет им потерян. Э-эх, мужик, мужик, – раздосадованно махнул рукой Евстафий Кузьмич, – живоглот ты.

Кузьмич прощально посмотрел на петуха, тот взмахнул крылом, как бы прощаясь с Евстафием Кузьмичом, и снова затих. Кузьмич повернулся и пошел прочь. Настроение явно было подпорчено.

* * *

Базар жил своей суетной воскресной жизнью, но того приподнятого настроения, что было, Евстафий Кузьмич уже не ощущал. «Надо же, – думал он, – только приехал и уже такая незадача. Ладно, посмотрим как пойдут дела дальше. Петух, конечно, хорош, но не за такие же деньги! Хотя мужик тоже прав, петух-то бойцовский, он не только зернышки клюет, да кур топчет, он и деньги в дом приносит. Какие никакие, а все же деньги. И все-таки три рубля за петуха, фактически за баловство, жалко отдавать. И потом, что я прохват какой, жить на петушиных боях. Это пусть бездельники и пустобрехи всякие зарабатывают. Да и какие там деньги? Это деньги для таких, как тот мужик, а мы люди серьезные, уважаемые». Очнулся от своих мыслей Кузьмич уже в мясных рядах.

– О чем грустишь, сердешный? – услышал он призывный голос.

Евстафий Кузьмич присмотрелся к мясному ряду и как-то растерялся на мгновение. Перед ним предстала картина, которая не могла не вызвать улыбку у простого зеваки. Все пространство пред ним было уложено и увешано мясом. Спереди лежали и висели здоровенные оковалки, на заднем

Жили люди у Оки

плане – туши забитой скотины. Из всего мясного мира выглядывали раскрасневшиеся лица продавцов. В первый момент могло показаться, что они тоже разложены или повешены в общем ряду и идут на продажу. Только что их непрерывный гомон быстро привел Евстафия Кузьмича в норму.

– А вот телятинка парная постная по тринадцати рублей пудик, чистая любовинка, ни косточки, ни проложки. Берите, не пожалеете. Благородные люди и те не гнушатся, ходом мясо идет. Ну, что надумали? Можете пуд и не брать. Семен вмиг рубанет хоть фунт, сколько скажете. Вот кусочки по фунта на два, а вот фунтов на шесть с гаком потянут. Чего молчите?

– Да ты растараторилась! Слова сказать не даешь! Твою поснятину да по тринадцати рублей пусть благородные дамочки со своими унтерами едят. Мы люди трудящиеся, нам говядинки или свининки. И то не по тринадцати же рублей, как ты говоришь, а рублей по восемь-девять, свининка и того дешевле на рублик, пойдя, потянет.

– Любишь, поди, родимый, с жирком да на косточке? – весело воскликнула ярко рыжая торговка. – Так тебе и на перинку с теплой бабой захочется после жирка-то?

Ближайшие торговки прыснули от хохота, а те, что помоложе, зарделись, но глаз не опустили и продолжали нахально рассматривать Кузьмича.

– Все-то вы, бабы, про нас мужиков знаете, – Кузьмич при этих словах провел большим пальцем по своим пышным пшеничным усам и так зыркнул по торговкам, что те еще долго и возбужденно смотрели ему, уходящему вслед. Первой очнулась наша рыжая и как будто опаздывая куда заорала: «А вот телятинка! Рекомендую и барышням, и их прихихешникам». По ряду снова пронеслась волна хохота.

Некоторое пространство в этом мясном царстве занимали внутренности забитых животных: печень, язык, сердце, желудок, почки, легкое, кишки, внутренний жир. Казалось ничто от скотины не идет на выброс. И вымя, и даже коровьи хвосты, и бараньи и бычьи «яйца», и свиные уши все – находило своих покупателей.

В конце рядов, как водится, торговали мясными продуктами. Чего здесь только не было! Горы сала чистого, бело-розового, с несколькими мясными тонкими прослойками, с одной толстой, с чесноком и без него, копченого, обваленного в черном и красном перце. Ровными рядами разложены всякие копчености, на которые сверху свешивались огромные варено-копченые окорока, на срезанных краях которых проступали абсолютно прозрачные слезинки жира, стекавшие на прилавок, где были разложены грудинки, корейки, рульки, вырезки, а вот и ребра копченые, от одного взгляда на них у Кузьмича заурчало в животе. «Вот это еда, – подумал он, – а то эта телячья поснятина. Все это и у нас имеется, но грех это есть по будням. Оно кстати по

Жили люди у Оки

праздникам, а каждодневно еда должна быть попроще. От нее силы поболее будет, и перина не остынет». Он еще раз вспомнил ту разговорчивую торговку, довольно хмыкнул и снова поправил усы большим пальцем. «Ага, вот и она!» На прилавке вальяжно расположилась домашняя колбаса. Здесь была и колбаса, набитая кусками мяса и сала, внутренностями забитой скотины, колбаса кровяная, которую хотелось скорее схватить в руки, отрезать от нее кусок потолще и обжарить его на сковороде, а потом, обжигаясь, съесть с чесноком и ломтем свежего хлеба.

– А что, милая, нет ли фабричной колбаски? – спросил Кузьмич молоденькую, розовощекую, плотного телосложения, голубоглазую девицу.

– Так вот же она в ряду напротив. Зачем же вам фабричная, когда домашней пропасть такая? – она развела руками над колбасным лежбищем.

– Спасибо, у нас такой в деревне хватает. Хочется чего-то попроще.

Напротив в лавке богатства было тоже немерено. От взгляда на него аж жуть брала. В колбасных лавках Евстафию Кузьмичу всегда нравился запах. Он был помягче запаха домашней колбасы, но то же стойкий и аппетитный. Особенно ему нравилась колбаса чайная. В ней и фарш был потверже, не как в других вареных колбасах, и жирок присутствовал в достатке, а чесночок ощущался полегче не как в домашней колбасе, аккурат к свежезаваренному горячему чаю.

– Желаете колбаски откусать? – галантерейно зашустрил продавец с оттопыренными, как у таракана, усами. – Какой изволите? Озерской, Коломенской? Вот телячья, вот языковая, а вот копченые колбасы. Полный благородный набор. Не то, что напротив, у этих теток. Неизвестно, чего они туда напихали. А у нас вся продукция – высший класс!

Евстафий Кузьмич недовольно посмотрел на «галантерейного». Стало обидно ему за людей, торговавших напротив. «Вот гад, тараканище, – подумал он про себя. – Сам, небось, на одних обвесах морду нажрал, а не знает, чего им стоит вырастить скотину, да приготовить все это богатство. Хоть они и торгуют, а сами, поди, лишнего куска не съедят: подьедят остатки и тому рады».

– Желаю «чайной», – резко заказал он.

– Сколько прикажете? Колбаса свежайшая, по двадцать четыре копейки за фунтик. Имеется конская, тоже свежайшая. Дешевле чайной будет.

– Не желаю, – почти грубо оборвал Кузьмич «таракана». – А за чайной зайду позже.

Евстафий Кузьмич, вырвавшись из мясных и копченых пластов, сразу же оказался в другом царстве – в молочных реках с масляно-творожными берегами.

Жили люди у Оки

– Господи! – пробормотал он. – Неужели такую прорву можно съесть? «Масло сливочное, чухонское», бросилась Кузьмичу надпись на бумаге по 15 рублей 25 копеек пуд.

– А вот масло русское, – прокричала торговка, – по полтинничку за фунтик. Только тебе, красавец, отдам. Не хочешь маслица, возьми сметанки по двадцати три копейки за фунтик. У всех по полтинничку, а для тебя и скидочку не жалко сделать. Сама бы ела не отрываясь, да силушки моей больше нет. Подходи, попробуй: не кислая, жирная. А вот топленое маслице, посмотри на солнце играет, как мед. Хошь с оладьями кушай, хошь в щи пустые пусти, так чугунок щей вмиг оприходуешь и ложку проглотить. Жене с детьми ничего не оставишь.

От таких речей Кузьмич только покачал головой и усмехнулся: «Вот баба! Такая обрат spoит и скажет, что это парное молоко».

Взглянув на корзины с куриными яйцами, он заметил, что по 1,6 копейки штука это не дорого, но подумал: «А яйца-то, неужели кто берет? У всех же есть куры, а значит и яйца имеются»

Евстафий Кузьмич поспешил побыстрее пробраться через эти ряды соблазнов и сгустки аппетитнейших запахов. «Голодных сюда пускать нельзя – вмиг в обморок опрокинутся», – решил он, протолкавшись в нужное ему место.

– Ага, вот что мне надо! – Перед ним стояли мешки зерна и муки. – Так-так, посмотрим, что у нас почем в этом году.

– Здорово живете, пахари, – весело приветствовал торговцев.

– Вашими молитвами. Пшеничной интересуетесь мучицей?

– Прицениваюсь, да боюсь, запросите больше меры.

– Того гляди здесь от меры уйдешь, свои же шапками забросают и с базара выгонят. Ну, сколько чего насыпать?

– Да подожди ты, прицениться куда хочу.

– Приценивайся, не приценивайся, а у меня как у всех. Вот мучица ржаная, а вот пшеничная крупчатая по два рубля восемьдесят копеек пуд, а просто первый сорт – 2 рубля 51 копейка. И к другим можете не ходить, цены те же. Ну, может, кто полушку сбросит или набавит.

Евстафий Кузьмич слушал торговца вполуха. Он сам понимал, что почем и у кого чего спрашивать. Он взял немного муки в руку, помял ее между пальцами, понюхал.

– Хорошая у тебя мука, хозяин, ничего не скажешь, но я все же посмотрю, чем богаты и другие.

Поскольку покупателей в рядах было немного, то появление такого, сразу видно знающего человека, да как оказалось с видами на большие

Жили люди у Оки

закупки, оживило торговцев в рядах. Зазывали Кузьмича всякими шутками-прибаутками, а главное – поняли, без скидки его могут перехватить соседи.

– Самая лучшая мука из Белых Колодезей. Спешите, торгую последние мешки. Кто успеет – полушка скидка с пуда, – надрывался один.

– Болутовская мучица, самая духовитая, – басил другой. – Сброшу пятак с пуда.

Кузьмич особого внимания на зазывал не обращал. Он был поглощен своими мыслями, но на всякий случай запоминал, кто сколько готов был сбросить, зная, что уступишь полушку – не разоришься, но на ней можешь получить хорошего покупателя, а значит и барыш.

Ценами он остался доволен. Они держались с прошлого года и даже подросли. «Значит так, – размышлял Кузьмич, – один пуд первосортной пшеничной муки идет по 2 рубля 51 копейки. Значит, пятипудовый мешок стоит 12 рублей 55 копеек. Если при помолу зерна брать за мешок как все десятину, хоть мукой, хоть деньгами, то получается 1 рубль 25 копеек с десяти мешков будет целых 12 рублей 50 копеек. А крупчатая мука и того дороже. Вот денежки-то где! Это тебе не печки класть или землю пахать. Вона мучица-то купеческой гильдией пахнет. Здесь уж никто не усомнится, включать меня в реестр или нет».

Хотя все эти подсчеты Евстафий Кузьмич делал не раз и наперед знал, почему мука на рынке и сколько прибыли она дает, запах свежемолотой муки в носу у него стоял постоянно и не проходил.

«Дом продам и переедем в Озёры, – всегда завершались эти его мысли конкретными планами новой жизни. – Теперь и водочкой можно побаловаться», с удовольствием подумал он. Осмотрелся куда идти и легкой походкой направился в трактир Каледина. Однако, пройти ему предстояло через сенной рынок, где пришлось на какое-то время задержаться. Таков уж был Евстафий Кузьмич – пропустить мимо своего внимания место, где идет торговля, он не мог, а уйти оттуда чего-нибудь не продав, тем более совсем было невозможно. Вступив в пространство между возами сена, он сразу же ощутил пьянящую набором луговых трав свежесть сена. Многие источали сладкий запах донника и душицы, от пустырника потягивало легкой горчинкой, а от иных возов безнадежно пахло полынью, знающий покупатель их браковал сразу, а торговец мог рассчитывать на бросовую цену сена для подстилки скотине.

«Ну, – подумал он, – мужик с петухом хотел меня надуть, теперь мой черед». Он не спеша обошел торговцев, прицениваясь к овсяной соломе. Цену просили хорошую, его она устраивала, даже сверх того, он по прошлому году думал будет дешевле. Но проблема заключалась в том, что покупателей было мало. «Ага, – смекнул Евстафий, – с такими покупателями вся солома

Жили люди у Оки

потеряет товарный вид, а если дожди пойдут, то ее еще осенью и не вывезешь с поля: телеги потонут в грязи. Да и пахать надо до дождей. Значит так: надо цену сбить до моей нормы и сговориться с покупателем, как бы обдурить его хозяина».

Когда он ходил по ряду, то обратил внимание на молодого покупателя, который торговал явно не себе, а барину. «Приказчик, – подумал Кузьмич, – а все приказчики думают вначале о своей выгоде, но не о барском кошельке. Если же о кошельке, то как бы поглубже в него влезть». Оглянулся по сторонам. Вновь подумал: «Молодой, значит неопытный, но наверняка жадный, т.к. знает, что все на этом свете воруют, и хочет скорее заработать себе побольше. Где же он? Так вот же!»

Евстафий Кузьмич приблизился к повозке, над которой возвышалась копна сена и из-за которой шел торг.

– Куда же ты ломишь такую цену? – горячился молодой покупатель. – И какая это она у тебя особенная? Сено как сено, обычная подстилка скоту зимой, ни клевера в ней не видать, и духу нет никакого особого, благо полынью не пахнет.

– Да ты в сене-то понимаешь что? – отстаивал свое продавец. – Ты глянь, какая сухая, а как на солнце светится!

– А какая же она должна быть? Прелую я бы у тебя и не торговал. Она у всех такая, а цену просишь, как за чистый клевер. Да и копна у тебя, я гляжу, меньше положенного.

«Молодой-то он молодой, да, видать, с понятием, – смекнул Кузьмич. – По манерам похож на приказчика. Сразу видно, что торгуется так, чтобы самому в накладе не остаться».

«Приказчик» как услышал его мысли, повернулся.

– Вот, уважаемый, рассудите нас. Хозяин утверждает, что его сено особенное и просит за него больше остальных торговцев. Как вы считаете?

– Не мое это дело вмешиваться в ваш торг. А вы что сеном интересуетесь?

Молодой сообразил, что вопрос этот задан ему не так просто и почувствовал, что в нем есть особый смысл.

– Так что подстилай свое особое сено под жену свою, а я поторгую себе в другом месте. А вы что же предложить чево можете? – Обратился он к Евстафию Кузьмичу.

– Да, я много чево могу предложить, а вот вы интересуетесь сеном себе или барину? Много ль надо, да какого?

– Ну, идем, потолкуем. Где оно у вас?

Мужики неспехом пошли в сторону, где их не слушали бы посторонние уши, а незадачливый торговец с досадой смотрел им вслед.

Жили люди у Оки

– Что, Степан, прохлопал покупателя? – Подошел к нему сосед по ряду, слышавший весь разговор. – Тебе говорили: «Не жадничай! Куда заломил цену. Надо было торговать, как все!» Тем более сразу видно, сено-то у тебя никакое.

– Как у всех, как у всех, – бормотал Степан, – это у вас, у всех ее немерено, а я телегу остатков наскреб еле-еле. Его или себе оставлять, так опять же деньги нужны, или продавать по дороговизне.

– Надо было продать кому деревенским прямо в поле. Вот и деньги были бы, и работы меньше, и сюда тащиться не пришлось. Теперь повезешь назад, вот и получается сплошная бестолковка.

– Михалыч, а может ты у меня ее, окаянную, купишь? Ты все равно, считай, неделю здесь будешь торговать. Заодно и моя пошла бы.

Михалыч задумался, посмотрел на копну, на Степана, обошел телегу.

– Че ты ее рассматриваешь будто не знаешь, в поле рядом косили.

Михалыч свернул сигарку, закурил, посмотрел еще раз на Степана.

– Косили-то рядом, да покос разный. Ладно, только по-соседски, попробую выручить тебя, – сделал паузу. – Давай поступим так: сено твое я сторгую со скидкой за пуд в пятак. Если это удастся, то деньги поделим по-братски пополам. Если не получится, то повезешь его назад.

Степан аж онемел на какой-то момент от такого фортеля.

– Ну, сосед, ты и придумал! На моей бедности решил нажиться? По миру решил меня пустить?

– Какой там разорить? Тебя разоришь! А ну, как я не сторгую весь запас? Ты у меня ее назад не возьмешь. Кто тогда будет в разорении? Ты или я? Ты глянь, в этом годе не больно-то наторгуешь. У всех своего сена сеновалы и риги давно завалены, а скоро покос овса предстоит, некоторые уже косят, солома пойдет в продажу.

Пока мужики вели перебранку, Кузьмич со своим покупателем осторожно подступали к своему торгу.

– Сено-то есть, – неспешно говорил Кузьмич, как бы нехотя вступая в разговор. – Да покупатель мне нужен не простой, а оптовый, чтобы все взял сразу прямо с поля. И чтобы толк в цене знал.

– А мы и оптом, и с поля готовы. Смотря, где поле находится, и какую цену просите. Мы хоть и недавно в приказчиках у барыни, а понятия в коммерции уже имеем, – с наигранным весельем, глядя прямо в глаза Кузьмичу, парировал молодой.

«Смышленный молодец», – подумал Евстафий Кузьмич.

– Из чьих же ты будешь?

– Дворовым в имении у графа Келлера рос в деревне Сенницы, что за рекой. У самого Федора Эдуардовича Келлера, – уважительным голосом

Жили люди у Оки

отчеканил приказчик. – Граф-то наш был геройский человек, к тому же добрый и обходительный. Военный человек, Царство ему Небесное. По первости имение принадлежало не ему, а жене – Марии Александровне Шаховой, княжеских кровей. Барыню нашу, Марию Александровну, в имении все уважают. Как же не уважать? Всем она, как мать родная. О всех заботится, кому надо помогает, бедным то вещичек каких – никаких, не новых, а подбросит, детишкам – игрушечку поднесет. Однажды сгорела изба у Матрены Федосовой. Осталась баба одна с тремя малышами, муж-то ее еще в японскую погиб, как и граф Эдуард Федорович, так барыня наказала поставить ей новую избу. Вот уж подарок, так подарок. Как же после этого не любить такую барыню. Но это не все, – Митяй (как звали приказчика) добродушно улыбнулся. – Через год Матрена снова сгорела. Ну, что тут скажешь? Только начала обживаться. Ведь ходила с сумой по миру. Все, кто чем помогали ей. И вот тебе раз, опять все прахом пошло. Зовет ее к себе Мария Александровна и знаете, что говорит? «Матрена, мы тебе деревянный дом срубили под соломенной крышей, вот он и сгорел. На сей раз я прикажу поставить тебе дом кирпичный под железной крышей. Если и на этот раз пожар случится, то хоть стены останутся».

Так-то, вот. А Матрена с горя чуть руки на себя не наложила, уже и петлю приготовила, искала, кому бы детей подкинуть.

Да, матушка наша – барыня добрая, каждую весну село готовится ко встрече с ней, женщины ее дом тщательно прибирают, мужики подметают дорожки в парке и посыпают их толченым кирпичом. Приезжает барыня в середине мая – все село наряженное выходит в пихтовую аллею. Помню, мы, ребяшня, залезали на деревья, и каждый хотел первым увидеть ее карету. Перед именем ее встречали хлебом-солью и петухом с курицей. Мария Александровна раздавала деньги каждой слободе по 20-25 рублей, самим Сенницам поболее. А еще помню из детства – это детские ясли, которые барыня организовывала в летнюю страду. Детей там кормили, после обеда спать укладывали. Следили, чтобы мы были чистые, опрятные. Утром нас переодевали в ситцевую одежду в горошек, кормили кашей с молоком, и мы шли под присмотром гулять в парк. Если шел дождь, то в яслях воспитательница читала нам книжки. После обеда ложились спать, а потом давали по баранке с куском сахара и отправляли домой. Никогда не забуду эту баранку с куском сахара. Если кто приходил из родителей, тех тоже кормили и давали баранку.

Школа, больница и богадельня в Сенницах тоже построены ею. Говорят, что за благотворительность в Петербурге ее наградили золотой медалью.

Это уж потом имение перешло к графу во время его женитьбы на Марии Александровне. Мария Александровна живет в Питере и только на лето

Жили люди у Оки

жалует в деревню. Так что бывший-то управляющий начал потихоньку имение спускать. Пронюхал все эти махинации управляющий Рудольф Юльевич Обрехт и раз одернул приказчика, два, тот не хочет понимать, что с Рудольфом шутки плохи, что тот сам не ворует и другим не даст. Вот приезжает барыня, он ей и выложил все, как есть. Мол, матушка, глянь-ка, какую твой приказчик морду наел. Барыня спохватилась и устроила ему полную ревизию, и все стало ясно. Я в то время у нее был на поручениях, присматривал за мужиками, а заодно на побегушках у управляющего. Стала графиня давать задания и посерьезнее. А как вернулся из солдат, вызывает она меня как-то и говорит: «Надеюсь, малый ты, Митяй, смысленый, грамоте обученный, хозяйство наше знаешь и вырос ты при имении. Хочу, говорит, тебя приказчиком сделать». «А что же Петр Петрович? (это наш бывший приказчик)», – спрашиваю. «Петьку в управу сдала. Заворовался Петька. Думал, я – женщина, так при мне и шалить позволено. Ан, нет! Иди-ка ты пооправдывайся в полиции, а потом, стало быть, в Сибирь-матушку – остынь немного на морозце. Но, Митяй, ты смотри у меня, Рудольфа Юльевича чтоб во всем слушал. Замечу на чем малом, будешь бит вожжами на конюшне. Попадешься на крупном – пойдешь Петрушку догонять». Я, конечно, барыне в ноги. «Как же-с можно, матушка ты наша, по гроб Вам обязан, службу буду нести верой и правдой. Ни в жизнь не посмею, чего лишнего». «Ну, – говорит, – смотри. Быть по сему».

– Ну, и как, – спросил Евстафий Кузьмич, – справляешься?

– По первости тяжело было, но жаловаться грех, я не в обиде, а главное графиня довольна. У меня понятие имеется, где чего можно, а где нельзя. Вижу она доверяет, но и проверяет. А графа-то мы почти и не видели. Отчаянный был человек, все больше воевал Любил ходить по-простому в одной рубахе с ремешком. Кстати, вот «Русский инвалид» прописал о нем памятную статейку, барыня давно хлопотала, – Митяй запустил руку в глубокий карман и извлек оттуда сложенный вчетверо номер газеты ветеранов. – Натя, не на деле почитаете.

– Так как же будем сговариваться мы с тобой, Ванечка?

– Не Иваном меня звать, Митяем кличут. Иваном звали моего отца. Иван Митрофанович Дубов – слышали о таком?

– Как же? Батюшку твоего хорошо знал, Царство ему Небесное. Крепкий был мужик. Вот, значит, в кого ты такой верткий.

– Теперь все хозяйство, считай, на мне. Дед старый, помогает как может. Сестра старается, да и младший брат не отстает, все делает, что может. Во всяком случае по дому все дела ведут справно.

– По-графски или по-нашему, по-мужицки? – Повернул Евстафий Кузьмич разговор к главному.

Жили люди у Оки

– А вы что предлагаете? Простите, имени отчества вашего не знаю.

– Звать меня Евстафий Кузьмич. Сам я из Речек, что на горе за переправой, а отава в поле за деревней. Повозок пять наберется.

– Как же вы сами-то, Евстафий Кузьмич, своей-то скотине ну, как не хватит?

– За меня не бойсь. Я еще с первого сенокоса полной мерой взял. Сенвал забил да еще кое чего подкошу, овес косить начинаем. Коровам овсяная солома непременно требуется, от нее молоко и жирнее, и вкуснее, т.к. витамины в ней, которых в сене не сыщешь. Хошь соломки-то и тебе сторгую? Хотя у вас ее своей хватает.

– Ну, коли так, тогда ладно. Луга-то ваши удобно расположены к Сенницам. Я часто мимо них ежжу. Хорошей соломки я бы взял, барыня молочка хорошего любят откусать и от творожка со сметанкой не отказываются. Не успеваю слать зимой в Питер. Мне правда приказано сторговать повозки три, но где три, там и пять. Уговорю графиню впрок взять. Глядишь зима будет холодная, а скотины много подрастает. Случись чего не хватит сена-соломы, скотину всю сразу не забьешь. Беру, если по цене сойдемся.

– Давай-ка, молодец, поступим так, чтобы барыне твоей было не накладно и нам не обидно. Цену за мерную подводку я объявлю тебе ниже, чем торгуют мужики на базаре, а ей ты объявишь, что взял по базарной цене, вот образовавшуюся разницу и поделим с тобой по-честному.

Митяй на какое-то время задумался, но по всему было видно – предложение ему по душе. Что-то в этом роде он ожидал, потому в сенных рядах и не спешил договариваться с мужиками.хлопот там больше, скупать по подводке, а барыша не видно.

– Нравится мне, Евстафий Кузьмич, как вы вопрос ставите. Главное, все по-честному и без обмана. И барыня должна остаться довольна, ведь без переплаты обойдется. Другой приказчик обязательно переплату объявил бы, накрутил то, другое, пятое, за то заплатил, за это заплатил. Вот лишние барские денежки и потекли. Я согласен, Евстафий Кузьмич. Когда забирать прикажешь?

– Да хошь завтра.

– Завтра не знаю, соберу ли пять подвод. Время щас такое, все подводки распределены. Вот если бы вы, Евстафий Кузьмич, помогли бы в знак нашей будущей дружбы, я бы и барыне рассказал бы о вас.

«Вот хитрец, – подумал Кузьмич, – что с ним будет годков через пять? Однако помочь надо. Глядишь, с мельницей какие трудности возникнут, обратиться придется, и опять же лишний хозяин со своим зерном на помол пригодится».

Жили люди у Оки

– Помочь постараюсь, но подводы две – не более. Сам говоришь, все телеги в разгоне. У соседей просить, так ведь не дадут. А убирать надо срочно. Не дай Бог – дожди.

Сговорились на утро послезавтра. Часам к шести утра Митяй обещал подогнать свои подводы, Кузьмич послать прямиком в поле свои. Ударили по рукам, расчет решили произвести на месте после погрузки и довольные разошлись каждый по своему делу.

Вот теперь и в трактир можно зайти, сподобиться на дорожку.

Угол, где торговали скотиной, прошел почти не останавливаясь. Понимал, что здесь можно завязнуть самое меньшее на полчаса. Но по разговорам понял, что хорошая дойная корова идет по восемь-десять рублей, овца по пять, а вот лошади на ходу все сто пятьдесят рубликов, и дешевле даже не торгуй. Понял, что цены обычные. «На овцах денег не получишь, – понял Евстафий Кузьмич, – а вот надо как-то исхитриться и пару лошадей ожеребить. Триста рублей – это тебе не овцами торговать, такие деньги на дороге не валяются».

* * *

По пути в трактир он заглянул в промтоварную лавку. И туфли, и брюки были в наличии. Лавочник заверил, что подберет все как надо и по фасону.

В трактире Каледина гульба шла полным ходом. Кто продал, кто купил – все были довольны, а коли время было обеденное, то все выпивали и закусывали с удовольствием и нескрываемым аппетитом. К тому же за успенский пост людям надоела однообразная, постная пища. Некоторые уже успели перейти к чаю. На их столах возвышались пбры полуведерных медных самоваров с заварочными чайниками сверху, на столе в больших хлебницах лежали еще теплые после выпечки кренделя и бублики с маком. Стекланные сахарницы наполняли у кого душистые карамельки, у кого – колотый сахар. Но в основном народ еще обедал.

Евстафий Кузьмич не успел еще толком оглядеться, как увидел, что через весь зал к нему направляется никто иной, как сам Афанасий, не весть откуда взявшийся в трактире.

«Впрочем, почему не весть откуда, – рассуждал Кузьмич, – как и многие был на базаре, зашел в трактир. Дело обычное. Но чего это он ко мне-то идет?»

Пока Кузьмич рассуждал, к нему приблизился Афанасий.

– Мое почтение, Евстафий Кузьмич.

– Здорово, Афанасий.

– Сторговали чего, Евстафий Кузьмич? Как вам базар?

Жили люди у Оки

– Базар он и есть базар, – уклончиво ответил Кузьмич. – Только успевай кошелек открывать. Я вижу, ты гуляешь?

– Не то, чтобы гуляю. Я здесь с артельщиками. Не побрезгуйте, Евстафий Кузьмич, нашим столом. Хочу угостить вас. Обед наш, правда, небогатый, но сыты будете.

Кузьмичу, с одной стороны, не хотелось выпивать вместе с Афанасием, но с другой – уж больно хотелось узнать, чего это он затевает с артельными людьми.

– Спасибо за приглашение, Афанасий, – осмотревшись по сторонам и делая вид, что все равно свободных мест нет, без лишней радости сказал он. – Не побрезгую.

Они двинулись к столу, где сидело два крепких молодца, видно не из деревенских и не фабричных. Вид у них был прилично чистый и аккуратный: в белых косоворотках, подвязанных добротными черными ремешками, поверх них недорогие, но и незамусоленные опрятные пиджаки. Брюки заправлены в хромовые, начищенные до зеркального блеска, сапоги. Лица их не были изможденными поденной работой, хотя руки были крепкие, не прослабленные как у шаромыг.

– Вот, знакомьтесь, – сказал Афанасий своим друзьям, – мой сосед по деревне и благодетель.

Евстафий Кузьмич представился, артельные тоже.

– Хлеб, соль вам, – сказал он. – Разговляйтесь после поста?

– Вам тоже. Присаживайтесь, – ответил Афанасий. – Что Бог послал. День сегодня не праздничный, обычный, праздник только прошел, поэтому и обед наш обычный, мужицкий.

Перед Евстафием Кузьмичом вмиг вырос половой:

– Чего изволите?

– Ничего, – ответил за Кузьмича Афанасий. – Тарелки давай, да ложку с вилок. Лафитничек не забудь и стакан под квас.

– Кваску хорошо, – с удовольствием протянул Евстафий, – квас-то у них с мятой?

– А как же?! Не только с мятой, но и с хреном, на меду. Холодный со льдом. Чего это вы, Евстафий Кузьмич, с кваса начинаете? Извольте водочки откусать. Она здесь духовитая – анисовая.

– Анисовая, она завсегда хорошо. Давно я ее не принимал. Почему же она сегодня?

– Штоф по 37 копеек. Хотя где, как. Вот взять Питер, там все дороже, чем у ас, но и заработки хоть в Питере, хоть в Москве выше наших.

Вновь появился половой как из-под земли. Поставил тарелки, стакан, лафитник, положил ложку с вилок. Афанасий взял штоф водки.

Жили люди у Оки

– Миша, – обратился он к соседу, – налей Евстафию Кузьмичу кваску. – А сам принялся разливать водку.

– Евстафий Кузьмич, перед щами выпейте, закусите. Залом у них хорош, мясо розовое, жир с него так и течет, и посолен умеренно, а на просвет аж весь светится. С лучком и постным маслом хорош. А вот рубец, как домашний, без лишнего запаха, вычищен что надо и выварен не как тряпка, в аккурат. Вот и хреночек к нему. Студень из свиной головы с чесночком тоже удался, дрожалка у него прозрачная, подцепишь на навильник, она как грудь у молодухи колышется, но с навильника не падает. А после щей похлебайте. Мы уже сподобились, – Афанасий потрогал чугунок. – У-ух, – потер руки, – еще горячий. Щи напаренные – суточные. Половой говорит: «Телка намедни зарезали и сразу в щи». Я с мослом попросил подать. Будем разыгрывать, кому достанется. Жиру в мосле на всех не хватит, а одному аккурат. Ну, что это я соловья баснями утомил. Как говорит наш батюшка: «По единой?»

Чокнулись, перекрестились.

– Будьте здоровы, – сказал Евстафий Кузьмич и махом опрокинул лафитничек в рот. Водка благостно пошла внутрь, смочив сухость горла, разлилась в желудке и отозвалась приятным жжением и свежим запахом аниса.

Компания дружно закряхтела и принялась за закуски. Кузьмич потянулся к залому. Попал вилкой в увесистый кусок, за который зацепилось несколько крупно порезанных колец лука, слегка стряхнул масло, чтобы не капало, и отправил все это в рот. Лук вкусно захрустел у него на зубах, селедка растекалась нежным вкусом малосоленой жирности. От лука слегка пробило слезу.

– Действительно, – с удовольствием произнес Кузьмич, – залом хорош, и лук сладкий. Какая там икра! Так, баловство, это когда ничего другого нету. Вот залом есть залом! Чтобы мужик делал, если бы не было залома? Говорят, хороша еще селедка в озере Байкал. Омуль называется, но я так думаю, покуда его сюда довезут, он только поржавеет и дух ненужный наберет.

Афанасий снова потянулся за штофом.

– Давайте вдогонку еще по одной.

– А что значит, батюшка пьет «по единой»? – спросил Михаил.

– Так им, служителям, – отозвался Евстафий, – больше одной пить нельзя. Поэтому они не могут предлагать «по второй, по третьей», а по единой пей сколько хошь, не сосчитать.

– Ох, уж эти попы, хитрецы! – компания засмеялась.

– Нам можно, – продолжил Афанасий, – Евстафий Кузьмич, здесь маслята в сметане. Хошь попробовать? Мне, правда, они не очень понравились. Моя, надьсь, из лесу полную корзину отборных маслят

Жили люди у Оки

принесла. Вот у нее засол так засол, уши отъешь, а кладет в них вроде все то же, что и все. Видно, в руках у нее есть какой-то секрет.

– Это где ж она их собрала? – Не без ехидцы поинтересовался Кузьмич.
– Не в ельничке ли?

– А может и в ельнике, я у нее не спрашивал. Где ж им еще быть? – Афанасий почувствовал в словах Кузьмича подвох. – Ельник он и есть ельник. Покуда его не вырубил, он для маслят создан, а как пустишь его под топор, так это уже не ельник, а стройматериал. Правильно я говорю, мастеровые?

Теперь наступило время задуматься над словами Афанасия Евстафия Кузьмичу.

– Ну, будем здоровы, – поднял лафитник Афанасий.

– Будем, – отозвались хором мужики и выпили.

– Давно рубца не ел, – Евстафий Кузьмич потянулся к тарелке с рубцом, выбрал кусок покрупнее и еле донес его до своей тарелки, чтобы тот не упал с вилки. – Рубец главное хорошо вымочить и зачистить. – Он взял вазочку хрена и положил на рубец добрую ложку. Сильный запах потревоженного свеженастоянного хрена ударил в нос. Евстафий достал из кармана перочинный нож, отрезал кусок и запустил его в рот, разжевал и почувствовал специфический, манящий вкус говяжьего желудка.

– О-ох, и хренок! – У Кузьмича аж защекотало в носу. – Да..., чесночку в рубец не пожалели. – Вытер глаза платком. – Хрен не хреновый, аж внутри все прочистило.

В крестьянских домах рубец всегда любили, а вот многие господа брезговали. Им не нравился характерный запах желудка и его специфический вкус. Особенно пренебрегали дамочки, считали его грубой мужицкой пищей. Оно, наверное, так и есть. С той лишь поправкой, что крестьяне внутренне чувствовали, понимали глубоко природный утробный вкус желудка, что-то необычное от самого естества. Поэтому, когда господам чувствуется в рубце запах навоза, крестьянин чувствует в нем вкус парного молока. Барышни ведь не кормили и не доили корову, не ухаживали за ней. Что для них было вонью, для крестьянина – обычным запахом. А рубец, вымя, легкое скотины плохими не бывают. Просто их нужно уметь готовить, понимать и чувствовать толк в простой пище.

– Коли внутри все прочистило, то давайте, Евстафий Кузьмич, щов горяченьких, да наваристых, – радушно предложил Афанасий, запуская в чугунок увесистый латунный половник. – Только оставьте место для бутора. Он, наверное, в печке уже затомился дожидаться. Ну, а коли вы – гость у нас сегодня, то забирай и мосол без розыгрыша.

Жили люди у Оки

– Ты кишок-то наказал в жаровню положить? – Возбужденно поинтересовался Евстафий, предвкушая жаровню, в которой плавают внутренности, пузырятся и шипят в сале от жару-пару.

– А как же! Без кишок не тот вкус. Они как еда хошь и пустая, но на языке дают такой вкус, что если при этом кусануть от головки сочного лучку, то вообще жуть, – Афанасий поставил перед Евстафием Кузьмичом миску со щами, из которой торчал мосол и явно ощущался увесистый кусок мяса. – А вы, ребятки, как? Щов еще желаете?

– Да какие там щи! Сам же говоришь, надо оставить место под бутор.

– Евстафий Кузьмич, подождите. Принято пред горячим подавать, – Афанасий махнул шестерке и что-то по-своему показал жестами. Не успели глазом моргнуть, как тот был у стола еще с одним штофом анисовой.

Пока разливали, Евстафий Кузьмич взял головку лука со стола, снова достал свой нож и стал крупно резать его в щи. Лук хрустел под ножом и как бы за наносимые ему увечья стал испускать такие флюиды, что сидевшие за столом прослезились.

– Как говорится, – поднял стакан Афанасий, – «За хлеб, за соль, за щи хозяину спляшем, а за винцо – песенку споем».

– А еще говорят, – подхватил Евстафий, – «С кумом бранюсь, на вине мирюсь».

Пословица Евстафия Кузьмича всем понравилась. Особенно Афанасию. Главное, кстати, было сказано. Он усмотрел в сказанном особый благоприятный смысл и решил начать разговор, ради которого и позвал его за стол. Но Евстафий опередил его. Запустив в рот очередной кусок залома, он обратился к артельщикам:

– На что живете, мастеравые? Чем шабашкуете? Хватает ли работы?

– Шабашничаем, грех жаловаться, и прохлаждаться нет времени, – с охотой ответил Михаил. – Главное, ни от кого не зависим. Свободны, как «мухи в полете». Конечно, где-то в Москве или Питере на заводах заработка получше рублей двести пятьдесят-триста в год можно заколотить, а то и поболее. У нас, конечно, поменьше, зато ехать никуда не надо, всегда при семье, опять же свое хозяйство. Так что надо еще посчитать кому где лучше.

Евстафий Кузьмич приготовился слушать, хлебая щи. Желтый слой жира, покрывавший верх миски и жирный бок мяса, торчащий из бульона, манили к себе с нестерпимой силой, да и жар с них уже сошел, как раз можно есть не обжигаясь, а чуть проволочишь – простынут, тогда и нищий на них не позарится. Кузьмич запустил ложку поглубже и, достав из под низу густоту, ловко отправил ее в рот, не уронив ни капли на стол.

Жили люди у Оки

– По деревням правда, – продолжал Михаил, – работы поменьше, чем в городе. Мужики часто жадничают и не берут внаем артели, по привычке все стараются сами рубить. У кого и денег маловато.

Пока мастеровые рассказывали, Евстафий достал из миски мосол, взял половник, поставил его на стол и ловко ударил рубленой частью мосла в половник. Напаренный костный мозг от одного удара вывалился наружу. Евстафий аккуратно высосал изнутри мосла оставшийся сок, положил рядом с половником ломоть хлеба и вилкой принялся давить мозг на хлеб. Он легко расходился на ломте и быстро в него впитывался. Получился такой бутерброд, что казалось в рот он не сможет пройти. Евстафий круто присолил его и ловко откусил значительную его часть, не уронив ни крошки, ни жиринки. Принялся усердно жевать, что доставляло ему такое удовольствие, что от ощущения нежного, разварившегося костного мозга у него стали прищуриваться глаза. Он с удовольствием заел все это густыми щами. А Мишка тем временем продолжал:

– В городе дело иное, то купчишке амбар надо сварганить, то барину какому дом подправить и пристройку примастерить. Работные люди тоже по-новому стали смотреть на мир. Как реформы пошли, так все стали думать о своих хозяйствах. Раньше о заработках таких, как сейчас, и не мечтали, а ныне деньжата завелись у многих, барыши пошли. На фабриках хорошо платят, особенно слесарям. В день рубля по два шестьдесят с копейками, токаря тоже не в обиде – рубля по два с полтиной в день, чернорабочие и те по рубль двадцать с копейками имеют. Но фабрика есть фабрика: работай целый день до ночи, шум, гвалт, воньща. Это не для нас. Мы привыкли на свежем воздухе, сам себе хозяин. А на фабрике корячиться с утра до ночи – это для тех, кто ничего своего не имеет. Здесь и батюшка наш решил новый пятистенок поставить со светелкой, двумя сенями и верандой. Вот это наша работа.

«Ба, – подумал Евстафий, – совсем как у меня. Только у меня без веранды. Одно крыльцо. Ничего, на мельнице разживусь, такую веранду смастерю, что с нее всю Оку видать будет».

– А где же это он срубил такой пятистеночек?

– Да прямо рядом с управой в проулочке, как раз напротив входа в церковь. Место отменное: вроде как в центре и церковь рядом, и в сад погулять, и у пруда посидеть – все рядом.

– И как же заплатил? Небось половину зажилил?

– У нас не зажилишь! Мы сразу договорились: «Как будем строить, как положено или со штофом? – спрашиваю я у батюшки».

– Это как?

Жили люди у Оки

– Вот и он спросил. Очень просто, говорю, у нас имеются свои тайны и хитрости.

Пока Михаил рассказывал, Евстафий ополовинил миску и с вождением посматривая на опустевший мосол, принялся за мясо. Он ложкой развалил кусок на части, спросил:

– Нет ли горчички?

Вмиг горчица была на столе. Он зацепил мясца, помазал его густо горчицей, присолил и с удовольствием отправил в рот. Горчица оказалась злее, чем он думал, и снова до слез. Евстафий взял ломоть хлеба и стал им занюхивать. Благодородный дух хлеба оттянул самую злость горчицы, но вкус оставил. Евстафий запил бульоном и умиротворенно перевел дыхание. Стал вылавливать очередную порцию мяса, подыскивая кусочек с жировой прослойкой.

Афанасий, видя в каком удовольствии пребывает его гость, не забывал подливать анисовой и перед каждым чоканьем непременно у него находилась новая прибаутка.

– Давайте под студень, – предложил в очередной раз Афанасий, – а то дрожалка на нем ослабеет, тогда по тарелке не соберешь. Как приговаривает наш батюшка: «С трактиром сроднился, в анисовой крестился».

Постепенно компания начинала хмелеть, второй штоф подходил к концу. Евстафий заканчивал щи. Подлетел половой:

– Прикажете подавать жаровню?

– Евстафий Кузьмич, вы как?

– Подавай, – довольно произнес Евстафий.

– Так вот, – продолжал Михаил, – если обижать не будешь, говорю я батюшке, и договор не нарушишь, то дом поставим как положено, а будешь объегоривать на авансах, то печку так замастерим, что труба по ночам будет волком выть, сбежишь из дому. На том и сошлись.

– А как же это она завоет? – поинтересовался Евстафий.

– В трубу вмазывается полштофа с выбитым дном. И как на улице ветер, эти полштофа, воют дьявольским горном, а вмазать 2–3 бутылки, здесь тебе – все трубы Иерихонские. Можно под крышу гвоздей гнутых набить и расшатать, ветер задует они завертятся и так заскрежещут по железу, что ночью спросонья дьявольская сила привидится. Мало ли чего можно натворить? Яйца проткнуть иголкой и засунуть под обшивку. Как протухнут, караул, в этом доме жизни уже не будет. Но мы не балуем, если с нами по человечески, то и мы готовы соответствовать, за свою работу отвечаем. Так и с Афанасием сговариваемся полюдски, без обману, чтобы всем было без обиды.

Жили люди у Оки

* * *

– Афанасий, ты что аль избу новую ставить собрался? У тебя и этой веку не будет! – предчувствуя недоброе, поинтересовался Евстафий Кузьмич, хотя знал, что избу Афанасий и сам бы срубил с деревенскими и не тратился нанимать артель.

– Не избу. Хочу, Евстафий Кузьмич, я дело свое заложить. Вот и с вами все ждал случая поговорить.

– Свое дело – это хорошо. Однако, оно денег стоит. Поднимешь ли?

– Деньги они всегда нужны. Но вы же знаете, я всю жизнь не прохлаждался, вот немного и скопил. То десять лет на промыслах шабашничал, сейчас с отрубков овес продам, картошку, по мелочам чего толкнешь какому-нибудь нерасторопному барину. Да и вы, Евстафий Кузьмич, меня не обижали, я это помню. Поденную всегда без обмана платили. Худо-бедно копеек 70-90 за рабочий день я всегда имел, а то и рублик с лишком на уборочной.

– Чего же тебя обманывать? Работник ты исправный, оборотистый, не какой-то там баклан-болтун, всегда попевал и свои дела прибрать, и мне в поле помочь, – довольный словами Афанасия, сказанными в его адрес, добавил от себя Евстафий.

– А здесь просто подфартило, – продолжал Афанасий. – Встречаю как-то на ярмарке нашего молодого барина. Он никакой, видно гуляет не первый день. Никак не может забраться в бричку. Кучер ставит ногу барина на подножку и пытается затолкнуть на сидение, а барин валится назад. Я подскакиваю: «Барин, вам помочь?» Он тупо уставился на меня: «Ты кто?» «Я, Ваше благородие, Афанасий из Речек». «А... помню, помню», – говорит, а смотрит так, что не то, чтобы меня помнить, и матери-то родной не узнает. В общем, запихнули мы его кое-как в бричку. Я ему: «Может надо чего, барин?» «Надо-то надо. Много чего надо, да ты мне не помощник, – говорит». «Отчего же? Может, сгожусь на что?» «Я здесь у вашего одного попросил, так он отказал. Вот ведь до чего дожили, у своих же мужиков не допросишься, – раздосадованно произнес он».

При этих словах Евстафий Кузьмич чуть не вздрогнул, поняв, что речь идет о нем. «Интересно, Афонька догадался, о ком речь или нет? Наверное, нет. Иначе не посмел бы так, в лицо мне».

– Да уж, дожили, – невпопад вставил Кузьмич, – господа допились до того, что у мужика в долг просят. Какой же от них прок? Срам один. Выпороть бы этого мальчишку на конюшне, как нас пороли.

– Я решил не отступать и дело свое к барину как угодно, но завершить. «Не знаю, о чем вы, барин? Но я уж расстараюсь, если смогу, вжисть не

Жили люди у Оки

откажу». Я же знаю, – разгорячился Афанасий, – ему деньги нужны на гульбу, на барышень, ну и прочие увеселения, а свои и друзья, думаю, ему уже не дают. «Уйди», – говорит он кучеру. Тот отошел к другим мужикам, скучавшим у коновязи. А барин мне: «Так как ты говоришь тебя кличут?» «Афанасием». «Э-эх, Афоня, – чуть не прослезился барин, – плохо мне. Кредиторы, как собаки, того и гляди все обшлага у сюртука обкусуют, барышня моя и та возникает, никакого толку, говорит, от вас, Коленька, нету. У других, говорит, кавалеры и обхождение имеют, и подарки. Но я-то что могу поделывать? Манерам-то я обучен, а на подарки деньги нужны. Где их взять? Папенька с маменькой ничего не оставили после себя, с имения дохода никакого, только что на жизнь и хватает». Это дело понятное: «Трезвый на пяти овинах молотит, а у нашего барина ни ржи, ни овса, только пьянка и гулянка в голове», как говорят татары. Ну, думаю, Афоня, время пришло, теперь не прошибись. «Вот опять, – говорит, – проигрался. Завтра до полудня должен вернуть аж сто рублей. Не вернешь, говорят, опозорим на весь город. Хоть стреляйся». «Что ж так сразу и стреляться. Сто рублей, конечно, деньги, но если барин изволит, то рублей пятьдесят, если ненадолго, я бы одолжил исключительно из глубокого к Вам уважения». Барин аж протрезвел, весь ожил. «Не врешь?» – говорит. «Так вы, барин, езжайте к себе домой, а я ужотко к вечеру привезу». «Ну, Афанасий, ты меня обрадовал. Век не забуду. Так ты меня не обмани. Буду ждать. А долг я верну, вот только отыграюсь. Гаврила, – крикнул он кучера, – гони домой». «Как же! Вернешь! – думаю я. – Так и быть, пропадай мои полсотни, а еще полсотни ищи где хочешь, но память у тебя останется, что я тебя выручил, а коли так, то и о делах говорить будет легче».

Афанасий сделал паузу. Его слушатели заинтересованно смотрели на него. Евстафия Кузьмича даже пот прошиб. Он постоянно вытирал платком лоб и шею, машинально ткал вилок в миску с маслятами, не ощущая вкуса, жевал и с трудом глотал их. Подлетел половой:

– Еще чего желаете?

– Квасу холодного подай, – проглотив ком в горле, попросил Евстафий Кузьмич.

– Да открой окна пошире, дышать нечем, – добавил Афанасий.

– Сей секунд. Кажется, гроза надвигается. Оки не видать. Все почернело. Вот и духота, – отчеканил половой.

Евстафия Кузьмича мучила не приближающаяся гроза, он еще не знал, что задумал Афанасий, но предчувствовал, что ему от этого добра ждать не стоит. «Неужели этот прохвост прочитал мои мысли насчет ручейка нашего и мельницы? Не может быть! Я ж никому, кроме жены, не говорил, да и ей сказывал только сегодня утром. Ну, Афоня, хитромудрый молодец».

Жили люди у Оки

– Евстафий Кузьмич! – услышал он сквозь пелену своих раздумий. – Вам что, плохо? Зову, а вы как каменный, смотрите немигающими глазами. Все окна открыли, сейчас полегчает. Вот уже чувствуется, с реки свежестью потянуло. А с площади доносился какой-то шум, похожий на шум драки, но более многоголосый.

– Что за шум? – ни к кому не обращаясь спросил Афанасий.

– Так, ярмарочный день, – ответил Михаил, – наши фабриканты опять затеяли кулачные бои. Там теперь, считай, все село собралось, считай, одних дерущихся до тысячи собирается, стенка на стенку, моргуновские против щербаковских.

К этому времени в трактире сложилась характерная обстановка. Его посетители выпили сколько в них вошло и поели до отрыжки, но до посошков времени было еще достаточно. В таком состоянии многих, как водится, потянуло обсудить дела политические или общественные, иные готовы были пролить горючие слезы от нахлынувших на них чувств, которыми, будучи трезвыми, боялись поделиться не только с посторонними, но и гнали их даже от себя. Появились и спорщики, готовые отстаивать свою правду до мордобоя.

В углу зала сидела странная компания еще молодых мужчин с болезненными лицами. Все они были какого-то серого цвета. Глаза горели явно нездоровым светом. Волосы у многих были всклокочены. Они все сдвинулись головами к центру стола и что-то яростно обсуждали. Попеременно один за другим нервно оборачивали головы в зал и оглядывали его, как бы изучая: нет ли рядом вражеских лазутчиков. До окружающих иногда долетали обрывки фраз и отдельные слова: «Революция. Свобода. Буржуазия. Хлеба». Потом на какое-то время они замолкали, только были слышны чоканья стаканами, после чего все запрокидывали головы и, выпив водки, начинали дружно сопеть. После чего опять доносились обрывки фраз: «Сколько можно это терпеть? Люди хлеба не едят вдоволь».

– Это кто ж такие? – спросил Евстафий Кузьмич у пробежавшего мимо полового.

– Да, чудики какие-то. Озираются, будто за ними следят. Я спрашиваю: «Что кушать будем?» А один из них: «Товарищи, кто голоден и хотели бы перекусить чего?» Все мотают головами: мол, сыты и в угощении вашем не нуждаемся. А сами по столам так и зыркают, того и гляди сопрут с соседнего стола кусок колбасы или еще чего. А их, видимо, старшой и говорит: «Мы, любезный, сюда пришли не объедаться, когда весь народ с голоду пухнет, а порадеть за него и дружно высказать свое негодование». Потом как бы между прочим дополняет: «Хотя знаешь, принеси-ка, пожалуй, водки. Как, товарищи, не возражаете?» У «товарищей» лица сразу озарились. «Коли так,

Жили люди у Оки

– начинают гомониться они, – тогда, пожалуй, давайте». А старшой добавляет: «И подай к водке клюквы. Клюква очень полезна для организма». А я про себя думаю: «Уж если клюква так полезна, что под нее можно пить водку, неужели другие продукты менее полезны, и почему эти закусывают клюквой по восемь копеек за фунт, а все остальные предпочитают иные продукты. В общем, какие-то сектанты зачумленные. «Ни Богу от них свечка, ни черту кочерга». Приказано их больше не пускать. Заведение у нас приличное, а эти пусть идут в кабак.

– Социалисты, – пробормотал Евстафий Кузьмич.

– Какие там социалисты, – засмеялся Михаил, – я видал в 1905 г. социалистов в Москве, чуть сам с ними не связался, уберег Господь Бог. У тех и вид совсем другой, и разговоры всякие умные, и водку с клюквой не пьют. А эти так, шаромыги бездомные, работать не хотят, примазываются к социалистам, чтобы оправдаться за свое безделье, орут на митингах, на фабрике в Озерах людям головы дурят и с мастерами ругаются.

– А мне хоть и социалисты. Клюква так клюква. Лишь бы заплатить не забыли, а то ведь сбегут. Плати тогда за них в кассу восемь копеек и еще за четверть водки.

– Смотрите, – потихоньку показал пальцем полой, – слева от них расположилась компания молодежи. Эти последнее время зачастили, щас наговорятся и будут стишки читать.

Молодые люди с удовольствием пили красное вино и закусывали небогатыми закусками. По всему было видно, что они уже захмелели, а потому о чем-то страстно спорили.

– Господа, господа, – взволнованным голосом затараторил один из них, розовощекий, пухленький, судя по форме студентик, – ну будет Вам! Что Вы все о политике, да экономике? Давайте о чем-то ином.

– Ну, о чем, Алексис, к примеру?

– Я бы предпочел о чем-нибудь любовном и трагическом. Вот в Питере сейчас модно декадентство, – отозвался пухленький.

– Ишь, чего удумали, что за болезнь такая, я что-то слышал, но пока не понял, кроме одного: дека... кенты, как их там правильно, только чего и хотят, так это понюхать кокаинчику и повеситься.

– Зажрались, и от безделия вот дурь им в голову и поперла.

– Господа, опять вы все куда-то поворачиваете, хотите я почитаю свои стихи.

– Ну, ну, давай, Алексис, просвети нас, как там столичные снобы развлекаются. Может, нюхнешь для полноты чувств?

– Разрешите, господа, я сидя, – он моментально сосредоточился, оглянулся по сторонам, как бы боясь, что их подслушивают. Оперся руками о

Жили люди у Оки

стол, откинул голову назад, затем опустил ее и тупо уставился глазами в стакан вина, но это был уже другой человек, не тот жизнерадостный пухлячок. Глаза его, казалось, отупели и померкли, а румянец на щеках растаял. Все эти неожиданные артистические приготовления заставили компанию притихнуть в нервном ожидании. «Мои мозги остыли и тело затвердело, – начал он плавным глухим голосом. – Вы про меня уже забыли, звать нужен был я вам, пока Вы интерес ко мне имели». – Он поднял взгляд, резко выкинул вперед руки с повисшими вниз ладонями:

Я смерти не боялся.
Пред иконою Христа
Мерещились мне ангелы
И звали все на небеса.
Закрыв глаза, отца небесного услышал.
Пристанище он мне приготавливал,
Мария в страданиях своих
Все приближалась ко мне.
И ты поверила, пришла.
Тебе я застолбил здесь место.
Не думай больше ни о чем,
Здесь все Божественно и просто.

На последних строках лицо поэта залили слезы. Казалось, еще миг и он отчаянно разрыдается.

– Во, дает, а ты артист, Алексис, в тебе талант пропадает. Такие стихи не для нашего сельского трактира, а для великосветских салонов, от таких слов действительно мозги стыннут и тело аж немеет.

– Ладно тебе, Кость, что ты к Сачку пристал, сказано же тебе было, что мода у них там такая. Ты-то чем можешь похвастать, а то критиковать мы все горазды. Вы, милостивый государь, покажите на что сами способны, – шутовско-наставническим голосом прервал его сосед по столу.

Здесь каждый счастлив и влюблен
И носит в сердце Божий лик...

Начал читать Костя Неизвестный без лишних объяснений и комментариев. Расплывшись в широкой улыбке, он развел перед собой руками, насколько это было возможно за столом.

Жили люди у Оки

... А воздух медом наполнен
И дорог жизни каждый миг.
Пусть сберегут тебя в тиши
Луга цветущие и лес.
Звучит здесь лира для души,
И льется музыка с небес.

Дочитав до конца, поэт перевел дыхание, осмотрел окружающих. Они умиленно смотрели на него, пухленький чтец восхищенно захлопал в ладоши, слезы на его щеках просохли, и они вновь порозовели.

– Вот как надо писать, – начал было мечтательно Костя, но его прервал сосед, которого все звали Сергеем.

– Вирши Алексиса я не первый раз слышу и назвал бы их «Любовной лирикой на краю могилы». А ты, Незвестный, пишешь хорошо, не спорю. Но опять же не о том. Размякли вы все здесь по обеим берегам Оки в Сенницах, Белых Колодезях, Речках и тому подобное, сидите по имениям и уютным домам в Озёрах за бархатными шторами и «в ус не дуετε», радуетесь, как дети, всякому цветочку-василечку на солнышке. К тому же обленились, многие хозяйства в запущение пришли. Один Некитаев чего стоит, проиграл и пропил все, что только можно. Имения всякие посторонние люди скупают. А вы как будто ничего не видите, что кругом происходит. Я, когда у себя в Богатищеве жил, тоже дальше околицы ничего не видел, а как в 1905 попал в Москву, понял, что не все в жизни так гладко, как хотелось бы, и отпала у меня охота «купаться в солнце, соловья».

– Ох, любишь ты, Аниканов, страху напускать, все тебе не так, да не этак. Как социалист, какой. Один ты жизнь понимаешь, а мы так себе – «озерские придурки», – обиженно возмущился Костя. – Уж тебе-то на бедность жаловаться? Свою лавку в Москве держишь.

– Ишь ты, упрекнул – «лавку я держу», так я на нее своими руками скопил. А кто тебе мешает? Только не ленись. Скоро все мужики и то станут богаче дворян. Да вы не обижайтесь, – продолжал Сергей, – я все-таки постарше, да и действительно в Москве многому научился. Я вам прочитаю стихотворение, посвященное поэту Ивану Захаровичу Сурикову, а он-то действительно кое-что в жизни понимал:

Ты певец нужды и горя
И народного труда,
Спел нам песню, как свершалась
Казнь за прошлые года.

Жили люди у Оки

Эта песнь тобой певалась
Про Степана-казака
И в наследство нам досталась
От поэта-мужика...
И певец нужды и горя
В песнях жил не головой
Жил с народом, его муки
Нес скорбящею душой.

Сергей перестал читать, и некоторое время сидел молча в сосредоточенной строгости. Его друзья тоже молчали, боясь нарушить его мысли.

– Ладно, – сказал, наконец, Аниканов, – действительно не будем драматизировать. В конце концов, в жизни не мало светлых пятен. Честно говоря, я в Москве тоже часто вспоминаю Богатищево. Это как два разных мира – Москва и наши деревни. Сейчас смотрю, большинство мужиков только и говорят, что об отрубках и хуторах. Пить бросают, вкалывают целыми днями, каждую копейку в дом тащат, а на зиму бегут в города на промыслы, кто остается, тот каким-то образом, а домашним ремеслом занимается. Так, глядишь, и наша деревня на ноги встанет. А главное, я смотрю, кто больше всего недоволен, кто на сельских сходах больше всего выступает? Либо пьяницы, либо бездельники. То у них земли не хватает, а если и хватает, то не та земля, у соседа лучше. А у соседа земля-то такая же, но он в нее за зиму столько навозу всадит, что на ней вырастит все, что посадишь. И пашет ее не кое-как, а на полный плуг. Так этому мужику не до того, чтобы на сходах права качать. Ему главное, чтобы никто не мешал.

– Господа! – взмолился Алексей Сачков, – опять вы о хозяйстве, ну, честное слово, я думал, встретимся, друзья детства, поболтаем, пошалим.

Сергей достал из пиджака новую пачку папирос «Роза».

– Ладно, не будем, давай закурим еще по одной. Папиросы что надо.

– Почему же они у тебя в лавке идут?

– Как, почему? Почему стоят, так и торгую: два рубля двадцать копеек за тысячу, считай десять штук совсем ничего стоят – 2,2 копейки.

– Ну тогда давай.

– Один раз, помню, пошалили в саду у фабриканта Щербакова в саду, и собака сторожа загнала Алексея на яблоню, сидеть бы тебе там до сих пор, если бы сторож не снял тебя оттуда.

– А как снял, то что сделал? Уши надрал, и звали тебя долго после этого как? Ушастый. Вы, милостивый государь, хотите повторить?

Компания взорвалась дружным хохотом.

Жили люди у Оки

– А как уши-то драл, то приговаривал: «Это тебе на память о хозяйских яблочках. Ишь приучаются таскать чужое добро – «на чужой каравай рта не разевай». Своих тебе яблок мало? Так получите, щас уши твои станут розовыми, как те яблочки, большими и толстыми, как оладьи, или как у того ушастика из сказки, которую тебе бабушка сказывала. И еще, что он велел орать?»

– «Дядь, прости засранца, больше не буду», – сам, давась от смеха, еле еле проговорил Алексей.

– И ты чего?

– Чего, чего? Орал.

– Вот и представь себе: сейчас пошалим вон над тем пьяным, что спит за столом, а потом тебе, дворянину, околоточный мужик чего-нибудь, только уже не уши, а что-то посерьезнее будет крутить в околотке, а ты будешь орать: «Дядь, прости засранца!»

Все вновь захохотали, как дети не обращая внимания на окружающую их публику.

– О... молодежь дает, как белены объелись, – пробурчал пьяный посетитель, который пробудился от тяжелого сна прямо за своим столиком.

Опытный хозяин знал, что в определенный момент пора смягчить страсти и дать гостям передохнуть от еды и питья, дабы не дать этим страстям распространиться в ненужном и опасном направлении. Он махнул кому-то в открытую дверь за стойкой и из нее, бодрясь, выскочил человек с остатками галантности на лице и в движениях, в явно коротком для него и узком в плечах, выдавшем виды фраке. Возможно, он брал этот фрак для выступлений напрокат в похоронном бюро или получил в наследство от деда, который, не исключено, играл в духовом оркестре того же печального заведения. А может, просто с годами потолстел и требовался новый фрак, но финансы не позволяли разориться на эдакую роскошь.

Он подошел к роялю и объявил:

– Сейчас перед вами выступит жемчужина Оки Серафима Бабурина. Попросим! – он радостно и оживленно начал хлопать в ладоши.

В ответ раздались одиночные хлопки из публики.

– Опять эта Серафима, – недовольно пробурчал кто-то по соседству из завсегдатаев трактира. – И откуда они это взяли – «жемчужина Оки»? В Оке жемчуга отродясь не было. С ее-то голосом только «караул» кричать на базаре или на Оке руководить переправой.

– Ладно тебе, Максимыч, пускай поет. «На безптичье – и попа соловей».

Из-за тяжелого темно-вишневого бархатного занавеса вышла и встала у рояля Серафима Арнольдовна. Она не просто вышла. Поскольку ног ее видно не было из-под длинного до пола платья, то казалось, что ее выдвинули из-за

Жили люди у Оки

занавеса как шкаф. Вначале показалась ее безразмерная грудь, потом все остальное. Завершало явление то место, где спина растворяется в пышных формах женской гордости и мужского обожания.

Все это телесное нагромождение принадлежало, судя по всему, женщине немолодой, но узнать возраст которой было невозможно, так как лицо ее, глаза, губы и волосы настолько сильно пропитали кремы, краска, пудра и помада, что понятие возраста под ними попросту заменялось понятием «состояние». А коли так, то вполне можно сказать, что состояние ее было вполне сценическое.

Можно было понять и тех, кто с ошарашенным удивлением принялся разглядывать гастролирующую по окским трактирам певицу с нетерпением ожидая, что им предстоит сейчас услышать.

– Серафима-то, Серафима, ты глянь-ка, Танечка, – заерзала на своем стуле разомлевшая от вина барышня, – опять на сцену вылезла. Мало ей надясь весь фасад салатом уделали.

– Портнихе ее повезло, – вяло проямлила Танечка и опрокинула в рот рюмку вина.

– Это почему еще?

– Ей на платье легко талию делать: хоть ниже, хоть выше – не ошибешься, везде одинаково.

– Дредноут, – гаркнул молодой офицер, гулявший с девчонками за одним столом. Все весело засмеялись голосами людей, изрядно выпивших.

То не ветер ветку клонит,

Не дубравушка шумит.

То мое сердечко стонет,

Как осенний лист дрожит.

С надрывом запела скорее мужским, чем женским голосом «жемчужина Оки», да так громко, что перекрыла шум в зале. Человек, желавший чтобы Серафима употребила свои возможности на переправе, может быть, был и прав, там к такому тембру были привычны, поскольку баржи, плывшие по реке, похожими «голосами» извещали о своем прибытии.

Публика встретила выступление Серафимы по-разному. Многие впали от неожиданности в оцепенение. Барышни злорадно хихикали. Офицеры, не скрывая дьявольского восторга, попросту ржали как сивые мерины. Подвыпивший мужик, уже задремавший за своим столиком, резко очнувшись, ошалело оглядывался, не понимая что происходит. Он даже заглянул под стол, потом выпил лафитник, помахал руками, как бы желая

Жили люди у Оки

отмахнуться от привидевшегося ему кошмара, потом подпер голову руками и залился неутешными слезами.

В это время на пороге трактира появился дьякон из горской церкви. Он прислушался к песне, перекрестился и ушел, громко хлопнув дверью. Песня завершилась апофеозом с особенно удавшимся певиче надрывом.

Извела меня тоска-кручина,
Подколотная змея.
Так гори, догорай моя лучина,
Догорю с тобой и я.

Когда песня закончилась, зал взорвался аплодисментами. Хозяин трактира оказался не прост и тоже имел уши, но помимо ушей имел и чувство юмора. Знал, что мадам Бабурина не будет блистать вокальными данными, но сомнительный дар ее голоса не может не обратить на себя внимание разгоряченной публики, как не могла бы не ошарашить новость, что в Оке нашли жемчуг.

Реакция публики взбодрила Серафиму Арнольдовну. Она зычно и протяжно затянула новую, без слез невыносимую песню про стаканчики граненые, которые упали со стола, про жизнь разбитую, любовь неразделенную.

– Афанасий, ты чего замолчал? Или жемчужину нашу заслушался? – с нетерпением услышать дальнейший рассказ промямлил захмелевший второй артельщик, который доселе предпочитал в основном молчать и реагировать на разговоры кивками головы и мимикой, выражавшей либо удивление, либо сомнение, согласие или наоборот несогласие с рассказчиками.

– О! – заулыбался Михаил. – Молчун наш разговорился. Даже его забрало от твоего рассказа.

– Что это ты так разошелся перед барином, чего это он тебе вдруг так потребовался? – приходя в себя, медленно произнося слова, поинтересовался Евстафий Кузьмич.

– Вот это самое главное. Задумал, братцы, я свое дело, и дело вот какое. Протекает у нас прямо за околицей ручеек, Евстафий Кузьмич, ты знаешь, аккурат за твоим домом. Ручеек так себе, течет кое-как между буераками. Толку от него, казалось бы, только, что лошадей поить. Остановился я как-то возле него, и пока лошади пили, поднялся на холмик, огляделся, и меня как озарило. А, думаю, а ручеек-то может стать золотым, если к нему подойти с умом. Если слегка обровнять его русло, укрепить, да на скате сварганить насыпь, то под нее можно, что поставить?

– Меленку, – словно выдохнул Евстафий.

Жили люди у Оки

– Правильно, меленку. Вот вы меня, Евстафий Кузьмич, сразу правильно поняли и почему, думаю, только до меня никто об этом раньше не догадался? Земля по ручью общинная, к тому же бросовая, а с мужиками всегда можно договориться об ее отторжении, растолковать им какая польза от плотины, сколько они получают воды для полива огородов, да на дармовщинку. В речушку можно карасиков пустить, пусть ребяшня балуется, все занятие им какое-никакое. В общем, много чего можно надумать, но о мельнице до поры помалкивать, а то так присосутся, что всю кровь выпьют от зависти. А на строительство пойдут елки из ельничка, и по тому же ручью сплавим их к месту. Вот он и ельничек пригодился, а вы говорите: «Маслята». Главное – доски и бруссы, а грибы пусть уж барин собирает на закуску. Стал я искать случая, когда барин наш запьет и в карты проиграется, чтобы удобнее было к нему подкатиться с арендой ельника. А часть аренды выплатим дровами – отходами тому же барину или еще кому.

Евстафий Кузьмич неожиданно для всех резко встал и не попрощавшись, покачиваясь, пошел прочь к входной двери. Афанасий окликнул его, тот словно не слыша открыл дверь и вышел на улицу.

– Пойду узнаю, может плохо человеку, а вы ешьте пока. Вон жаровня почти нетронутая остывает, – сказал он и двинулся за Кузьмичом.

Евстафий Кузьмич стоял внизу, привалившись к поручню крыльца.

Кулачный бой закончился, и зрители постепенно расходились по своим делам. Только самые отчаянные продолжали мутузить друг друга. Рубахи на них были порваны, лица – в крови, с некоторых соскочили лапти и онучи размотались. По площади бегали санитары, делали перевязки сильно пострадавшим, кому надо накладывали временные шины на руки и на ноги и отправляли на специальных повозках в больницу.

– Тебе что плохо? – спросил вышедший за ним Афанасий.

– Куда уж там. Ты, Афанасий, не поймешь.

– Давай провожу тебя.

– Не надо. Ветерком хорошо обдувает. Что-то нашло. Сейчас обойдется. Ты, Афанасий, иди, иди к своим, как бы неловкости не вышло, и дело ваше сорвется. А мы потом, потом.

– Ну, смотри. Я к вам, Евстафий Кузьмич, завтра заеду после обеда.

– Заезжай, – бормотал Евстафий.

* * *

Он медленно двинулся к коновязи, отстраняя Афанасия и несвязанно бормоча: «Ручеек... Мельница... Пьяница барин... Я дурак... Старый, жадный дурак... Афонька, Афоня, Афанасий... Э-эх, Афанасий, без ножа зарезал. Вот

Жили люди у Оки

тебе и маслята. Молодец, задурил людям голову. Все думали, Афонька – чудака, а он оказался Афанасием-мудрым».

Возле брички Евстафия поправлял у своей лошади подпруги мужик.

– Это ты, – узнал в нем хозяина петуха Кузьмич. – Ну, что продал своего бойца? – и не дождавшись ответа, стал отвязывать свою лошадь.

– Петуха-то? Провал. Какой-то из ваших Речек дал цену не торгуясь. «У себя в деревне, – говорит, – петушинные бои открою. С таким петухом курам на корм всегда можно будет заработать, а ставки буду брать пшеницей и рожью».

– Афанасий! – вскрикнул Евстафий Кузьмич. – Только он до такого мог додуматься. Вот шельма, и здесь меня обошел.

– Вот-вот, Афоней его кликали. Петуха взял, а от курицы отказался. Может возьмешь, сердешный? Что мне ее назад тащить? А ты завтра лапшички жирной похлебаешь. Курица отменная, сам бы ел, не останавливался, да у меня их и без этой рябы достаточно.

– Курица..., да курица, – бормотал Евстафий, садясь в двуколку.

– Да ты, мужик, как будто не в себе, – удивленно сказал курятник, а про себя подумал: «Или пьяный». – Так будешь брать курицу? – обратился он как в последний раз к Евстафию. – А то и без петуха остался и курицу упустишь.

– Ладно, бросай под ноги. Почему продаешь? – спросил Евстафий, не глядя на мужика и разворачивая лошадь.

Мужик в один момент схватил мешок с курицей и бросил Кузьмичу в ноги. Поспешно развязывая мешок и вытряхивая его содержимое, не забыл напомнить:

– А деньги?

– Сколько?

– Как положено сорок пять копеек.

Кузьмич машинально отсчитал сорок копеек, сунул мужику в руку и продолжил разворачиваться. Мужик, пересчитав деньги, вновь подскочил к бричке.

– Хозяин, – жалостливо завопил он, – две денег-то не додано.

– Хватит с тебя и этого. Нет у меня мелочи, – Евстафий стеганул лошадь, и она рывком помчала на знакомую ей дорогу к дому, где ее ожидало привычное стойло и ясли с отборным овсом.

– Вот так всегда, у кого мелочи не водится, а кто и полушке рад. Что за народ пошел, так и норвят обмануть бедного человека. А этот вообще чудной какой-то, то петуха хотел втридорога купить, а то за курицу две полушки пожалел. Хорошо, хоть эти деньги отдал, а то так бы и улетел. Зачем ему курица понадобилась? – в раздумье произнес незадачливый продавец. –

Жили люди у Оки

Я-то так ее прихватил заодно. Яиц она не несет. Жарить – уже старая и жесткая, только и остается, если упарится в печи, то суп из нее сварганить.

Так вот и бывает: хотел человек бойцового петуха, но пожадничал и ни к селу, ни к городу купил старую курицу, как будто у него самого их мало.

Лошадь Евстафия ходко бежала по дороге, в ногах у него барахталась связанная рябая курица, а сам седок, не замечая окрестностей и не чувствуя сырой послегрозовой свежести, был погружен в свои грустные мысли.

Очнуться от них заставил уже на выезде из села беспорядочный гвалт множества ворон, которые оккупировали остатки перелеска за селом – косяк вековых высоченных осин. Все их макушки были усеяны вороньими гнездами. Гнезд здесь было несчитанное множество, и в них проживало большинство озерских ворон.

– Ишь, раскаркались, «черная рота». С полей, наверное, вернулись, червей всех из пашен повыдергивали, дармоеды. Вот кому их жизнь никчемная нужна? На полях от них вредительство, в селах все помойки разроют, а попробуй сунуться к ним с ружьем, ведь заклюют, и ружья вскинуть не успеешь. И никто не догадается спилить эти ветлы на дрова, тоже ведь растут как сорняк.

Во вселенском вороньем карканье слух Кузьмича различил жалобное и истошное вскрикивание ястреба-канюка, и в небе над лугом он заметил эту небольшую, но хищную птичку, которую окружила стая здоровых ворон. Несколько ворон гнали канюка сзади по бокам, несколько – ниже, не давая ему увильнуть вниз и в сторону, а две вороны поочередно пикировали на него сверху и старались ударить его своими огромными железными клювами.

– Бедный ястребок, – пронеслось в голове Кузьмича, – ведь заклюют его вороны. Ни дать, ни взять заклюют.

Такие сцены приходилось наблюдать не раз, когда птицы в пылу охоты залетали на воронью территорию, тогда с деревьев поднималась стая ворон-охранников и гоняла ястреба пока не добивалась своего. Редко кому удавалось избежать расправы. Обычно над лугом охотятся две-три птицы, а то и стайка ястребов, а здесь никого, кто помог бы судя по всему молодому ястребку спастись.

– Вот она жизнь, – подумал Кузьмич, – так живешь, трудишься и на тебе: кому-то не понравиться, налетит на тебя куча людей недостойных и замолотят тебя в одночасье, зови-не зови кого на помощь, никого не окажется рядом, а кто окажется и тот спрячется.

Кровавая схватка улетала все дальше и дальше в сторону Песочного озера и становилась слабо различимой в небе. Однако, судя по всему ястреб держался. Вскоре донесся звук выстрела случайного охотника, такое тоже случается, но чем все там закончилось, понять было уже невозможно.

Жили люди у Оки

Где-то посередине луга его пересекала «черная канава», по которой с фабрик сливали всякие отходы из отделочной фабрики. Канава тянулась далеко за село, где все ее нечистоты спускались в реку. Тяжелый дух канавы орошал окрестности противным тухлым запахом и своим присутствием портил красоты раскинувшегося на многие километры луга и ландшафта существовавших здесь реки и озера. Недалеко от канавы стояла запряженная телега. Подъехав к ней, Кузьмич увидел спящего в ней Ероху.

– Ероха, – окликнул его Кузьмич, – нашел место, где отдыхать. Давно не нюхал вони?

Но Ероха даже не шелохнулся. Кузьмич еле растолкал его:

– Ты чего дрыхнешь здесь? Смотри, ты ведь промок под дождем.

Он очнулся, глубоко потянулся и сильно выдохнул прямо на Кузьмича такой гадостью, что на какое-то время она забила запах, источавшийся канавой, от чего Кузьмича чуть не вырвало. Он с отвращением отвернулся и запрыгнул назад в пролетку. Вдруг за спиной он услышал пронзительный визг Ерохи:

– Кузьмич, конька моего не видал?

Из последующих мало внятных выкриков, повизгивания и оханья Евстафий Кузьмич понял, что Ероха решил продать годовалого конька на рынке, к тому же без ведома своей хозяйки, а у переправы, уже на этой стороне реки, к нему привязались цыганки и нагадали ему уйму успехов и денег. Ну, он на радостях достал бутылку и стал их угощать, а тут подбежали их мужики, он и их угостил. Когда бутылка кончилась, цыгане принесли свою и закуску к ней, да видно подмешали к вину какой-то гадости. По дороге Ероху разморило на солнце, и он заснул. А вот теперь..? Конь-то был привязан к телеге, значит, кто-то усмотрел и украл.

– Кто-то? Ясно кто: цыгане, с которыми ты пьянствовал. Кто еще? Они еще в начале лета пришли. Встали табором в кустах на Песочном озере. Ты у них не первый. Нашел с кем пьянствовать, да еще перед рынком? С конокрадами. Они по дороге так и шныряют, все высматривают, а здесь мужик пьяный, конь сам в руки идет. Они ведь как говорят? «Был бы оброт, а коня добудем». Беда с тобой Ероха, пустой ты человек. Одно слово – беданюха.

У Евстафия Кузьмича появилась жалость и еще больше выросла неприязнь к этому человеку. Чисто христианская жалость потому, что этот бедный полуголодный человек и коня лишился, и не приобрел ста пятидесяти рублей, за которые мог продать его на базаре, к тому же было очевидно, что вечером опять будет бит своей деспотичной женой и посажен на голодный паек. Неприязнь к Ерохе у Евстафия Кузьмича существовала всегда, так как человек он был никчемный и сам виноват в своих бедах и нищенстве.

Жили люди у Оки

Работать он не любил и все делал кое-как, при этом приговаривал: «Да, ладно, давай как-нибудь. Небось обойдется. Мы люди простые, не бары. Нам и так сойдет».

Не прощаясь, Евстафий Кузьмич двинулся в дальнейший путь, а Ероха, весь обмочившийся от ужаса, который его охватил, когда он понял цену утраты и предстоящую над ним расправу, еще долго бегал вокруг телеги, заглядывал под нее, обежал ближайшие кусты, даже зачем-то заглянул в «черную канаву». Выбившись из сил, он уселся возле телеги в дорожную жирную грязь после дождя и завыл «белугой» от тоски и отчаяния, как баба заполошная. Миновав переправу, лошадь Евстафия Кузьмича привычно зашагала в гору и сама остановилась у ворот дома.

Вечер прошел в бесполезном скитании по двору, дому и саду. Он не мог заставить себя начать что-либо делать, поскольку его постоянно точила мысль о том, как Афанасий обошел его и отнял заветную цель последних лет его жизни.

* * *

И снился Евстафий Кузьмичу в эту ночь сон и не просто сон, а странный какой-то и не то, чтобы даже сон, а вроде как наяву все происходит.

Просыпается он как бы ночью по нужде малой и идет на двор. Выходит на крыльцо. Луна огромная, полная, высоко стоит посреди неба и светит каким-то своим особым мертвецки сумрачно-синим светом.

– Ночь не день, луна не солнце, – подумал Евстафий. – От такой луны только мурашки по коже бегают. То ли дело днем. Солнце светит как улыбается, и цвета у него все радостные: то красный, то розовый, а то в желтизну отдает, а когда полуднует, то как распалится, что все эти цвета перемешиваются и вскипают до белого. Всему живому от такого сияния только радость. Вот и человек бывает лицом «хоть воду с него пей», само оно белое и приправлено розовыми тонами. Сразу видно – здоровый человек, «кровь с молоком».

А ночью луна, луница бледно-синяя, как покойник. И все от нее становится, как в преисподней, покойницкого цвета. Н-е-е-т, ночь не для человека, поэтому нормальным людям предназначено по ночам спать. Живем мы днем, при солнце. Потому и говорят: «красно солнышко», а наш мир зовется Белым светом, а ночь – это не Белый свет, это про который говорят «Тот свет», то есть другой. И живет в Том свете нечисть всякая, да ведьмы с колдунами и оборотнями по улицам и дворам шастают, собак пугают. От чего собаки по ночам и лают да воют, все от страха. Человеку не положено видеть это безобразие, потому он и спит в это время.

Жили люди у Оки

Вона лунная дорога блестит поперек Оки, кому она нужна? Не людям, мы днем на пароме и лодках ее переплываем, а если переправу ночью выстлали, то это опять же для нечести всякой, шастать туда-сюда. Тьфу, провались ты пропадом, – сплюнул Евстафий, – чертовщина всякая в голову лезет.

Он еще раз посмотрел на луну.

– Ишь ты, как светит. Не греет, как солнце, наоборот, кровь только стынет от одного ее вида.

От мыслей его оторвал какой-то непривычный звук, раздававшийся за околицей. Кузьмич подошел к изгороди. Глядь, а за околицей на бугорке как раз где ихний ручеек течет, мельница стоит и не просто стоит, ее колесо уже вертится и какие-то тени снуют вокруг нее.

– Ба! – воскликнул Евстафий Кузьмич. – Пока мы с Афанасием судим-рядим, кто-то уже построился и по ночам помолом занимается. Не дело, надо бы заглянуть, а по утру Афанасия позвать, учинить им разбирательство, как они посмели на чужой земле творить такой произвол.

Кузьмич в чем был перемахнул через забор и аккуратненько стал пробираться к мельнице. Вдруг у него из-под ног с визгом выскочила свинья и помчалась к мельнице, а на спине у нее Кузьмич заметил то ли куль, то ли мешок какой, в высокой траве не разобрался. «Никак оборотня спугнул», – подумал он и, не успев перекреститься, не столько увидел, сколько почувствовал, как огромная тень птицы бесшумно надвигается прямо на него. Он еле успел присесть, чтобы птица не ударила в него. «Святы Небесные, ну и попал я. Это она так и снести меня могла». Он-таки подкрался к мельнице совсем близко и остолбенел от увиденного. Слышать он слышал о нечистой силе еще с детства, но чтобы вот так увидеть своими глазами? Такого с ним не случилось.

Со всех сторон к мельнице сбегались свиньи, но не деревенские (те были все светлые с розовыми бочками), а какие-то серо-зеленые, пятнистые. Глянул Кузьмич на реку, а по лунной дороге опять же свиньи толпами бегут, спешат, орут друг на друга, толкаются, да все матом и самыми последними словами ругаются друг с другом. И все они тащат кто на спинах, кто на тачках какие-то мешки. Вот у одной свиньи мешок-то и лопнул как раз недалеко от Евстафия, глядь, а из мешка посыпались желуди.

– Святы Небесные, это что же такое делается? – перекрестился Кузьмич. – Вот ведь безобразники окаянные, что удумали: желуди перемалывают. А я и смотрю надясь в нашей дубраве желудей днем с огнем не сыщешь. Оказывается, они все уже собрали, просушить где-то успели и обмолот тайный уже начали. Ну и дела.

Жили люди у Оки

Евстафий Кузьмич решил подобраться к мельнице поближе, но не успел он сделать несколько шагов, как под крышей мельницы глухо ухнул филин и закричал детским голосом громко и резко. Так закричал, что от неожиданности Кузьмич чуть не подпустил в исподнее.

– Заметил, сволочь, – решил он и подтянул штаны. – Так это он увидел меня еще там, у деревни, и решил испугать, а теперь своих предупреждает.

В это время из мельницы выскочил здоровенный черт на кривых копытах, покрытый нечесаными рыже-серыми клочьями шерсти, протертой до кожи на коленях и с глупой мордой идиота, на которой торчал борода клинышком, как у козла, и выпученными глазами. Все это безобразие венчали такие же дурные рога, покрытые то ли мехом, то ли плесенью. От черта пахло холодом и засмердело какой-то кислятиной. Вслед за ним из мельницы высыпала дюжина чертенят, таких же безобразных, как их старший. Все они строили страшные рожи, клацали зубами и сверкали красными огоньками пламени в своих выпученных глазах.

– Чего приперлись? – гаркнул на них черт. – Идите, работайте. Скоро утро. Вон с реки уже потянул ветерок. Смотрите, сколько свињи желудей притащили, не успеем обмолотить до утра, что жрать зимой будете? Опять утопленников с реки таскать станете? Он вам притащит. Сказано, желудевых лепешек с маслятами хочет. – Черт несколько раз щелкнул своим длинным хвостом так, что искры полетели. Чертенята шарахнулись в сторону и спешно убежали назад в мельницу.

Черт осмотрелся вокруг, понюхал воздух, разразился неприличным протяжно-булькающим звуком из-под хвоста и уперся взглядом в сторону Кузьмича. Евстафий знал, что в густой да высокой траве обычным взглядом его не видать. Но, кажись, черт его все-таки пронюхал и высмотрел своими глазами-огоньками.

– Евстафий Кузьмич! – зарычал черт. – Ты чего там прячешься? Или по нужде забрался в репейник? Давай, выходи. Где твоя повозка? Ты маслят привез? Давай, давай, а то нам уже того гляди восвосяи нужно убираться.

Евстафий вышел из своего укрытия.

– Это каких таких маслят и по какому праву, козья морда, ты от меня требуешь подати?

Иметь дело с чертями, не приведи Господи каждому, но если случилось такое дело, то Кузьмича так просто не сломишь. Он не был человеком робкого десятка и за себя всегда мог постоять. К тому же он почувствовал в руке что-то увесистое, глянул, а в руке, кстати, топор оказался. Видимо, как махнуть через забор он механически захватил его с пенька, на котором обычно колот дрова.

Жили люди у Оки

– И вообще, – осмелев и помахивая топором, Евстафий двинулся на черта, – кто тебе, копытному созданию, позволил безобразничать здесь по ночам? Ишь ты, когда честные люди спят, они, видишь ли, помол здесь организовали. Да было бы чего молотить! А то удумали – желудями осквернять благородный механизм и еще маслят каких-то требуют. Вот я тебя, нечистая сила, сейчас обухом-то приласкаю, век этих желудей с маслятами не забудешь.

И Евстафий вновь двинулся на черта. Тот расхохотался на слова Кузьмича и приготовился отразить его атаку.

– Ты что разошелся, Евстафий Кузьмич? – вроде как примирительно начал он. – Чем я тебя обидел? Или отнял чего? Мельница-то у нас с тобой общая, на паях. И жить всем хочется. Тебе что ль одному мука нужна? Нашу братию тоже кормить надо. Я такой же простой мельник, как и ты. Только ты днем свою муку мелешь, а я ночью, – пасть у черта слегка искривилась в улыбке, а огоньки в глазах повеселели. – А не хочешь по-хорошему, так и ты можешь получить вилы в бок. И не пугай меня своим топором, руки у тебя до меня коротки. Размахивай им днем перед носом своих мужиков, а ночь – наше время. Смирись. Где твоя подвода? Привез маслят, как было сказано, – выгружай, нет – проваливай от греха.

В это время на деревне сонные петухи, почувствовав свежесть с Оки, зашевелились на своих насестах и попробовали голоса, но пока не получилось, поскольку утренняя заря еще не взошла, да и сами петухи пребывали пока в полусне. Их отдельные хриплые голоса лишь предупредили и спящих людей, и ночных шалопутов, что утро хоть и не наступило еще, но ночь уже кончилась. Черт прислушался к петушиным голосам, посмотрел на восток – там еще стояли густые предутренние сумерки. Повернул морду в сторону луны. Один ее край начинал тонуть в приплывших под утро облаках, но другой еще источал свой мертвецкий свет.

– Впрочем, некогда мне здесь с тобой прохладиться. Пора дела завершать, – черт резко свистнул так, что на деревне опять залаяли собаки, а чертенята на его призыв начали сквозь щели и окна выпрыгивать из мельницы, валом повалили из ее ворот, и все дружно скатывались в ручей, который с горки уносил их вниз, и они кубарем летели в размытый когда-то ручьем под бугром заросший осокой, а сейчас накрытый густой, развесистой кроной вековых ив омут.

– Вона, какие дела-то здесь творятся по ночам, – подумал Евстафий Кузьмич, – а я чувствую, что с омута водником потягивать стало. Откуда, думаю, в проточном омуте такое? А здесь нечисть оглошенная завелась, целая туча оглошенных командует. Ну мы еще посмотрим, кто кого.

Жили люди у Оки

От свиста черта свиньи пришли в еще большее оживление. Они начали вертеться волчком, сжиматься и постепенно оборачивались простыми желудями. Когда вся эта нечисть исчезла, настала пора черта. Беспеременно хлопая хвостом и высекая снопы искр, он метнулся в ворота мельницы.

– Мы еще встретимся, Кузьмич, – крикнул на прощание черт. – Запомни – встретимся!

Евстафий Кузьмич вначале почувствовал кислый запах серы, потом увидел внутри мельницы ярко-красные огни. «Неужто пожар?» – подумал он. В следующее мгновение огонь вырвался наружу и охватил мельницу как сноп сена. Красное пламя поднялось высоко в небо так, что в нем луна окончательно растаяла. И так же в один миг все прекратилось. Евстафий огляделся. От мельницы не осталось даже уголька, даже пепла, на земле не было видно ни одного желудя. Только был слышен шелест листьев осоки под бугром, обдуваемых усиливающимся ветерком с Оки, как бы проветривая округу от остатков ночных наваждений и освобождая тем самым окрестность для встречи утренней зари.

– Евстафьюшка, – услышал Кузьмич певучий голос жены и открыл глаза, – ты что, родимый, пыхтишь? Иль приснилось чего? – ласково обнимая пышными руками Кузьмича и крепко прижимаясь к нему всем разогревшимся за ночь под теплым одеялом телом, полусшепотом ворковала Василиса. – Успокойся, ночь прошла. Теперь все позади, видишь, первый лучик солнца пробивается на свет Божий и нам пора просыпаться.

* * *

Евстафий Кузьмич встал как никогда в разбитом состоянии. Он сразу вспомнил разговор с Афанасием – главную причину теперяшнего состояния. «И всякая чертовщина еще снится», – вздохнул он. Со сна голова была тупой и только одна мысль вертелась в ней: «Ах, Афоня, Афоня, как же ты меня поддел, надо же – опередил». Кузьмич, конечно, понимал, что Афанасий перед ним не виноват, он сам пришел к идее строительства мельницы. Но ему было тяжело расставаться с этой идеей, тем более, что он давно подумывал сокращать свое землепашество. «Хватит, – размышлял он, – корячиться с землей. Все равно от тяжелого сугленка многого ждать не приходится. Не те уж годы, пора пожить и для себя». С каждым годом становилось все очевиднее, что заработки могут быть значительно выше при иных делах. Мельница, к примеру, давала несравнимую выгоду, а в сочетании с торговлей их жизнь с Василисой и детьми могла бы в корне измениться.

Кузьмич по привычке прогулялся по двору, заглянул через забор и еще раз вспомнил свой сон. Ухмыльнулся наваждению.

Жили люди у Оки

Позавтракал он без аппетита и молча. Василиса понимала, что с ним происходит что-то неладное и боялась нарушить молчание невпопад сказанным словом, а задавать вопросы не стала. Знала – придет время, сам все расскажет.

– Василиса, ты вот, что: ончуткам нашим накажи сегодня к обеду всем быть дома. Есть разговор.

– Иль случилось чего?

– Не случилось, слава Богу. Пора поговорить о жизни. Ребятам пришло время определяться. Мишке следующей осенью уже на жеребьевку в солдаты. Может пронесет, а то и загремит на 3–4 года или на флот, а там все пять лет трубить. Да и Сергею хватит болтаться по ночам, а то свяжется еще с какой компанией, потом греха не оберешься. Пора ему промысел осваивать. Не знаю, может к Максиму его в Озерах приставить, чтобы принял его для начала в ученики. Мужик он толковый, деловой. Ты же знаешь, я с ним десять лет по печному делу отмахал. Это тебе заработки, которых на овсе да на картошке не получишь. В хороший год печник раза в три больше, чем ты на ржи заработает. На них же дом поставили, хозяйство обустроили. Вспомни, когда я возвращался из Москвы, по 100–120 рублей привозил и так посылал тебе каждый месяц. Голодными и раздетыми не сидели. А сейчас денег может потребоваться много, если переходить в купеческую гильдию.

– А Аняте, не уж-то жениха присмотрел?

– Ну, присмотрел – не присмотрел, а думать тоже пора. Не век же ей в девках ходить, да на родительских харчах отъедаться. Нужно свою семью иметь, детей рожать. Тебе-то, небось, тоже охота внуков поняньчить. Да и я пока в силе, мог бы помочь чем. Ладно, заболтались.

– Что-то ты сегодня слабо поел. Может, каши подложить или еще чего хочешь?

– Хватит. Я сыт. Каша хороша.

– Ой, а чаю-то на дорожку.

Василиса схватила кружку, стала наливать чай. Из чайника полился розовый, прозрачный настой зверобоя, а по избе разошелся его своеобразный душистый запах.

– Я, вот, решила в охотку свежего зверобоя этого года заварить, попробовать. А то могу и чаю налить, если хочешь.

– Зверобойчик отменный, в охотку сойдет, – похвалил Евстафий, взял из сахарницы кусок колотого сахара и специальными щипцами стал разделять его на мелкие кусочки. Брал в прикуску такой кусочек в рот и запивал его горячим настоем.

– Вовремя успели набрать. Не перестоял и посушили на зиму, впрок хватит. Сушили в жаре под крышей и с поддувом. Пей на здоровье, он всю

Жили люди у Оки

хворь отгоняет и бодрость придает, так еще старики говорили. Это тебе не какой-нибудь кофий горький.

Кузьмич с чувством отхлебнул еще большой глоток, приговаривая:

– Зверобой, не зверобой, а хворобой точно.

Отхлебнул еще, подумал и добавил: «И с похмелья хорошо оттягивает».

Он вышел во двор, а через него в сад и уселся на скамеечку перед столом у яблони. Ее ветки склонились над ним под тяжестью крупных спелых яблок. Кузьмич машинально сорвал несколько штук, выбрал одно, понюхал, обтер о рубаху, осмотрел его зеленый, переходящий в желтый, воскового отлива бок, повернул и так кусанул за противоположный ярко красный бок, что яблоко не просто хрустнуло у него во рту, оно как точно треснуло и свежий кисло-сладкий сок брызнул из него во все стороны, распространяя вокруг флюиды свежести. От удовольствия Евстафий Кузьмич даже прищурил глаза. Пока жевал, вспомнил, что вчера Митяй дал ему часть газеты, где было что-то прописано о сенницком графе Ф.Э.Келлере. Достал газету и расправил ее ладонью на столе. Крупными буквами в ней было написано: «Наш земляк Федор Эдуардович Келлер – жизнь и смерть героя». Евстафий еще раз кусанул яблоко, да с таким чувством, что не удержал на губах несколько увесистых капель, которые упали на газету.

«Федор Эдуардович Келлер (1850–1904), – начал читать он. – Происходил из дворян Курляндской губернии (Прибалтика), сын сенатора, действительного статского советника. Граф Федор Эдуардович родился 3 августа 1850 г. Закончив в 1868 г. Пажеский корпус, он поступил на службу корнетом Кавалергардского полка; закончил академию Генштаба, а когда началась сербско-турецкая война, корнет посчитал своим долгом принять участие в защите братьев-славян и отправился добровольцем в действующую армию. Ему посчастливилось, как он считал, быть зачисленным подполковником сербской службы. Молодой воин-граф на удивление оказался не столичным размазней, искавшим славы, а отчаянным храбрецом, за что вскоре ему было поручено сформировать старосербско-болгарскую бригаду, которая потом стала ядром дружин болгарского ополчения и армии. С наступлением перемирия графа Келлера вызвали в Белград, где ему вручили Большую золотую медаль «За храбрость», после чего в звании подполковника он был зачислен в Генштаб. В 1877 г. вновь вспыхнула русско-турецкая война. Граф снова попросился на фронт.

Те дни всем остались в памяти. Российское общество в едином порыве стремилось на Балканы «воевать» ненавистного турка. Сам Государь император Александр II посчитал своим долгом покинуть столицу и постоянно пребывал в распоряжении русских войск.

Жили люди у Оки

После того, как начальник штаба армии М.Д.Скобелева полковник А.Н. Куропаткин был ранен, его место занял Келлер. Это произошло в разгар боев за Шипку. Назначая Келлера на новую должность, Скобелев объявил своим офицерам: «Если меня убьют – слушайте графа Келлера, он знает все!» И снова – беспримерная храбрость и новые награды. Первым последовал орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом; за отличие в сражении под Плевной – Золотая сабля с надписью «За храбрость» и ордена: Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Георгия 4-й степени, рескриптом за службу в рядах Болгарского ополчения и медаль за участие в сражениях при Эски-Загре, Шипке и Шейново. За годы войны Федор Эдуардович стал опытным штабистом. В мае 1878 г. Болгарское ополчение было переформировано в Болгарское земское войско, начальником штаба которого стал Ф.Э.Келлер, а параллельно с этим ему поручили временно возглавить штаб объединенных войск Дондукова-Корсакова. В сентябре того же года ему поручили возглавить штаб 1-й Геннадерской дивизии.

В 1879 г. пожалован во флигель-адъютанты к Его Императорскому Величеству и произведен в полковники, а в 1882 г. – зачислен в свиту Его Величества и награжден орденом Св. Анны второй степени и Болгарским орденом Св. Александра третьей степени. 30 декабря 1882 г. состоялось его назначение командиром лейб-гвардии Четвертого стрелкового императорской фамилии батальона, с оставлением в звании флигель-адъютанта. За успешное выполнение служебных поручений – объявлено монаршее благоволение, а в 1880 г. он был отозван в Россию.

Чего теперь не хватало графу, так это, пожалуй, генеральского чину, впрочем и это не заставило себя ждать. В 1890 г. в возрасте сорока лет его произвели в генерал-майоры с назначением заведующим мобилизационной частью главного управления казачьих войск с переводом их в Генштаб. Новое звание он оправдал сполна и в мирное время, за что удостоился получить целых три изъявления Монаршего благоволения, ордена Св. Станислава 1-й степени и Св. Анны 1-й степени, а также зачисления в списки лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона с оставлением в должности по Генеральному штабу. Шесть лет он директорствовал в Пажеском корпусе, который когда-то закончил.

Годы, проведенные без войны, все чаще подвигали Федора Эдуардовича к мысли о необходимости жениться. К тридцати девяти годам эти мысли привели его к женитьбе на княжне Марии Александровне Шаховой и богатое придание – имение село Сенницы.

– Новое столетие, – читал дальше Евстафий Кузьмич, – Федор Эдуардович встречал уже генерал-лейтенантом и с неожиданным поворотом в карьере, когда военное ремесло ему пришлось временно оставить и

Жили люди у Оки

осваивать не менее сложные обязанности губернатора Екатеринославля. Екатеринославцы приятно были удивлены, когда вместо ожидавшегося чванливого вельможи – любимца Императора, к тому же солдафона, пускающегося в свои геройские воспоминания о победах, они получили энергичного, жизнерадостного с добрым взглядом и вежливыми, деликатными манерами губернатора. За что тот быстро снискал общую любовь и уважение. Казалось, чего еще надо человеку? Живи и радуйся жизни. Расти детей и внуков. Ан нет, когда подоспела японская война, он немедля отправился в Петербург с твердым намерением быть отправленным на фронт. В Петербурге говорили, мол, «Вы отстали от современного военного дела» и смотрели на него, как на чудака, не понимающего, что он теряет и куда просится. Тогда Келлер обратился к самому командующему Маньчжурской армией генералу Н.С. Куропаткину, с которым он был знаком еще по турецким войнам. – Жизнью я не дорожу, – писал он командующему, – карьеристом никогда не был, и влечет меня вовсе не жажда отличий. Куропаткин ходатайствовал перед Императором, после этого, 26 февраля 1904 г. был получен ответ с согласием принять генерал-лейтенанта графа Келлера в Маньчжурскую армию. Куропаткин не считал, что граф отстал от военного дела и со спокойной душой назначил его командующим всем Восточным отрядом, а позже – вторым Восточно-Сибирским корпусом.

Келлер принял отряд в тяжелом состоянии. После Тюренческого боя русские отступали в тягостном ожидании скорого наступления японцев на Ляолян и Мукден. Графу было очевидно, что армия не готова противостоять им. Однако два с половиной месяца ему удавалось сдерживать наступление своего противника генерала Куроки – командующего наиболее многочисленной из японских армий. Он построил стратегию таким образом, что отступая, русские заставляли противника нести большие потери и ни разу не попали в критическое положение. Тем самым он фактически сковал всю армию Куроки на левом фланге армии Н.С. Куропаткина. Ведя непрерывный бой, Келлер появлялся в самых опасных местах, всем своим видом подчеркивая презрение смерти, собственным примером воодушевляя войска и призывая солдат выполнить долг воина перед Родиной.

18 июля 1904 г., наблюдая за боем с наиболее обстреливаемой батареей, генерал приблизился вплотную к батарее, не обращая внимание на свист пуль и шипение артиллерийских снарядов, изучал обстановку. За его спиной находился сын – еще не обстрелянный корнет, только прибывший на фронт. В ужасе он почти прошептал: «Отец, убьют».

– А их что, не убьют? – и генерал показал на солдат, – но они не бегут, а я их командир с позором убегу от страха, – только и успел сказать сыну, как наказ ему на будущее.

Жили люди у Оки

В 15 часов 20 минут он был смертельно сражен вражеским снарядом, который целиком попал в него. На теле генерала насчитали 36 ран от шрапнели. Окружающие были поражены ужасной смертью Героя. Весть о ней быстро облетела всю армию и произвела страшное впечатление».

Евстафий Кузьмич перевел дыхание и еще раз кусанул яблоко. «Вот это человек был», – подумал он и представил себя где-то далеко в Маньчжурии.

* * *

После боя быстро вечерело. Солдаты удобно расположились у своих костров и с аппетитом доедали кашу. Кашевар уже отскребывал стенки общего котла.

– Сегодня каши привалило от пуза, считай, каждому за двоих досталось. Вон сколько их полегло, весь склон холма в крестах. Да, – в задумчивости произнес кашевар, – куда нас занесло помирать.., на край света, почитай по всем сопкам Лаоляна наши воины спят, и русских не слышно слез. Спит Лаолян. Сопки покрыты мглой, лишь ветер порывный рыдает.

Кто-то у костра:

– Вон, посмотри, порой из-за туч выплывает луна, могилы солдат освещает. Белеют кресты, и прошлого тени кружатся, твердят нам о жертвах напрасных.

Русско-японская война была не популярна в народе, к тому же она обернулась позором царскому правительству. Однако, это ни коим образом не касается русских солдат и матросов, показавших себя героями на фоне бездарного руководства армией.

– Чего их эти сопки делить? Только, что дров нарубить, да их и у нас хватает, – пробурчал кто-то сквозь сон.

– Спите же вы, разгомонились, не нашего ума это дело судить о войне, наше дело – штык на перевес и вперед, в атаку, а это уж пусть генералы решают, кому чего нужно.

Молодой солдатик раскручивал ко сну скатку: «Как так напрасных? Неужели мы действительно гибнем из-за дров? А вот в песне поется – «за Царя, за Родину, за Веру», – обращается к кашевару: «Дядя, разве не так?»

– Все так, – не спеша отвечает он и тщательно раскуривает трубку. – Россея – она громадная, и с каждой стороны басурманы только и хотят отхватить от нее кусок, да пожирнее. На юге турок без устали жмет, в Европах немчура с французами и прочими австрияками так и норовят кусануть, а здесь еще и японец объявился. Кто он такой, раньше о нем и слыхом не слыхивали? Есть-то фитюлька какая-то, винтовка наша, поди, и та выше него. Ан нет, и ему подавай кусок. Так-то, сынок, за всем пригляд

Жили люди у Оки

нужен. Как же иначе? Иначе нельзя. Чуть просмотрел, не успеешь оглянуться все эти турки с японцами объявятся у тебя во дворе. Вот тогда и посмотрим, напрасны эти жертвы или нет. Ты, говоришь, где же это видано, чтобы свое добро отдавать, это кто ж посмеет, если только ненормальный или не наш человек – чужак беспутный.

Солдат перекрестился и завалился на бок спиной поближе к костру. Засыпая еще раз перекрестился и уже сквозь сон: «Спите, братцы, слава навеки вам! Нашу Россию, просторы бескрайние не покорить врагам!»

Молодому солдату не спалось. «Тихо и страшно вокруг, – подумал он. – Ночь подошла, сумрак на землю пал, тонут во мгле пустынные сопки, тучей закрыт Восток».

В ряду спящих зашевелился и поднялся крайний – костровой. Он подкинул веток в огонь и заметил молодого солдата.

– Что, не спится? Это у тебя с непривычки, обомнешься еще. Погодь, мы за всех отомстим и справим кровавую тризну. Еще Иисус Христос наставлял: «Нет больше сея любви, как душу свою положить за други своя».

Средь будничной тьмы,
Житейской обыденной прозы,
Забуть мы не сможем этой войны,
Пусть льются горячие слезы.
Плачут, плачут мать родная
И молодая жена,
Плачет вся Русь, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня.

– Ложись, сынок, ложись, – костровой закурил и стал помешивать колчужки в костре, – завтра наш черед: «Пусть погибнем и мы в боях с врагами, к тому нас наш долг зовет, но кровью омытое наше знамя мы понесем вперед».

– Так уж обязательно наш черед? – взволнованно от такого неожиданного откровения и шепотом от страха переспросил молодой.

– Зачем же ты сюда пришел? Думал, что убивают только соседей, а тебя пожалеют? Вона, посмотри, генералов и тех не щадят. Бах! И нету генерала. Ты сюда через реки, леса, горы, поля на край света для чего явился? Сопки разглядывать? Помирать ты сюда приехал. Жить, конечно, всем хочется, но и смерти бояться нечего, не дрейфь, она в бою легкая. Ты о ней только не думай, а будешь думать, душой обмякнешь, не приведи Господи, еще трусом

Жили люди у Оки

станешь, опозоришь и себя, и семью свою. Это, почитай, хуже смерти. В аду черти будут тебя вечно в смоле кипятить и на сковороде жарить.

– А вдруг пронесет, не всех же на войне убивает? Кто-то и возвращается.

– Пронесет, считай, что повезло. Так-то, мой дорогой.

Костровой оглянулся вокруг: «Ночь, тишина, лишь Ляолян шумит. Спят мужики, память о них Родина-мать сохранит!»

– Мы-то этой войны не забудем, – пробурчал тот же сонный голос, – а вот новые люди и знать-то не будут. Другие времена придут, а с ними и люди другие со своими заботами и хлопотами. И будет им не до нас.

Разговоры солдат после боев за котелком каши оставались разговорами до тех пор пока они не срифмовались и не выстроились в стройные четверостишья стихов в память о погибших братьях-солдатах на далеких и чуждых русскому крестьянину сопках Маньчжурии, а бывший капельмейстер 214 Мокшанского полка 54 дивизии Илья Алексеевич Шатров в 1906 г. не написал реквием «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии».

Илья Алексеевич, хотя сам в окопах не сидел, числился в ряду геройских офицеров, за что и был удостоен серебряной медали «За усердие» для ношения на Аннинской ленте, а вскоре – «За разновременные отличия против японцев» – был отмечен первым среди военных дирижеров офицерским орденом Станислава третьей степени с мечами.

В феврале 1905 г. Мокшанский полк одиннадцать суток участвовал в непрекращавшихся кровопролитных боях под Мукденом и Ляоляном. В конце концов японцам удалось окружить полк и плотно сжать его в кольцо окружения. В критический момент боя в тылу мокшанцев заиграл их оркестр под руководством Шатрова. Солдаты, воодушевленные победными маршами, прорвали окружение, хотя полк к тому времени был практически уничтожен, а из 61 музыканта уцелело только 7 человек. Среди них был и Илья Алексеевич.

После войны его вальс известный больше как «На сопках Маньчжурии» имел ошеломляющий успех как в России, так и за рубежом, где его называли «национальным русским вальсом».

В 1952 г. майор Советской армии Илья Алексеевич Шатров скончался. За участие в Отечественной войне он также был награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями. С годами из названия вальса исчезло указание, что он посвящен воинам Мокшанского полка как это часто бывает, а имя его автора стало забываться. Вскоре на пластинках вальса «На сопках Маньчжурии» стали писать просто «старинный вальс» без указания имени его автора.

– «Справим кровавую тризну», – прошептал, засыпая, молодой солдат у костра. – Не уж-то впрямь забудут и не вспомнят?

Жили люди у Оки

Останки графа заботливо перенесли в Ляолян, а оттуда уже в металлическом гробу после торжественной литии и отдания воинских почестей отправили в Россию. Поезд мчал между сопками, исчезая на какое-то время в тоннелях, но вскоре вновь появлялся посреди тайги и врывался в печальную атмосферу еще не написанного реквиема на смерть русских героев, без времени почившим вдали от своих очагов и храмов.

Тело генерала с места кончины до Ляоляна и далее до Иркутска сопровождал его сын, корнет казачьего полка, граф Александр Келлер. В Иркутске, как это не горько было юноше, он попрощался с отцом и поспешил вернуться на фронт.

Далее траурный вагон сопровождал преданный генералу черкес. Преодолев просторы России, 11 августа поезд прибыл в Рязань, где его встречала вдова графиня Мария Александровна, которая сопровождала прах мужа до станции Зарайск. В Зарайске гроб с прахом генерала был встречен со всеми воинскими почестями, в присутствии военных и гражданских властей, тысячной толпой народа и близкими родными. Ко времени похорон прибыли екатеринославские депутаты от города, земства, служащих железной дороги и редакции «Приднепровский край». Они привезли с собой серебряные венки от губернского правления и канцелярии, городской полиции. Окрестные села направили на похороны свои депутации. Из Озёр прибыл фабрикант М.Ф. Щербаков со своим хором. В церковь на панихиду подоспела депутация от Пажеского корпуса, от полков и Генштаба, где Ф.Э.Келлер служил.

Евстафий Кузьмич оторвался от чтения. Он отлично помнил тот день, так как был в группе от крестьян близлежащих селений. Ему хорошо было видно возвышающийся посередине храма перед амвоном высокий черный катафалк, на котором стоял тяжелый, утопавший в венках и цветах, свинцовый, наглухо запаянный гроб с останками графа Федора Эдуардовича. Много венков было принесено от местных жителей Зарайска, родных, знакомых и крестьян, которые поместили рядом с гробом. На крышке гроба лежал увядший венок из маньчжурской хвои, дубовых листьев и цветов и другие венки от Восточного отряда, прибывшие с гробом из Ляоляна. Храм был переполнен, но не вместил всех желающих попрощаться с прахом Героя и на улице стояла огромная толпа. У гроба было установлено почетное дежурство офицеров кавалергардов, стрелков, солдат с обнаженными шашками.

Пел большой сводный хор певчих, в число которых был включен хор М.Ф.Щербакова. Исполнялась упокойная обедня П.И. Чайковского. За литургией следовала торжественная лития. К месту захоронения гроб, хотя он был достаточно тяжелым, несли на руках.

Жили люди у Оки

После похорон состоялись богатые поминки для родственников, знатных людей, военных и других, приехавших почтить память Героя, погибшего за Царя, за Родину, за Веру на далеких и совсем не понятных русскому мужику сопках Маньчжурии. Не вызывали они особых положительных эмоций и у родившегося и выросшего совершенно в ином мире и на другом конце континента Федора Эдуардовича.

Присутствовавший на поминках поэт Владимир Котляр, когда ему предоставили слово, прочитал стихотворение на смерть Ф.Э. Келлера:

Ему, увенчанному славой,
За доблесть, подвиги в боях,
Не мог внушить тот бой кровавый
Обычный всем, невольный страх.
Но смерть над ним уже витала,
Ее примчал свинцовый град.
И графа нашего не стало –
Осиротел его отряд...

* * *

Евстафий Кузьмич как бы очнулся от чтения и обуявших его мыслей, откусил яблоко еще раз и стал внимательно рассматривать его, нет ли червоточкины. Яблоко было бело-розовым и вроде даже светилось изнутри. Он оглядел сад. Яблоки висели, украшая деревья. Они как фонарики играли в лучах солнца радостным светом. Сад был чисто выкошен и поэтому снизу хорошо просматривался насквозь. Было видно, что вовремя не убранные летние сорта продолжали падать и постепенно застилали всю землю под яблонями. «Хорош урожай сегодня, – промчалось в его сознании. – Надо сказать, чтобы все собрали и посушили для компота или нажали сока, а можно и сидор поставить, тоже будет не лишнее». Кузьмич вновь уткнулся в газету. «Да, – подумал он. Всю жизнь знал имя Келлера, но не думал, что он такой геройский мужик. Так и все – знали его, но чтобы вот так!? Вот беда – все забывается, и граф наш стал забываться». Он отправил в рот остатки яблока вместе с семечками.

Со двора до слуха Евстафия Кузьмича донесся характерный скрип открывавшейся калитки, выходящей на улицу. Он посмотрел между сараями и увидел, что в их проеме обозначился никто иной, как сам Афанасий с какой-то сумкой в руках. «Вот тебе раз! – Евстафий так удивился, что чуть не поперхнулся остатками яблока во рту. – Не ждали, не ведали. Афоня – собственной персоной?»

Жили люди у Оки

Он уткнулся в газету, делая вид, что увлечен чтением, но Афанасий углядел его и еще издали окликнул: «Евстафий Кузьмич! Незванных гостей принимаете?!»

– А., Афанасий, проходи, я уж думал, ты и дорогу ко мне забыл. На деревне только и разговоров, как ты на ноги встаешь да все дела прибираешь к своим рукам. Поди зазнаваться стал, меня старика забываешь.

– Побойтесь Бога, Евстафий Кузьмич, как же можно вас забыть. Что касается хозяйства, то, как не крутись, а за вами все равно не угонишься. Да я и не стремлюсь, хотя стараюсь учиться вашей сметке и хватке. Вы же мне, Евстафий Кузьмич, как отец родной, всегда помню о вас, вот и сейчас пришел потому, как уважаю, – Афанасий приблизился к Кузьмичу.

– Здравствуйте, Евстафий Кузьмич, – протянул он руку.

– Здорово, коль не шутишь, присаживайся, с чем пришел?

– Испугался вчера за вас там в трактире. Думаю, что случилось, да, вот медку принес. Мед отличный, не балованный, у приятеля-пасечника с пасеки взял. А вы, что же это газетки почитываете, политикой никак увлеклись?

– За заботу спасибо, за мед тоже. А газета, – он посмотрел на газету, расправил ее еще раз ладонью, – так здесь не политика, вот посмотри, здесь про сенницкого графа Келлера прописано.

– Боевой, говорят, был человек. Мужики его уважали за справедливость, да в японскую геройски погиб, в какой-то там Маньчжурии. Правда не знаю, что за страна такая Маньчжурия, говорят где-то в Китае, в общем, у черта на рогах.

– Вот такие люди гибнут, – продолжал Афанасий, – а сорняки всякие, бездельники растут. Вместо дела им митинги подавай, глотки драть; демонстрации – с жандармами подраться, а потом ходить с геройским видом – вот мол, весь в синяках, пострадал за свободу, за народ. А чего за меня, т.е. за народ страдать? Ты приходи к нам, скажем, на сенокос, дадим тебе косу, вот и радей за нас, и не надо будет ни политики, ни мордобоя. Только спасибо тебе скажем, денег дадим, накормим и самогону нальем – пей, не хочу. Вчера посмотрел на этих в трактире, которые водку клюквой заедали. Как-то они не похожие и на революционеров – ну вылитые туберкулезные вурдалаки с рожами голодных идиотов. Как вы ушли, они водки-то выпили, а жрать охота, здесь уже клюквой не обойдешься, так они чуть драку не затеяли, но со старшего своего по куску вареного вымени с хреном вытребовали. Тот раскошелиться не хотел, но когда ему на морду высыпали тарелку с этой клюквой, все-таки уступил. А как окончательно напились, стало им не до революций – завели свою любимую песню, про замученных тяжелой неволей и славную смертью почивших. А в чем их слава? Не понятно. Стоит в России какое новое дело затеять, реформу какую, так они бомбы кидать начинают.

Жили люди у Оки

Вот и Петра Аркадьевича пристрелили. Жалко человека: не успел он их всех в Сибирь отправить, придурков кровожадных.

Трактирщику пришлось кликать городского, тот вытолкнул их всех на улицу взащей. Смех был смотреть на этих пьяных горе-героев.

Тем временем во дворе между сараями мелькнула Василиса.

– Василиса, – громко окликнул ее Евстафий Кузьмич. – Я в саду.

– Вот ты где, – запричитала, подходя Василиса, – а я заглянула в избу – нет тебя, я во двор – и здесь тебя нет, уж не уехал ли ты куда, думаю, а вы вот где, яблочки кушаете. А гость-то у нас сегодня какой, давно тебя не видать Афанасий.

Афанасий встал, поклонился.

– Здравствуйте, хозяйюшка, не хватает времени по гостям ездить, забот полон рот.

– Сколько уж тебе, Афанасий, лет-то?

– В этом годе уже тридцать три исполнилось.

– Ба...а, – протянула Василиса, – а помнится совсем мальчонкой по двору бегал. Ну а как хозяйство твое? Слышать в гору пошел?

– Так вы же знаете, около десяти лет отходничал. Ездил в Питер, а там банщиком работал, у нас уже и своя компания сложилась. Банщику платят хорошо, а если угодишь какому купчине, он тебе, как правило, еще и сверх того накинёт. В городе главное не пить, всегда при деньгах будешь. Опять же и здесь в деревне, если с умом подойти, то только на одном сене зиму прожить можно. Оно ж всегда на базаре ходом шло. А там солома из-под овса, картошка, еще чего, так глядишь к зиме и наторгуешь. Как труба взял, вообще дела пошли, только поворачивайся, никто под ногами не путается, шишголь деревенская в стороне. Да что я рассказываю, вы лучше меня все это знаете.

– Ой, – всплеснула руками Василиса, – что же это я вас разговорами заговорила. Евстафьюшка, пойду соберу чего.

– Гость как никак, – утвердительно кивнул Кузьмич.

– Нет, нет, – запротестовал Афанасий, – я только из-за стола, позавтракал. Моя-то умелица напарила гречневой каши. Я с молоком так увлекся, что еле от стола отвалился, Думал, лопну. К тому же не до еды, разговор у меня к Евстафию Кузьмичу имеется.

– А я гречку разваристую предпочитаю полить щами, тогда ни масла, ни молока не надо, а если еще мясо из щей упадет в кашу, так вообще «выносите святых»! Коли так, то тогда мед твой будем пробовать, – сказал Евстафий Кузьмич, – Василиса, вот Афанасий медом угощает прямо с пасеки.

Жили люди у Оки

– Медку покушать дело хорошее. Надо бы нам Евстафьюшка припасти медку на зиму. С блинами, чего лучше, иль от болезни. Почем же ты брал медок, Афанасий?

– Этот не почем, это подарок. А так он идет по десяти рублей за пудик.

– Нормальная цена, – утвердительно сказал Евстафий, – пудика два, три надо бы взять. А, мать, ты как считаешь?

– Три-то, наверно, многовато, а вот два, два с половиной аккурат будет. Афанасий, а что, есть ли у твоего пасечника сотовый медок?

– Вот этого не скажу, не знаю. Если бы пораньше, сейчас качать уже перестал, себе наверняка оставил, а на продажу – не знаю. Нужно спросить, заодно похлопочу, может скинет сколько.

– Скинет, так скинет, но это не главное, важно, чтобы мед был хороший, за хороший и десяти рублей не жалко.

Василиса сбегала в избу и принесла две ложки, три плошки, полкаравая хлеба, завернутого в домотканое полотенце.

– Хлебушек только вчера напекла. На паду. Ты мне, Евстафьюшка, капни медку, я и пойду, дел сегодня набралось море, а вы поговорите. Может кваску еще подать с изюмом и листочком душицы?

– Кваску можно, – почти вместе ответили мужчины.

Разлили мед. Кузьмич выдерживал паузу, с нетерпением ожидая какой-то разговор у Афанасия к нему. Хотя понимал, что он должен быть продолжением вчерашней темы. Судя по всему, Афанасий тоже примерялся, как бы так половчее начать разговор. С какого-то момента пауза стала затягиваться. Оба они макали хлеб в плошки с душистым, прозрачным и тягучим медом.

– Хорош медок, – прервал молчание Кузьмич, – пожалуй, можно брать. Ладно, мед-медом, какое у тебя ко мне дело?

– Я еще вчера хотел, Евстафий Кузьмич, пригласить вас в сотоварищи строить мельницу, но ты ушел. Я подсчитал, что дохода хватит нам на двоих, и организовать предприятие на двоих будет гораздо легче.

В озёрской библиотеке я читал в одной книге, что за год одна мельница может перемолоть примерно четыре тысячи пудов зерна, а то и больше. Десятина муки с этого наша. Пуд муки, смотря как молот, идет по 12 рублей 55 копеек, а то и по 13 рубликов 93 копейки, – с удовольствием прочитал Афанасий свои записи на маленьком листке бумаги, – Вот и считай, какой барыш мы с этого имеем? Рабочих нанимать не надо, каждый хозяин, как водится, обслуживает себя сам. В год мельница работает примерно 100 дней. Пусть так, а мы подключаем второй жернов и будем вести распиловку леса. Вот тебе и простоя нет, а денежки опять капают.

Жили люди у Оки

Второй раз за последние сутки Евстафий Кузьмич испытал нечто вроде холодного душа. Он тупо уставился на Афанасия и механически стал вылизывать ложку. Значение сказанного Афанасием не сразу дошло до него. Афанасий, в свою очередь, растерялся не меньше, он не ожидал такой реакции и не понимал ее глубокого смысла. Он тоже уставился на Кузьмича и, не глядя на ветку, поднял руку, безошибочно сорвал яблоко, покрутил его в руках, глубоко понюхал и положил на стол.

– Ты откушай, откушай яблочка-то, – приходя в себя, посоветовал Кузьмич. – То, что ты надумал, я давно уже старался примерить на себя. Вчера подумал, что ты, Афанасий, опередил меня, покуда я судил да рядил. А ты вона оказывается, как поворачиваешь. – Евстафий на какой-то момент задумался, видимо не зная, что ответить. – Что думаешь о ельнике? – Наконец спросил он.

– Здесь с плеча нельзя рубить, так как есть много разных поворотов. Хотелось бы, как-то охмурить нашего молодого барина и не залезать на большие кредиты в банке. Надо подкинуть ему кое-какие деньги на карты и вино. Он их все равно быстренько проиграет. После этого можно еще немного добавить, а потом похмелить его как следует и уболтать, чтобы под эти деньги он сдал в аренду года на два ельник с правом вырубки. Хорошие части стволов пойдут под распиловку, а нестроявые сучковатые макушки елок мы ему же и всучим на дрова в счет кредита. Это пока схема в общих чертах. Он обрадуется, что долг отдавать не надо, да еще и дрова за так плывут в руки. Елка на дрова, конечно не береза, много хуже, но на дармовщину и она сойдет, а березу он дорубит и сам.

Афанасий посмотрел на Кузьмича. Было видно, что тот внимательно слушает, ему нравился ход мысли Афанасия, тем более он фактически повторял его собственную схему.

– Не плохо придумано, – в задумчивости медленно, как бы не отрываясь от своих мыслей, проговорил он. – А как ты хочешь договориться с деревенским сходом насчет ручья и прилегающей к нему земли, ведь они не барские, а общинные?

– Ельника нам на мельницу хватит больше, чем надо и еще останется. Вот этот остаток распилим на доски, и в погашение стоимости земли вокруг ручья постепенно будем отдавать в общину, а со старостой и землемером всегда договоримся. Все знают – до денег они охочи. Стоит подпоить, что того, что другого – жену родную продадут. Или оформить ручей вообще без земли, что еще лучше, – добавил Кузьмич.

– Мужикам, – продолжал Афанасий, – пообещаем омота расчистить для гусей и уток, бабам белье стирать. Разрешим по берегам бани строить, а то до сих пор, как басурмане в печках парятся. Они у нас на дармовщину охочи.

Жили люди у Оки

Опять же ребятишкам будет, где купаться, а то возятся в грязи, по вечерам не отмоешь.

– Ну, что ж, нужно все хорошенько взвесить. Треснет в одном месте, трещина пойдет по всему предприятию. Вначале нужно прикинуть какую мельницу будем ставить и во сколько нам все это обойдется? Я примерно посмотрел, воду мы сможем поднять аршина на полтора. Этого за глаза хватит.

– Даже при такой воде можно монтировать стандартное колесо в четыре метра и, я думаю, Евстафий Кузьмич, нужно ставить мельничные камни в два постава, чтобы мужики не бегали с одной мельницы на другую, а все бы паслись у нас. Рабочие нам не нужны, как принято, мужики все будут делать сами, а наши ребята присматривать за помолом и мужиками.

– Дело говоришь, Афанасий. Ты все правильно излагал, а теперь насчет распиловки ельника я прикидываю, как бы нам лес сплавить тем же ручьем к мельнице.

Кузьмич подробно рассказал, как он хочет делать распиловку деревьев не на делянке в ельнике руками, а механически у будущей мельницы.

– Я знаю, так умные люди и делают, – довольный своим планом сказал Кузьмич.

Афанасию понравилась идея, что так можно заказы брать, мужики вокруг до сих пор руками пилят, а здесь вам, пожалуйста, да любые деньги заплатят, лишь бы самим не мудохаться, опять же экономия денег и времени какая.

Евстафий Кузьмич откинулся на спинку скамейки, задумался. Было видно, разговором он доволен. Взял со стола еще яблоко и, не глядя на него, откусил. Афанасий поступил так же. Посидели какое-то время молча, похрустели яблоками, как бы усваивая результаты разговора. Афанасий первым нарушил молчание, чувствовалось, что он переполнен деловым азартом:

– Бог даст, дела пойдут, то по весне можно будет начинать пробный помол, если даже строительство не закончим. Афанасий, – серьезно сказал он, – обязательно нужно просчитать, сколько деревенские любители дармовщины будут брать воды на полив огородов? За этим надо как-то присматривать, а то на колесо не хватит.

– Ну, основной полив заканчивается в июле – начале августа. Главное не разрешать копать отводные ручьи, а за это, когда собственность оформим, пошлем их в одно место.

Разговор затянулся до обеда. От обеда Афанасий отказался, сославшись на предстоящую встречу с вчерашними мастеровыми посмотреть площадку под строительство. Позвал с собой на встречу Кузьмича, но тот отказался,

Жили люди у Оки

посчитав, что Афанасий и сам с ними разберется. Расставаясь, договорились встретиться завтра после обеда и составить четкий план, что нужно делать, и распределить предстоящие работы.

Кузьмич, довольный разговором, зашел домой.

– Василиса, – окликнул он жену, – давай, что ли, собирай обед. Ребят звала?

– Звала, звала. Пойду кликну еще раз, где-то они за воротами прохлаждаются.

* * *

После того, как все собрались, Василиса подала обед.

– Может, перед обедом выпьете, Евстафьюшка? – спросила на всякий случай она.

– А ты вон у них, молодцов, спроси. Они видишь какие орлы вымахали: уже взрослые и самостоятельные. Может, они и желают, чего же не выпить?

– Не-не, – дружно возразили братья. – Днем глаза-то мутить. Ее как выпьешь, так уж ничего и делать не хочется, только в дурь прет.

– Ну, смотрите, – удовлетворенно подытожил Евстафий. – А вот Анюта, пожалуй, не отказалась бы. Вишь, молчит сидит.

– Я?! – весело засмеялась Анюта. – Я самый из всех питок. Наливай, мам, только стакан полный. Меньше я не пью. Может и ты со мной, мам? Покажем мужикам пример.

– У меня смолоду на нее глаза не смотрели. Когда другие пьют, у меня аж сердце сжимается. На праздники и то за компанию через силу глоточек-другой.

– Ну, коли так, будем лапшу хлебать. Курица у нас особая сегодня. Курочка ряба, как из сказки, не своя – покупная, а вот лапша домашняя.

Евстафий наклонился к столу, и стал разливать куриную лапшу по мискам.

– И не жалко тебе, отец, деньги тратить? Своих полный двор, не считано этого добра, – не строго укорила Евстафия Кузьмича жена. – А вот овец я бы прикупила. Баран нужен хороший, почем они сейчас идут?

– По пять рублей, не дороже. Но дело даже и не в деньгах, если нужен, так нужен. Давай подумаем.

Семья дружно перекрестилась, взялась за ложки и приступила к обеду, на какое-то время разговор прервался. Все ожидали, о чем отец хочет поговорить с детьми? Кузьмич обдумывал, как повернуть разговор? Если до сегодняшнего дня у него была полная ясность в этом, то после разговора с Афанасием ситуация изменилась, и появились новые вопросы.

Жили люди у Оки

На второе Василиса подала отварную картошку с малосолеными огурцами и соленным заломом, крупно порезанным, политым маслом и засыпанным колечками лука. Каждый поливал картошку на свой вкус постным маслом. Когда мать открыла крышку чугунок, оттуда пахнуло таким густым паром до потолка, что потребовалось время, прежде чем стало возможным взять ее, не ошпарив руки паром.

– Во как! – воскликнула она. – Как из парового котла. Разбирайте скорее. Горяченькая, один дух чего стоит. Я посыпала ее свежим укропчиком. Хороша! Разваристая. Отец, порежь хлеб, – она протянула Кузьмичу каравай хлеба и нож.

– Давай, мам, тарелку. Положу тебе, – протянул руку Михаил.

– И мне, – встрепенулась Анюта.

– Раскладывай уж всем, пока я хлебом занимаюсь. И послушайте все внимательно, что я хочу сказать.

Все посмотрели на отца.

– Давно хотел с вами поговорить о жизни. Вы хоть и молодые, но люди взрослые, имеете образование, благо приучены к работе. Пора задуматься о будущем.

– Отец прав, – поддержала Евстафия Кузьмича Василиса.

– Да, вы ешьте, ешьте, пока картошка не остыла, – Кузьмич и сам взялся за ложку и откусил залома. – Ты где же, Василиса, поймала такую рыбину? Давно у нас ее не было. Хорош, аж светится и перламутром играет.

– Жирный какой, – добавила Анюта.

– И без лишней соли, – выговорил Сергей, заедая залома хрустящим, крупно порезанным луком.

– Народ как глянул, сразу полбочки растащил. Я тоже впрок взяла. Это тебе не простая селедка, каждая рыбина фунта на полтора-два тянет, а то и больше.

– Значит, молодежь, – серьезно заговорил Евстафий Кузьмич, – пришло время приобщаться к какому-то делу. А тебе, Анюта, о замужестве пора думать, а то засидишься в девках, тогда никому не нужна будешь.

– Я и сама не против, – наигранно весело заверещала Анюта. – Только где их взять, женихов-то? Кто был, и те разъехались: кого в солдаты забрали, кто в город подался, все прихихешники остались какие-то никчемные. Вон Ваську-Чуныньку взять, к примеру, более менее подходящий. Так и он какой-то больной и кривоногий. Чуть что не так, за голову хватается: «Ой, ой, что со мной? В голове что-то все перепуталось и перед глазами мухи черные и круги желтые». Ну, куда такой? Все люди как люди: веселятся, смеются, а этот и смеяться не может. Чуть засмеется, так сразу кашлять начинает, из глаз слезы появляются и икает. Только что в штаны навалить не хватало.

Жили люди у Оки

Никита Сопелкин. Так этому не я нужна, а наш достаток. Только и разговоров, чего мы едим и на чем спим. Как увидит, что ты с базара едешь, всю душу вымотает: «Чего привез? Конфет привез, пряников привез, а колбасы?» Выпучит на тебя глаза и с улыбочкой какой-то голодной уставится, ждет, что я отвечу. Я ему: «На тебя не рассчитывали, а где твои пряники?» Так потупится и молчит. Ну, его даже вспомнить противно.

А что «Золотай» – придурок, вином от него и чесноком всегда пахнет и ходит весь в заплатках. Ко мне все пристаёт: «Хочешь винца? Давай винца хлебнем». Я ему говорю: «Тебе не стыдно в таких штанах на гулянку ходить? Да еще и за девушками ухаживать? Вон у нас в лавке хорошие шерстяные брюки за четыре рубля пятьдесят копеек. Пошел бы куда, так за неделю бы и заработал». А он знает, что мне ответил? «Да за такие деньги можно ведро двенадцати литров водки купить, а что штаны такие, так мы люди простые за богатством не гонимся. Э-эх, – вздохнула Анята, – мне бы купчишку, какого никакого – да что б с усами, как у тебя, пап, и что б дом в Озёрах держал, – опять же наигранно представила Анята.

– То, что ты такая веселая и разборчивая – это хорошо, только смотри как бы твоя разборчивость капризностью не обернулась, а твои восемнадцать лет еще чем.

– Ой, Анята, – запричитала Василиса, – ты отца слушай, он дело говорит. Ты знаешь, мы же все тебя любим и за тебя на все готовы. Хотя, конечно, лучше иметь жениха богатого и здорового, чем больного и бедного.

– Ты, сестричка, не бойсь, – заговорил младший брат, – с «Золотым» мы разберемся, больше к тебе не подойдет.

– Ну, если у тебя на деревне никого нет, – продолжил Кузьмич, – так уж и быть, найду тебе жениха сам. Купчишку не купчишку, а человека достойного, с понятиями и достатком. Приданое тебе справим не хуже, чем купеческой дочери. Это уж будь спокойна. Ты только смотри, хвостом не виляй, как время придет, соображай сразу, как да чего, но и чести не теряй, иначе уважения у порядочного человека не сыщешь. Что же до усов как у меня, – Евстафий Кузьмич сдержанно улыбнулся, распрямил их большими пальцами и посмотрел на Василису. Да так посмотрел, что она от неожиданности даже смутилась, а лицо ее покрылось румянцем, – то это, дочка, дело наживное. У твоих женихов такие еще не выросли, но с годами, если за своим будешь ухаживать и уважительно обходиться, как вот мама твоя, тоже вырастут. – Теперь все дружно посмотрели на мать, чем окончательно привели ее в полный конфуз.

– Ой, – воскликнула она, – молодцы-то какие. За разговорами всю картошку смолотили. Анята, помоги прибрать со стола побыстрей. Сейчас кисельку из ревеня принесу, пряников к нему нет, а вот баранки найдутся.

Жили люди у Оки

– Теперь, молодцы, поговорим о вас. Я долго думал, к какому делу вас приставить. Вон смотрите, на базаре и в магазинах в Озёрах все есть, только деньги давай. А получить деньги в наше время – нужно только руки иметь, возможности хватает. На одной земле сейчас не проживешь. Значит, нужен приработок. К примеру, у нас кто сегодня хорошо живет? Тот, кто всю жизнь не ленился и на земле корячился, и в город ходил на заработки, а известно, что в городе или хотя бы в наших Озёрах за сезон заработать можно больше раза в четыре, чем в деревне на земле. К тому же деревенские семьи в основном на своих харчах от земли живут не более четырех с половиной месяцев, так что каждому приходится подкупать продукты на базаре или в лавке. Вот и получается, что земля тебя кормит, а город деньги дает, из этого и складывается достаток. Все, кто ходил на промыслы, сегодня с отрубями и с хутором, а кто ленился и самогонку денно и ночью пил, теперь только глазами по сторонам зыркают и ищут, где бы какую дармовщину словить. В девятьсот пятом годе такие вот и обрадовались, думали сейчас все растащим и разбогатеем. Только у них ничего не вышло. И не могло выйти. Если бы они и победили, да все разворовали, все равно вскорости это бы пропили и проели и стали в чужие дворы заглядывать по-прежнему. А смотреть, что у соседа во дворе есть – пустое занятие, самому надо работать.

– Тебе, отец, только на митингах выступать, – добродушно поддел отца Сергей.

– А ты не смейся. Если бы я по митингам бегал и тайным встречам, ты бы сидел сейчас голодный. Вот начнем с тебя. Вместе с братом в город ходить на промысел у вас не получится. Сейчас поймете почему. А если тебе в город идти, то куда и кем? Специальности у тебя нет, а гнуть спину за копейки тоже нет резона.

– Может, в Озёры на фабрику ткачом?

– Ну, ткачом, это рублей 12–14 в месяц. Зато вертеться вокруг станков без усталости целыми днями, а толку мало. Хорошо бы, конечно, в Москву податься или в Питер. В Москве на фабриках рублей тридцать в месяц можно срубить. Но опять же надо иметь специальность, а пока ты ее освоишь, год пройдет. Многие шалтаи, знаю, в Питер наладились банщиками, парикмахерами, продавцами в лавки. Но от тех денег откинь: за комнату заплати, все харчи покупай, ну, прочее там всякое, что-то из одежки надо прикупать. Вот и выходит – в год рублей семьдесят-восемьдесят набегит, может немного больше. Да и не хочется тебя далеко от дома отпускать. Тяжело одному в большом городе по первости после маминой юбки. Некоторые не выдерживают, кто спивается, кто, не приведи Господи, с революционерами связывается.

Жили люди у Оки

Так что по всему выходит, надо тебе в Озёрах определяться, там сейчас работы сколько хочешь и всякой. Опять же близко от дома, всегда при домашних харчах и родительском присмотре. Там и комнатенку можно снять, цены здесь не разорительные, за рубль пятьдесят копеек всегда есть где пристроиться, не то, что в казармах фабричных – живут толпами в грязи, спят по очереди. Непонятно, кого там больше: людей или тараканов с клопами и мокрицами. А работать нужно либо печником, либо по дереву столяром или плотником. Есть у меня один татарин – печник. Хороший мастер, я одно время с ним отходничал на Москве. Без работы сидеть не придется: печки всегда нужны, кому новую поставить, кому старую отремонтировать. Без печки что барин, что мужик или рабочий никто не может. Как любит говорить мой татарин: «Дом без печки, что голова без мозгов». Короче говоря, хочу собраться как-нибудь и навеститься к нему, узнать, что почем.

Так, что ты Сергей готовься, на Покров и поедешь, но помни: жить тебе придется самостоятельно, а это очень сложное дело. Это вы дома, в деревне, хорохоритесь за мамкой с папой, а на промысле тебе самому отвечать за себя и самому расхлебывать, если что не так сделаешь. В общем, нужно быть умным или всю жизнь дураком проживешь.

– Отец, а что ты говоришь о работе по дереву?

– С такими кулаками, как у тебя, – хихикнул Михаил, – не кирпичи класть, а кувалдой на кухне махать.

– Если только с тобой на пару, – парировал Сергей, разглядывая кулачищи старшего брата, – у самого-то не меньше той кувалды.

– Зря смеетесь, – вступил в разговор братьев Кузьмич, – кузнецы хорошо зарабатывают, рубля два с четвертушкой, а в хороший день и того больше.

В этот момент из-за кухонной ширмочки показалась Василиса с кастрюлей киселя в руках и вязанкой баранок с маком на плече.

– Ну-ка, мужики, принимайте. Баранки еще мягкие, намедни брала в лавке, только привезли, были даже теплые. Так их вмиг растащили. Лавочник говорит: «По деревням хоть ничего не вози, на одних баранках и чае торговля пойдет, только дай. Сколько не вози, все растаскивают. Берут почти как колбасу и мыло. Водки и то намного меньше идет. Да и в городе также. Вот Озёры, говорят, хоть и не город, а в трактирах чая с баранками пьют больше, чем водки». Понятное дело, какой же чай без баранки? Чего ее пустую воду гонять?

– Взять хотя бы озерские трактиры, – добавил Евстафий Кузьмич, так там всегда толпа народу и по будням самовары топить не успевают. Свежего чайку да с баранками или медовым кренделем, куда там водка с луком.

Жили люди у Оки

Деньги-то в кузнице хорошие, – продолжал он, – вот только работенка не больно-таки. Работать в кузнице – свое здоровье губить смолоду – целыми днями у горячего горнила, газы там всякие. А строитель целыми днями на свежем воздухе, работаешь с деревом. От досок идет особый запах какой-то свежести. Некоторые старики-строители с ними, как с живыми, разговаривают.

– Летом-то хорошо на свежем воздухе, а зимой? Холодно, – ежась от мысли о холоде, вставил Сергей.

– Конечно. Это тебе не на печке. Но как топором махнешь несколько раз, так не то, чтобы холодно тебе будет, а жар из тебя поперет, точно из печи. Ты вспомни, как плотники работают? У них же всегда рубахи на распашку. Если сильные морозы – рождественские или крещенские, тогда еще ладно. Но и здесь без работы не просидишь, они по сараям теплым расходятся и рамы вяжут, двери сколачивают, доски строгают, а то и другие строительные детали загодя готовят, наличники на окна вырезают. Плотником или каменщиком работать конечно хорошо, но деньги там небольшие. Плотник в день получает где-то около рубля, копеек девяносто, каменщик – тот копеек на семьдесят побольше. Но денежки весь сезон капают.

Ладно, о тебе сговорились, чего-ничего тебе придумаем, готовься, после Покрова поедешь в Озёры, поработаешь до Фоминой, а там посмотрим.

Теперь о тебе, Михаил. Вот какое дело. Только смотрите, на улице никому не болтать об этом. Понимаешь, решили мы с Афанасием на паях мельницу у нас на ручье поставить и привлечь к этому делу тебя. Подробности потом тебе расскажу. Без помощника, сам понимаешь, поднять такое дело непросто, да и тебе уже в марте двадцать лет будет, глядишь, жребий вытянешь и в солдаты пойдешь. Так что пока последний годок поближе быть к дому-то лучше будет. На домашних харчах оно всегда лучше, чем на стороне.

– Оно, конечно так. Только вот может повезет и вытасу счастливый билет, не всех же призовут, а только одну треть.

– Ну, вытасишь, так, слава Богу, пойдешь в ополчение, а нет, то «прощай, труба зовет», как никак на три годика «за Царя, Родину и Веру», а то и все четыре отдать нужно. Хорошо в пехоту или артиллерию попадешь, или на флоте все пять лет по морям по волнам плавать будешь, вот где жисть медом не покажется.

– Да, не хотелось бы, а в пехоте и три года можно отмахать безбедно, вон наши деревенские пишут, кого той осенью взяли: живут в хороших, чистых и теплых казармах, летом в лагерь на свежий воздух выезжают. Живут, не бедствуют, при полном обмундировании. Два комплекта исподнего, баня

Жили люди у Оки

регулярно. Сапоги кирзовые. Правда летом многие в лаптях с онучами ходят – ногам мягко и приятно, и сапоги не снашиваются.

Недавно Семен Федулов прислал письмо. Особенно доволен едой: мясо постоянно, хлеба вдоволь, щей и каши – «ешь, не хочу», к тому же шесть рублей в год жалование нижним чинам, в гвардии так по двенадцати рублей, а что унтер-офицеры, те вообще от сорока восьми до семидесяти двух рубликов получают. И это еще не все. На каждый день какие-то приварочные харчи им выдают.

– Приварочные – это как бы дополнительный паек, – просветил Евстафий Кузьмич, – хочешь бери продуктами, а нет – можешь получить деньгами.

– Это куда ж столько? Помню Семен писал одного только хлеба выдают три фунта, не хочешь хлеб – возьми мукой или сухарями, мяса где-то граммов триста, а там еще сахар, чай, овощи, крупа и копейка с лишком на прочее. Так и послужить можно.

– Ты очень-то не хорохорься: армия – есть армия, там ведь еще и стреляют, она и создана для того, чтобы убивать людей, а не трескать харчи на дармовщину и, чтобы тебя не убили, надо многому научиться и ко многому привыкнуть. Говоришь «приварок», а окопы в тридцатиградусный мороз не хочешь покопать, когда искры от лопаты летят? Да не просто выкопать, а на положенную глубину и бруствер уложить, стенки окопов закрепить. После такой работы и приварок в горло не полезет.

Так, что решаем о тебе?

– Вроде, как уж решили: как скажешь отец, так и будет. Воля твоя, надо, значит остаюсь дома при строительстве.

– Вот и ладно, – обрадованно «пропела» Василиса, выглядывая из-за кухонной ширмы, – там глядишь и к младшему братцу лишний раз в Озёры сгоняешь – харчишек домашних отвезешь, одежду и белье постирать заберешь. Вот и получится опять все вместе, а вместе оно всегда веселее.

– Коли решили, давайте расходиться по делам, – подвел итог Евстафий Кузьмич, – а то засиделись. Подробности дела я тебе потом расскажу. Еще раз напоминаю всем, про мельницу до срока никому ни звука.

* * *

В этот день после обеда Евстафий Кузьмич по заведенной привычке решил пойти осмотреть порядки во дворе, как там работники, все ли при деле, не ленится ли кто, нет ли пьяных или какого другого безобразия. Осмотром он остался доволен: везде чистота, порядок, навоз убран и лишнего запах не дает, упряжь аккуратно развешана по стенам. Только, что-то у курятника

Жили люди у Оки

земля просела и при первом дожде готова стать вонючей лужей. Распорядился «лужу» засыпать землей, а сверху присыпать свежим песочком.

Особого настроения что-то делать у Кузьмича не было, голова была забита различными мыслями, не давали покоя и разговоры с Афанасием и детьми. «Все вроде ладно получается, – подумал он, – хотя ладно, пока до дела не дошло. Ничего, определимся и в этих делах». Проходя мимо ворот на улицу, решил посмотреть, что там на селе делается.

Людей почти не было видно. Кто был занят домашними делами, кто-то еще с полей не вернулся, а кто постарше, так те попросту спали после обеда. Дорога вдоль улицы Кузьмичу не понравилась, вся она была разбита рытвинами и глубокими засохшими колеями. Собственно и дороги как таковой не было, колеи заняли почти все пространство улицы. Сразу было видно, что хозяйская рука давно ее не касалась. Хотя раз в несколько лет ее пытались поправлять – сгребали землю и посыпали щебнем, но где-то там в земле находились сырые бучила, как их называли в деревне, вот они-то постепенно и засасывали в себя, как в бездну, и землю, и щебень, оставляя на поверхности канавы, которые от дождей становились непроходимыми. Надо на сходе поговорить с мужиками и привести к зиме все в порядок, а то по этим колдобинам все сани раздолбишь, да и лошади, не дай Бог, ноги переломают.

* * *

В начале улицы Евстафий заметил показавшиеся на ней дрожки – явно не деревенское явление, не характерное для здешних мест. Евстафий Кузьмич присмотрелся: «Кто это к нам пожаловал?» Кузьмич не спешил уходить домой, а посмотрел, кого им Бог послал нектати. Когда они приблизились, донесся веселый знакомый голос:

– Евстафий! Евстафий Кузьмич! Друган ты мой, ты ли это?

Евстафия Кузьмича моментально охватило чувство радости, когда он узнал друга своего детства.

– Мишка! Какими судьбами? – воскликнул он. – Вот уж кого не чаял сегодня увидеть. Неужто сам господин Щербаков к нам пожаловали?

– Сам, сам, – когда дрожки остановились рядом с Евстафием Кузьмичом, из нее буквально выпрыгнул в объятия Кузьмича крупный, статный, с аккуратно постриженной бородой, красавец-мужчина в парадном мундире пожарного брандмейстера. На груди у него позвякивали серебряные медали, которыми он очень гордился. – А я еду, думаю застану иль нет дружбана юности, а он на те вам, сам встречает.

Жили люди у Оки

– Ну, Миша, Миша, вот подарок ты мне сделал. Я уж думал встречу в Озёрах, подашь ли руку или забыл, ведь кто Ты, а я мужик-мужиком, вокруг тебя таких сотни? О тебе все Озёры только и говорят, и у нас в деревнях почитают, скоро легенды о тебе сказывать будут.

– Чего такого ты, Кузьмич, несешь? Кто же юность забудет? А что до моих фабрик, так это не самое главное в жизни. Да и ты, Кузьмич, не последний в волости человек, а что мужик? Так я слышал, что скоро переходишь в купеческое звание, денег-то, поди, настрякал немало. Рад за тебя. Давно пора, говорил мой отец твоему батюшке: «Кузьма не уезжай из Озёр, не послушался. Сейчас и у тебя бы, глядишь, были свои фабрики или торговал бы не ниже Калядинова».

– Ну, что теперь об этом вспоминать? Так каким ветром тебя к нам занесло?

– Я, понимаешь, ездил в Алешково, к соседям вашим. Глухомань там, тишина, лоси, кабаны непуганые. Красота как у берендеев. Внизу под деревней ручеек журчит и прудик с ледяной ключевой водой, на бугре церковь красуется, куполом на солнце сверкает, а вокруг леса дремучие. Дед мой, Царство ему Небесное, прикупил там в свое время половину имения, так я думаю, не прибрать ли его к рукам полностью. Благо хозяин не знает, как от него избавиться. Трава для покоса у них там в лугах больно густая и сочная. Туда-то я, как все, проехал через Суково, а назад через наши Речки, дорога здесь короче и напрямиком на твой дом выходит. Вот я и думаю, дорогу посмотрю, а заодно и тебя проведу. Кузьмич, когда же мы последний раз с тобой виделись?

– Так известно когда, – Евстафий Кузьмич задумался на какое-то мгновение, – в прошлом годе, когда Государю нашему императору Александру II, – Кузьмич перекрестился, – памятник в Озёрах ставили. Меня сельский сход направил. Тогда только разговоров было, как вы с Моргуновым не пожалели – отвалили денег на его строительство.

– Помниться, крепко тогда выпили, было за что – святое дело. Особенно тогда пообщаться не пришлось – народу толпа, никого не обойдешь, все люди уважаемые, с каждым чокнуться надо, хотя бы словом обмолвиться. Сам генерал-губернатор Джунковский пожаловали, а мы в хороших с ним отношениях, так вот меня ни на шаг не отпускал. Когда прощался, был в подпитии, расслабился. «Э-эх, Михаил Федорович, – говорит, – бросить бы все и к вам хоть на недельку закатиться, половить рыбу».

– Кстати, чего это мы здесь стоим? Пошли в дом.

– Пошли, пошли, похвались, как ты здесь живешь? Дом-то твой со всех сторон виден. Степан, – Михаил Федорович окликнул возницу, который

Жили люди у Оки

ослаблял в это время аммуницию у лошади, – тащи каких там староста алешковский гостинцев нам всучил.

– Василиса! – кликнул Евстафий Кузьмич. – Ты где, посмотри, какой гость дорогой к нам пожаловал.

* * *

Михаил Федорович Щербаков происходил из семьи бумаготкацких мануфактуристов Федора Щербакова. Его дед Козьма Щербаков был основателем бумаготкацких мануфактур в деревне Озерки в 1834 г. В последующие годы Товарищество Мануфактур «Ф.Щербакова сыновья» пустило прядильное отделение и стало иметь законченный технологический цикл по выпуску готовой ткани. Управляло Товариществом правление, которое избирало председателя. Члены Товарищества вносили паи и имели свои права и обязанности. С конца XIX в. председателем правления избирался Михаил Федорович Щербаков.

Родился он 21 ноября 1871 г. в селе Озёры. Озерская газета, публикуя статью о М.Ф. Щербакове, писала: «До чего мудрая штука, история. Как она умеет обкатать, огранить личность, представить ее в таком свете, что, кажется, иначе и быть не может. Еще у нее, истории, есть свое благородство, она не злопамятна по мелочам, умеет высветить со временем главное и заглушить второстепенное, которое когда-то казалось ярким и значительным. В призме времени многое предстает по-иному».

М.Ф. Щербаков окончил школу, а затем коммерческое училище в Москве. В Озёрах он был занят фабричными делами, однако его постоянно тянуло к музыке и в конце концов он окончил дирижерское отделение Московской консерватории, получил диплом регента и дирижера хоровых групп. С удовольствием занимался в Озерах с детьми в созданной им детской хоровой капелле, принимал в нее на обучение способных к музыке и пению ребяташек из многосемейных и бедных семей, что работали у него на производстве. При этом обеспечивал их общежитием, питанием, одеждой и обувью. По окончании капеллы устраивал хористов на работу в контору – учетчиками, конторщиками. Дети получали и общее образование – проходили 3-х и 5-классное обучение в министерской школе при фабрике. Особо одаренных детей Щербаков направлял в Москву в частную хоровую капеллу Федора Алексеевича Иванова. Окончив ее, многие работали артистами – И.С.Григорьев, Д.И.Волков, дирижерами – А.Н.Рыбаков, А.Ф.Зайцев, хормейстерами – П.М.Копченкин и другие. Музыка и хоровое пение оставались во все времена большим увлечением Михаила Федоровича. Под его руководством в Озёрах сложилось несколько хоров. Самый первый

Жили люди у Оки

хор – складальщиков красильно-отделочного производства. В хоре были отлично подобраны голоса. Хористы проживали в одном месте – в фабричной казарме «Хива».

И было у Михаила Федоровича еще одно увлечение. Когда в июне 1892 г. организовалось Всероссийское добровольное пожарное общество, он обратился в Коломенскую управу за разрешением организовать при фабрике «Ф.Щербакова сыновья» свою пожарную дружину. После этого он окончил курсы по организации пожарных отрядов и стал создавать у себя в Озёрах добровольную команду (дружину), став ее брандмейстером.

М.Ф. Щербакова так завлекло это дело, что он не жалел денег на строительство для дружины помещения вблизи фабричных корпусов. Построена была и конюшня, в которой разместили тяжеловесных лошадей с упряжкой. Постоянной заботой стала заготовка для них сена и фуража. У Товарищества были луга возле села Алешково, принадлежала ему и часть села, а позже Товарищество купило все село.

При пожарной дружине действовали курсы сестер милосердия.

Открытие добровольного пожарного общества при Товариществе Мануфактур «Ф.Щербакова сыновей» состоялось 24 июня 1894 г. В пожарном депо было организовано круглосуточное дежурство, установлены сигнальные сирены и гудок. Из пожарных-добровольцев были созданы отряды.

В пожарной команде придерживались строгой дисциплины. М.Ф.Щербаков сам был строг и требователен, к себе и другим поблажек не делал. Нарушителям приходилось не сладко. Михаила Федоровича часто можно было видеть в пожарной форме, каске, за поясом он носил топорик из серебра. А возле дома на привязи вечером и ночью всегда стояла запряженная дежурная лошадь и при ней находился дежурный кучер.

С пожарными регулярно проводились занятия. Озерская добровольная пожарная дружина принимала участие в практических занятиях на соревнованиях с соседними дружинами Коломны, Зарайска, Луховиц. Часто озерчане становились призерами в соревнованиях, а по московской губернии Озерскую добровольную пожарную дружину признали одной из лучших.

Рядом с депо было выделено специальное помещение для работающих в мехзаводе и мастерских, в котором репетировал оркестр духовой музыки.

По выходным дням оркестр часто играл в городском саду, что неизменно привлекало озерчан для прогулок по его аллеям, умиротворению и восстановлению душевного равновесия после непростых трудовых будней. Хор рабочих тоже часто выступал перед публикой, и озерчане любили эти выступления.

Жили люди у Оки

Другой хор – светский-любительский, он же церковный – репетировал в доме самого Щербакова, и Михаил Федорович часто сам дирижировал им (здесь же, кстати, на третьем этаже помещалась школа министерства просвещения). Хор пел в церкви, на похоронах богатых людей села, выступал в клубе для знати.

Много полезных дел для Озёр было на счету у семьи Щербаковых. Еще дед Михаила Федоровича и Моргунов-старший финансировали строительство самого крупного и красивого Введенского храма в Озёрах. «Церковные ведомости» за 1888 г. писали: «Этот Храм... не уступает столичным Храмам своею внешностью и особенно внутренним великолепием и богатством...»

Все озерчане любили и уважали Михаила Федоровича, да и власть имущих не избегала дружбы с ним. Даже генерал-губернатор В.Ф.Джунковский дружил с ним. Это видели все, когда дважды тот приезжал в Озёры. Первый раз – на открытие школы министерства просвещения при фабрике «Ф.Щербакова сыновей». Второй – на открытие памятника царю Александру II Освободителю, который был установлен на главной Большой улице Озер напротив Храма.

В период революционной смуты после февраля и после октября 1917 г. Михаил Федорович никуда не собирался уезжать. Фабрики продолжали действовать, несмотря на разруху. Пожарными были усилены постовые у складов. Мародерство на комбинате всячески пресекалось. В ответ на это самые горластые громко кричали о свободе и призывали «грабить награбленное».

Когда была объявлена национализация, М.Ф. Щербаков сам явился прямо на заседание исполкома Озерского совета, достал из саквояжа все документы по передаче фабрик новым хозяевам. По просьбе Михаила Федоровича он остался на комбинате в качестве начальника хозотдела и пожарной дружины. Позже в 1925–28 гг. он организовал хор из взрослых и подростков, который репетировал в помещении коммерческого училища.

* * *

Друзья зашли в избу, перекрестились на образа.

– Василиса! – еще раз позвал Евстафий Кузьмич. – Ты куда провалилась?

– Иду, иду, – раздался голос Василисы из второй избы, – я тута рубахи глажу.

Дверь открылась, появилась Василиса. Увидев гостя, от неожиданности ее слегка даже подало назад.

– Здравствуйте, – не узнавая в человеке в форме Щербакова, медленно проговорила она, – будьте гостем.

Жили люди у Оки

Друзья переглянулись и дружно засмеялись на растерянность Василисы.

– Василиса, ты что же друзей-то не узнаешь? – продолжая смеяться, заговорил Михаил Федорович.

Василиса присмотрелась:

– Ой, Миша... Михаил Федорович, не признала при таком мундире. Что за генерал, думаю, пожаловал к нам? А вот, как засмеялся ты, по голосу-то и признала. Заходите, заходите. Гость на гость – хозяину радость, а такому гостю радость вдвойне.

– А мы, что уже на Вы перешли? Помнится, Мишкой ты меня называла, а я дразнил тебя Васькой. Давай обнимемся, что ли, давненько не виделись.

Обнялись, расцеловались, у Василисы на глазах даже слезы блеснули.

– Ну будет, будет, – остановил их Кузьмич. – Пошли, Миша, за стол, Василиса подавай.

– Ничего не надо, – поспешил остановить их Михаил Федорович, – мне в Алешкове мужики собрали кое-что в дорогу, этим сейчас и закусим.

Щербаков выглянул в окно: «Степан, ты где? Корзину давай». Степан принес корзину с продуктами.

– Тогда вы закусывайте, а я горяченького чего на скорую руку спроворю.

Щербаков восхищенно смотрел на Василису и было очевидно – он вспоминал ту девчонку, какой она запомнилась ему с юных лет, и пытался сравнить тот образ с нынешней Василисой.

– Смотрю на тебя и думаю, вроде ты такая же, как много лет назад, и не такая же.

– Еще б, тебе, Мишенька, годы, они никого не красят.

– Годы-годами, но ты красавица как была, так и есть.

– Как есть, – вступил в разговор Евстафий Кузьмич, – всю жизнь шустрая, деловая, все в руках у нее горит, все-то у нее «щас спроворю», «погоди, сбегая», «отдохни, я мигом». За что люблю ее и уважаю.

– Мужики-то, небось, проходу не дают? Глазищами так и зыркают?

– Уже не зыркают. Деревенским отбил охоту сразу. Как кто зыркнет, я, молча, в пятак им, они сразу оставались в полном понимании.

Михаил Федорович расплылся в улыбке: «Эту твою манеру я помню». Он потрогал рукой свою челюсть, как бы проверяя, на месте ли она.

– Вот и ладно, помнится ты был первым, кто сразу понял.

Друзья опять захохотали.

– Сколько же ты лет потерял? Все не хотел жениться, а ведь мог бы еще до того как в солдаты пошел, и Михаил бы твой был старше, тебе помощник. А ты все на заработки, да приработки. Василиса молодец, сколько лет ждала?

– Куда ж без заработков? А дети и так помогают, как могут. На родительской шее сидеть? Я к такому не приучен и своих не приучаю.

Жили люди у Оки

Твоя-то красавица не хуже Василисы, – улыбаясь заметил Евстафий Кузьмич, – как в сказке говорят: «Полцарства за такую не жалко». А как поет! Здорово ты ее у Николая Чарухина увел!

– Как не увести? Жизни у них никакой не было, он из запоев не выходил, считай весь дом разорил, она фактически одна мыкалась. Главное, он не ценил ее, ему было все равно, что она, что другая. А я как посмотрю на нее, у меня аж дух захватывает. Так-то, вот, брат, согрешил я и не жалею, думаю, Господь Бог простит мне это, ведь он всемилостивый. А потом я ведь точно стал замечать, что и она, вроде, в мою сторону поглядывает. Ну, тогда думаю, Михаил, не ты, так другой все равно будет. Так лучше я. Вот только не знал, как к делу подступиться. Все-таки Николай у меня регентом в хоре числился.

Разговоры о том, как фабрикант М.Ф. Щербаков в одночасье увел у регента своего хора жену, быстро облетела все Озёры. Рассказывали ее по-разному, но было понятно, что на Пасху, когда в доме Щербакова собралась веселая компания и все хорошо разговелись, Николай, как всегда уснул прямо за столом. Когда почти все гости уже разошлись, Михаил Федорович набрался духу и подсел к Марии Ивановне, скучавшей на диване в углу большой залы: «Так мол и так, – говорит, – люблю тебя и жениться, – говорит, – на тебе хочу». Она вся хоть и зарделась от таких слов, а взгляд – твердый, но веселый – не отвела. Они у нас ведь окские девки, какие? Их пронять не просто. «Это, что ж будет, – говорит, – и в ткацком цеху у меня хозяин Щербаков и дома он же? При живом-то муже?» «Ты не шути, – это Щербаков-то ей отвечает, – меньше хозяев – толку больше». «Ну, тогда, – говорит, – я согласна».

Дальше все происходило как в романе. Рассказывали так.

«Коли согласна, езжай, – говорит ей, – домой, собери вещи, только самые необходимые, приготовь дочку и жди. Часа через полтора приеду за тобой». Она не ожидала такого поворота, растерялась. «Не бойся, – говорит, – милая ты моя, положишься на меня, все будет хорошо». Короче, отправил ее домой, а Степану наказал, гони, мол, к Чарухину домой, отвези Марию Ивановну, грузите вещи и ждите меня, по дороге заскочи в пожарную дружину, пусть мигом запрягают еще одну пролетку и ко мне. Сам – в залу, где за столом спал муженек ее, кое-как растолкал его и прямо говорит: «Николай, отдай мне Машу».

– Машу тебе? – отвечает, – а фигу с маслом не хочешь? – И вертит у Щербакова перед носом фигой.

А тот аккуратненько так берет его за кулак, у него аж пальцы хрустнули, а на глазах слезы навернулись.

Жили люди у Оки

– Николай, – говорит ему так по-хорошему, – зачем она тебе нужна, а мы, мол, любим друг друга. Она ведь вся измучалась с тобой, кабы ты не пил и разговору, глядишь, этого б не было.

Чарухин наливает бокал мадеры, залпом его опрокинул, закурил и сидит тихо, задумался. Потом поворачивается к Михаилу Федоровичу, смотрит хитро так и говорит таким противным сиплым голосом: «А с чем же я-то тогда останусь, осиротить меня хочешь?» Щербаков понял всю хитрость и подлость пьяницы и пообещал ему денег дать и другую невесту на фабрике найти, сватом ему быть.

Чарухин как про деньги-то услышал, так и согласился. На том и порешили. Тогда Щербаков, как условились, и говорит своему брату Василию: «Посиди с Николаем пока я не вернусь». А Чарухину наказал подождать, пока ему дрожки не придет, а сам бегом за Марией.

Вот приехал он назад, сами-то к черному входу, а Николаю дрожки поставил к парадному. Марию с дочерью – в дом, а Николая Вася выносит из дома.

Пока друзья предавались воспоминаниям, они так просто время не теряли. Михаил выкладывал из корзины на стол ее содержимое. Иногда коротко обращался к Кузьмичу – порежь то, порежь это, дай миску, тащи стаканы и т.п. Вскоре на столе все было готово.

Последнее, что было изъято из корзины – это четверть настойки.

– Что, Кузьмич, – поглаживая бутылку, улыбнулся Щербаков, – тряхнем стариной со встречей, алешковская настойка, староста говорит: «Не для питья, а для лечения». Зови Василису, будем лечиться».

Василиса пришла со своим графинчиком.

– Это у меня женский вариант, легонькая, малиновая, – привычно проверещала она своим певучим голосом.

Выпили по первой, выдохнули, удовлетворенно покачали головами – «хороша», «это тебе не таракановка какая». Казалось, все заветные травы и коренья с пажитей из окрестностей Алешково были здесь собраны. Ан нет, только те, которые подходили и дополняли друг друга. Особо алешковский староста обозначил присутствие чешуек из еловых шишек, березовые сушеные почки, годовой прирост веток черной смородины и сушеную малину. А какие еще травы и коренья, он сам не знал – «Это мне бабулька соседка собирает весь сезон, сушит, смешивает и не велит никому говорить, иначе они потеряют целебную силу».

– Берите сало, – после второй посоветовал Михаил Федорович, – какого-то особого посола и прикопченное. Я в Алешково пробовал.

Сало действительно оказалось отменное. Вначале шел толстый слой бело-розового жира, шкурка которого жевалась как мягонький хрящик, затем

Жили люди у Оки

– тонкие мясные прожилки и завершалось все это фосфорирующим красным слоем любовинки мяса, сок которого заставлял хотеть есть его еще и еще.

Толстые караси были золотистого цвета и приготовлены как-то так, что их кости и позвоночник сами рассыпались под зубами, и можно было не бояться подавиться ими. Караси пошли уже под третий тост.

– Карасей так тушит только теща старосты, – предвосхищая вопросы, довольный произведенным эффектом сообщил Михаил Федорович, – всех угощает, но рецепта никому не рассказывает. Знаю только, что тушит в луковой шелухе, а что еще да как, не знаю.

– Что-то у тебя, Василиса, с кухни запах капустный пошел? – заметил Кузьмич, запуская в рот очередной увесистый кусок карася.

– Это я молоденькой капустки на свининке решила пожарить, она, наверное, уже почти готова. Много ли на нее надо. Молоденькая ведь белокочанная. Скоро подам, – затараторила своим мелодичным голосом Василиса, поспешая на кухню, – а то совсем с вами заболталась, о деле чуть не забыла.

Пока Василиса суетилась на кухне, мужчины налили еще по полстакана и выпили еще по глотку.

– Ну, ты рассказывай, как живешь? Как дети? Как хозяйство? – донимался Михаил Федорович.

– Всего так сразу и не скажешь. В целом доволен, но дел и проблем хватает. Вот задумал я мельницу поставить.

– Дело хорошее и полезное.

Евстафий Кузьмич коротко и по существу изложил суть дела.

– Сейчас главное утрясти вопрос с деньгами. Афанасий предлагает окрутить помещика Некитаева, игрока и забулдыгу, я тебе рассказывал об его ельнике.

– Слышал я о нем: пустой человек. Знаешь, что, Евстафий, пусть твой Афанасий охмуряет этого пьяницу. Без этого тоже в делах не бывает. А ты как подсчитаешь, что почем, приезжай ко мне, подумаем. Может, я тебе лично чем подсоблю.

В это время входная дверь отворилась, и в избу ввалился Сергей.

– Здравствуйте, – сказал он, затем ойкнул. – Ой, Михаил Федорович, простите, не признал сразу. Наше вам почтение, – поклонился он.

– Это что за молодец? Неужто младший? – искренне удивился Щербаков.

– Так точно, дядь Миш.

– С последнего раза, когда виделись, как вытянулся, в плечах раздался. Совсем взрослый молодец. Ну, иди сюда. Присядь. Дай на тебя посмотрю. Ба!

Жили люди у Оки

Евстафий, – посмотрел он на довольного Евстафия Кузьмича. – Что делается? Встретить бы в Озёрах, так не признал бы. Рассказывай, чем занимаешься?

– Как чем? Известно, отцу по хозяйству помогаю. Мама иной раз чего прикажет. Вот батя в Озёры посылает на работу, – весело сообщил Сергей и посмотрел на отца.

– Да уж, был разговор. Пора ему на заработки. Итак засиделся за мамкиной юбкой. Просился к тебе на фабрику, да я отсоветовал.

– Правильно сделал. Шум, запахи всякие, дышать нечем, в холодную пору сквозняки. Да и зарплата не Бог весть какая: двадцать три–двадцать четыре рубля в месяц. Грамоте обучен?

– В Озёрах гимназию кончил, – с гордостью сказал Евстафий Кузьмич, – и старший тоже, дочка Анюта отучилась в женской средней школе. Так что у нас все, как у людей.

– Хорошо, очень хорошо. Рад за вас, – восхищенно проговорил Щербаков, но, казалось, думал он о другом. Он приподнял голову и стал принюхиваться. – Что это у вас? Никак домашняя колбаса? – глотая слюну, медленно произнес он.

– Как есть: она самая. Залежалась в погребе с прошлого закола свиньи. Василиса, – крикнул Евстафий Кузьмич, – не томи.

– А я вот! – почти подбежала к столу Василиса, еле удерживая огромную жаровню с капустой, уложенную сверху несколькими кольцами обжаренной домашней колбасы и просматривающимися сквозь свежую зелень капусты свиные шкварки.

Описать, что происходило в ближайшее время после того, как жаровня оказалась на столе, сверх сил автора. Мы с Сергеем лучше пока побудем во дворе и отдохнем на ветерке.

– Пап, ну, я пошел, – неуверенно произнес младший, с завистью разглядывая колбасу, – не буду вам мешать.

– Иди, иди, родненький, – заверещала Василиса, – вечером на ужин и капустки, и колбаски всем хватит. А сейчас пусть мужчины поговорят.

– И о работе твоей поговорим, – не отрываясь от колбасы проговорил Щербаков. – С ливером? – спросил он, обращаясь к Василисе.

– С ливером, на внутреннем жире и мяса постненького нарубили мелко, с лучком и чесночком. Все как положено.

– погоди, – остановил сына Евстафий Кузьмич. Он протянул руки с ножом к колбасе в жаровне, отмахнул кусок от нее, и подал сыну, – на, а то ужина долго ждать. – Все обрадовались такому жесту Кузьмича.

Когда младший ушел, Щербаков спросил:

– Ну, и что вы решаете о его заработках?

Жили люди у Оки

– Думаем, для начала далеко не отпускать, а отправить в Озёры. Он-то, видишь, поначалу собрался к тебе на фабрику.

– Ну, это он от незнания. На фабрику ткачами идут в основном мужики, которые мало что умеют делать и не хотят учиться путевому ремеслу. Вот они за копейки и вкалывают на станках.

– Да уж, разное говорят о фабриках и о зарплате, и о штрафах, и о житье-бытье в казармах.

Щербаков ухмыльнулся, понимая к чему клонит Кузьмич:

– Ты их больше слушай, они такого наговорят, что хоть господина Карла Маркса с того света вызывай.

– Какого такого Маркса?

– Был такой известный экономист в Европе. Интересную книгу написал. «Капитал» называется. О том, как строить производство и зарабатывать деньги. Он еще в вожди пролетариата напрашивался. Только его не все слушали. Крутой, видно, господин был. Сам всю жизнь не работал, а других учил. Жил на деньги своего дружка Фридриха Энгельса – фабриканта – и сам же агитировал свернуть этих фабрикантов, а банкиров пустить помиру.

– Так это как наши социалисты?

– А он и был первым социалистом, хотя книжка его умная, я ее время от времени почитываю. Вот ты говоришь, у меня зарплата маленькая. А где ее большую-то взять? Я ведь деньги рабочим плачу не столько, сколько мне хочется, а сколько могу. Остальные не все мне в карман идут. У меня целая бухгалтерия сидит, подсчитывает, сколько на развитие требуется, на закупку сырья, ремонт оборудования и зданий, налоги. Озёрам опять же помогать надо: то улицу замостить, то еще чего. На ремонт Храма Троицы давал – Святое дело. А больницу для них построил и содержу ее, они в месяц за койку 29 копеек платят, а мои убытки никто не считает. Только и орут: «Плати еще». Ну, заплачу вдвое-втрое больше и через два-три месяца разорюсь. Тогда вообще работу потеряют, голодными будут сидеть. И это не один, не десять, а сотни человек с семьями. Посмотрел бы я как они сами-то справились с производством. Маркс прав – это целая наука.

– Так-то оно так, – задумчиво произнес Евстафий Кузьмич и разлил еще водки, – да вот жить-то хорошо всем хочется.

– Конечно, но я-то здесь при чем? Мы заключаем с рабочими договора, там все прописано: сколько зарплата, за что штрафы брать будем и тому подобное. Они договора подписывают, а через месяц-другой орут «мало, еще давай». Хорошо, я сокращу прием на работу, а их деньги поделю между оставшимися, но вместе с деньгами и работу уволенных между ними поделю. Что тогда будет? Да, опять как в 1905 году. Ну, и кому это надо? Так-то, брат, давай за Василису твою выпьем и пожелаем ей здоровья. Оставайся,

Жили люди у Оки

Василисушка, всегда такой же красавицей на радость мужу, да чтобы дети тебя радовали и не забижали. Будь здорова!

– Спасибо тебе, Мишенька. Я стараюсь. И детьми, и мужем довольна.

– Она у меня молодец. Моя опора, без нее не знаю, чего бы делал. Будь здорова, родная, а я уж постараюсь. – Кузьмич привычно повел большим пальцем и взглянул на Василису тем самым своим неотразимым взглядом, от которого она не знала куда деться и куда спрятать свое замешательство от посторонних.

Выпили, захрустели огурцами.

– Вот в 1905 году требовали отменить штрафы. Ты рассуди, Евстафий, сам: придут к тебе мужики молотить зерно и расколнут мельничный камень. Что ты будешь делать?

– Заставлю купить новый.

– Правильно, так это и есть штраф.

– А если ты сговорился, что они будут возить зерно с поля? Днем приехал посмотреть на работу, а они пьяные в кустах сидят, а к вечеру собрался дождик и лил всю ночь напролет? Или, скажем, послал ты бригаду в лес дрова пилить, и они привезли тебе комли и сучкастые макушки, хорошие стволы себе растащили. Ты им выговор, а они тебя матом. Мол, весь лес такой.

– Ты уж, Миша, скажешь, здесь и ежу все понятно.

– Вот видишь, у тебя «все ежу понятно», а как у меня, то «произвол». Какой же там произвол? На каждого содержится «Штрафная» книга, где прописано сколько и за что положено штрафовать. К примеру, прогулял день, пропьянствовал – половина рабочего дня штраф и, обрати внимание, не целый день, а только за половину; за целый день штраф положен при прогуле два дня; пришел пьяный на работу и допустил поломку оборудования – 50 копеек в зависимости от характера поломки; небрежно зарядил оснастку, там внахлест или, допустим, замотка нитей – плати 9–10 копеек. Не слушаешься мастера, обложил его матом – опять же 50 копеек. Ну, и так далее. А как же ты думал? Так что не штрафы большие, а у лоботрясов их много набирается. Иной раз народишко такой соберется, что без этого на них управы не найдешь. Вот они-то в 1905 году на митингах и выступали больше всех, а революционерам всяким только этого и надо.

Или вот еще. Недовольные фабричной лавкой: мол дорого там. У меня с ним договор, во-первых, продукты дороговаты потому, что там они могут брать продукты под запись без денег, а он потом присылает ко мне в бухгалтерию счета и по ним мы вычитаем долги из зарплаты и возвращаем лавочнику. Мне прибыли никакой. А им? Плохо ли – денег нет, семья сыта. В конце концов, не хочется, иди на рынок, там тебе так обсчитают, да обвесят,

Жили люди у Оки

что рад не будешь, или такое мясо всучат, что только собак корми. Вот и разумеи кто прав, а кто виноват?

Ладно, будет об этом. Давай о сыне твоём поговорим. А то вечереет уже, пора собираться ехать. Наливай еще, больно хороша настоечка.

Насчет сына так скажу: ты не думай, а присылай его ко мне, да поскорее. Работа ему у меня есть в пожарной дружине, будет заведовать всей канцелярией и осваивать пожарное дело. Зарплату для начала положу рублей двадцать два, форму выдам, как всем. За участие в тушении пожаров еще прибавка к зарплате. На круг получится так, что жаловаться не будет.

– Вот на этом, Михаил Федорович, спасибо тебе. Уважил так уважил. А, мать, что скажешь?

– Чего же здесь говорить? Спасибо тебе, Мишенька. Век буду Бога за тебя молить.

– Вот и чудненько. Будем считать, что стоворились. Завтра-послезавтра и присылай.

Прощаясь, Михаил Федорович пригласил Евстафия Кузьмича и Василису на следующее воскресенье в церковь Троицы в Озёры в два часа дня на благотворительный концерт сводного церковного и его детского хоров.

– Обязательно приезжайте. Буду ждать. Моя красавица поет с хором нашу любимую «Не брани меня, родная». Как поет! Иные нынешние певички в Москве и Питере с ней рядом и не стояли. Вот это музыка! Такие песни, да таким голосом только в церквях и исполнять. Душа от них зацветает и молодеет. Евстафий Кузьмич, это пение так пение! – восхищенно продолжал Щербаков. – То не трактирное завывание «жемчужины» – трубы Иерихонской. После ее песен как будто на коровьем реву побывали. И не кривляние молодых пищалок из канкана. Как взяла моя Мария Ивановна надясь на спевке первые ноты:

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его,
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Это серебряный дождь с Поднебесья. В словах сразу увиделось столько тоски, что всем нутром ощущалась несчастная любовь этой девушки. Голос ее звучал, как никогда. Мне даже показалось, что я вижу его, вижу, как он плавно поднимается к куполу церкви и звучит там уже сам по себе, и не Маша поет, а ее голосом там под куполом плачет девичье сердце. И здесь, представляете, тихо вступает хор. Вначале низкими тонами, потом они

Жили люди у Оки

постепенно разбавляются высокими и пополняются ангельскими детскими подголосками:

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так рвется ретивое,
И терзаюсь я тоской.

Все это, как утренняя свежесть стелется между слушателями, проникает в каждый проемчик Храма, постепенно заполняет все его пространство кверху. В тот момент, когда хор соединился под куполом с самым высоким и чистым голосом Маши, произошло нечто необыкновенное: мне показалось, что открылось величайшее таинство человеческой души. Я даже не мог понять, что это. Я просто его почувствовал. Вот здесь-то слеза меня и прошибла. Все остальное я слушал, как во сне, ничего не замечая вокруг и не ушами слушал, а все мое существо пропитывалось звучанием хора и ее голоса:

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать судьба моя такая,
Что должна его любить.

Что я рассказываю... Приедете, сами все услышите и поймете. А знаешь, кто слова к ней написал? Наш Алексей Ермилович Разоренов из Малого Уварова Бояркинской волости. Какой был человечище! А ведь простой, как и мы, из мужиков. Так вот на тебе: – талантище. Потом поедем ко мне домой обедать.

– Василиса, что скажешь? – спросил Евстафий Кузьмич.

– Я бы поехала с удовольствием и Машу послушать, и в самой церкви Озерской давно не была. Тем более, что Миша так зовет. Неловко отказывать.

– Ну и ладно, приедем. Встречай.

– Степан, – окликнула Василиса извозчика, – корзину-то не забыл? Я тебе, Мишенька, колбаски положила, да бутылочку кислых щей. Утречком выпьешь, весь хмель квасок как рукой снимает. Баночку маслица своего домашнего, топленого снарядила с кашей пшенной поедите и лепешек ржаных положила, прямо перед твоим приездом напекла.

Жили люди у Оки

– Ну, спасибо, милая. Ты меня прям задарила. Машенька будет довольна, особенно домашние масло топленое и лепешки она любит. «Дух, – говорит, – от них идет какой-то особый: чистый и ненавязчивый».

Михаил Федорович уехал, когда солнце ушло за лес. День сменился покоем отдыхающей от солнечных лучей природы, зелень деревьев, кустов и травы как бы распрягалась от яркого света и готовилась ко сну, хотя времени до темноты ночи еще было много.

– Хорош денек сегодня выдался, а, Василиса, как тебе? – Евстафий Кузьмич с лаской и умиротворением посмотрел на жену.

– Да уж. И дел сколько прибрали, и с Мишей повстречались. С Афанасием-то все оговорили? Чего он приезжал?

– А я тебе не сказывал? Афоня наш в точности, как я планировал, собрался ставить мельницу. Уже в Озёрах с мастерами сговорился и к барину молодому Некитаеву успел подкатиться. Да, видать, подсчитал и понял, что одному ему это дело не поднять. Вот приходил звать меня в сотоварищи.

– Батюшки, что делается! И что же ты?

– Что-что? Согласился. А как ты думала? Афанасий молодец, все правильно подсчитал. С таким в одной упряжке можно работать. К тому же, я подумал, он молодой еще, силы в нем много, шустрый, а я уже становлюсь не тот. Тут думай не думай, а соглашаться надо. С годами старший сын меня подменит. Вот дело оно и будет двигаться.